

oxoma

и охотничье хозяйство

7

2011

2011
n 7-12

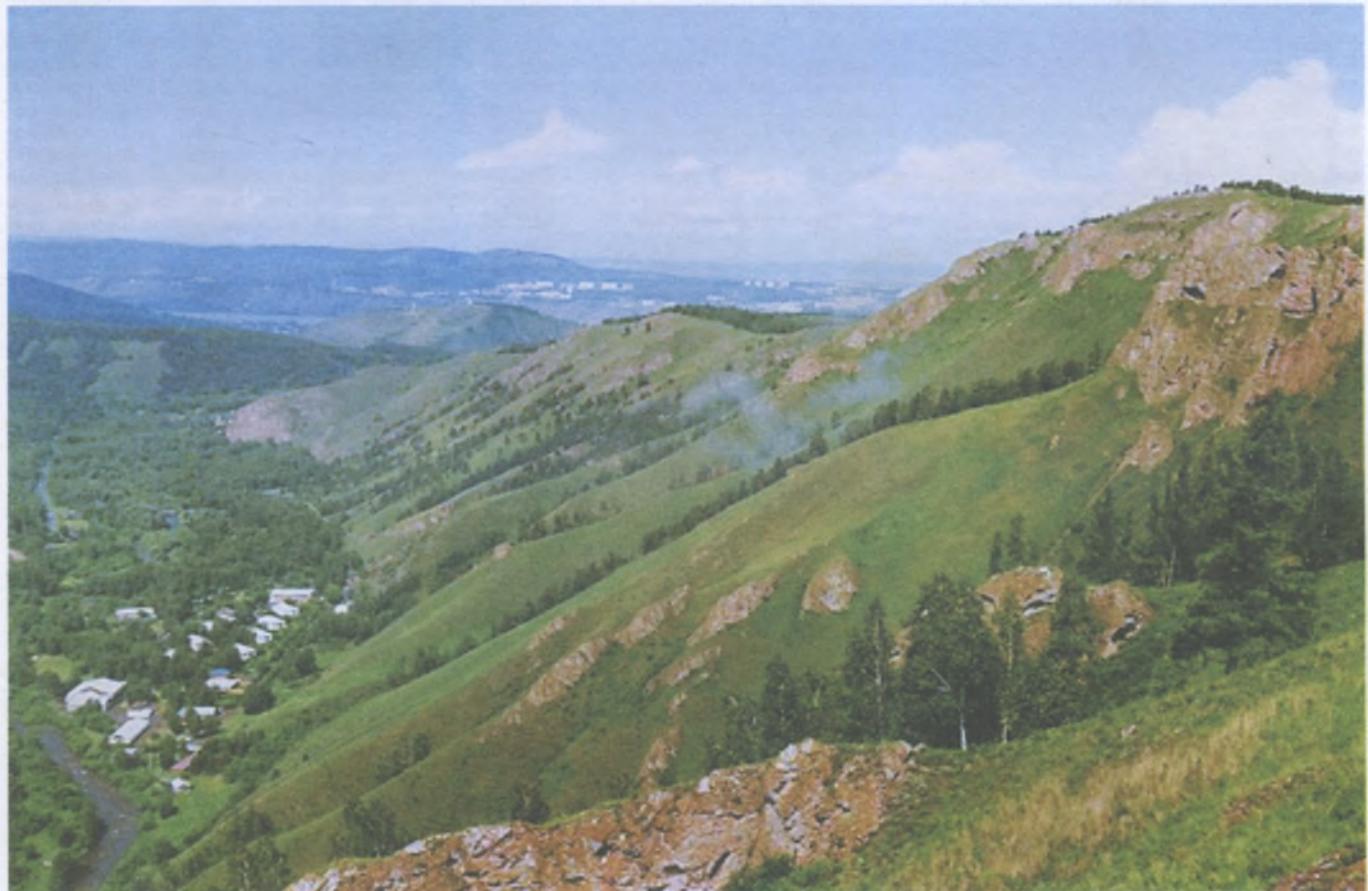
Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Заповедник «Столбы»: быть или не быть?

А.СУВОРОВ. Фото автора

О крестности г. Красноярска, из-за уникального его расположения на границе Европейско-Обской и Восточно-Сибирской географических подобластей, на стыке Алтая-Саянской горной тайги и лесостепи, на редкость живописны. По правобережью Енисея в междуречье Маны и Базаихи расположен один из старейших государствен-

ных природных заповедников России — «Столбы». Его особая достопримечательность — живописные скальные массивы Столбинского нагорья, сложенные гранитами с множеством крупных и мелких скал.

Заповедник «Столбы» — один из старейших в России. Он был организован в июне 1925 г. с целью сохранения от разрушения уникальных скальных массивов. К этому времени уже были взорваны красивейшие скалы Кизямы, разрабатывалось месторождение гранита у подножия Такмака и предпринималась попытка разработки камня у Второго Столба, вырубались пригородные сосновые и лиственничные леса (Яворский, 1927). Сначала был объявлен заповедным лишь район Центральных Столбов на площади 4,0 тыс. га. В пер-

вые послевоенные (1945—1946) годы заповедник расширил территорию до 47,2 тыс. га за счёт включения сопредельных угодий по правобережью р. Маны, при этом он приобрёл республиканский статус и новое положение с функциями охраны и изучения всех природных комплексов. Однако по правобережью р. Базаихи вне заповедника оказался уникальный карстовый район Торгашинского плато общей площадью свыше 50 кв. км. Здесь, в пригородной черте, известно множество больших и малых пещер, среди них Торгашинская, Бездонная Яма, Ловушка, Гнилая Яма, Ледяная, Мокрая, Песчаная, Барсучья, Лисья, Компас, Водораздельная и др. Их морфология самая разнообразная: горизонтальные полости небольшой глубины, комбини-

Вологодская областная

универсальная

научная библиотека

им. И. В. Бабушкина

охота

и охотничье хозяйство

7

2011

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз обществ охотников и рыболовов РФ

*Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

рованные коридоры, вертикальные шахты, сложные 2—4-этажные пещерные системы. Только протяжённость ходов Торгашинской пещеры составляет 3 км (Оводов, 2001).

Центральную часть заповедника (до 80% площади) занимает пояс среднегорной тёмнохвойной тайги из пихты, ели, кедра; приграничную — нижний лиственно-светлохвойный пояс леса из сосны, лиственницы, берёзы, осины. Северная граница заповедника проходит по р. Базаихе. Правобережье этой реки отличается большим количеством скальных обрывов, карстовых останцев: арок, гротов и других экзотических форм. Рельеф водораздельной части низкогорного Торгашинского плато полого расчленён. Южные лесостепные склоны, обращённые в долину р. Базаихи, более крутые, чем облесённые северные. Сочетание горной лесостепи с горно-таёжным рельефом сформировали по Торгашинскому нагорью переходный пояс из обширных участков остеинённых склонов и смешанных лесов. Это определило здесь видовое богатство сосудистых растений и животного мира. Фоновые виды дикихкопытных животных — марал и косуля.

Для сохранения ценных природных комплексов и среды обитания животных в октябре 1960 г. Красноярский крайисполком принял решение № 633 о расширении территории государственного заповедника «Столбы» до 130,0 тыс. га за счёт сопредельных лесов бассейнов рек Маны, Слизневой и Базаихи. Решение было поддержано Главохотой и одобрено Советом Министров РСФСР. Вопрос решался положительно. Однако в декабре 1960 г., после посещения Первым Секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым Уральского заповедника «Денежкин Камень», на очередном пленуме партии было высказано негативное мнение о функциях и необходимости содержания заповедников. Уже 30 января 1961 г. Бюро комиссии по охране природы АН СССР приняло решение о преобразовании пяти сибирских государственных заповедников в «народные» парки с передачей их в ведение ВЦСПС. В список «опальных» заповедников, наряду с Уральским, Алтайским и другими, вошёл и «Столбы». Это был второй (после 1951 г.) роковой год для отечественных заповедников, когда их количество в СССР сократилось почти в три раза, а площадь в Российской Федерации — в 10 раз (Штильмарк, 2003). В критической ситуации, благодаря ходатайствам учёных и научной общественности, «Столбы» как заповедник удалось спасти, но попытки расширения его границ за последующие полвека больше не возобновлялись.

Заметное воздействие на экосистемы, среду и условия обитания дикихкопытных заповедника «Столбы» и сопредельных территорий оказало Красноярское водохранилище. Затопление его водами многочисленных островов и поймы Енисея на ширину до 14 км создало непреодолимую преграду для

естественных сезонных миграций косули из таёжных угодий Восточного Саяна в степные районы Хакасии и обратно. Только за три первых года с начала затопления (весной 1968 г.) численность этой популяции косули по данным учётов сократилась с 66 до 11 тыс. особей (Суворов, Савченко, 2004).

За сооружением плотины ГЭС последовало отторжение из охранной зоны заповедника «Столбы» (с запада) лучших приенисейских зимних стаций дикихкопытных: сначала под железную дорогу, автомобильную магистраль и высоковольтную линию электропередач, спустя годы — под дачную застройку горожан.

Заповедник «Столбы» всегда находился в материальной зависимости от щедрот городской администрации. Благодаря её помощи приобретались корма на содержание Живого уголка, решались проблемы с отоплением, прокладкой и асфальтированием дороги до Центральных Столбов, приобретались строительные, горюче-смазочные и другие материалы. Заповедник в благодарность уступал для нужд города участки заповедной территории.

За прошедшие почти 50 лет с критического периода в природоохранных структурах России и в биографии заповедника «Столбы» происходило много разных событий. В бассейне Енисея было создано семь новых заповедников. В «Столбах» за это время сменилось много директоров. Удивительно, но ни один из них не сделал даже попытки расширения границ заповедника. Наоборот, при этом заповедник утратил «...в исключительных, научно обоснованных случаях...» более 30 га заповедной территории под гранитный карьер, дороги, спортивные и зреющие комплексы, пионерские лагеря.

Территория охранной зоны юридически заповеднику не принадлежит. Поэтому зимние кормовые стации маралов и косуль на Торгашинском плато и в пойме р. Базаихи катастрофически сокращаются из-за освоения лесных угодий дачными участками. В последние годы особенно активизировали дачное строительство общества Столбы, Полянка, Мраморный Карьер вдоль границы обхода Калтат. Существует реальная угроза утраты охранной зоны северной границы заповедника «Столбы» из-за возможных новых крупных земельных отводов под элитные дачные участки в охранной зоне обходов Намурт и Сынжуул.

С 2008 г., согласно Постановлению правительства края, охранная зона обходов Калтат и Сынжуул заповедника «Столбы» и уникальный карстовый район Торгашинском плато, с нарушением Федерального Законодательства по охране природы, уже включена в черту города Красноярска как «земли поселения». Её граница отмечена ведомственными столбами с гербом города. Также 30 га земли выделены в аренду под строения в Кочевном логу обхода Намурт. Непонятно, как прошли согла-

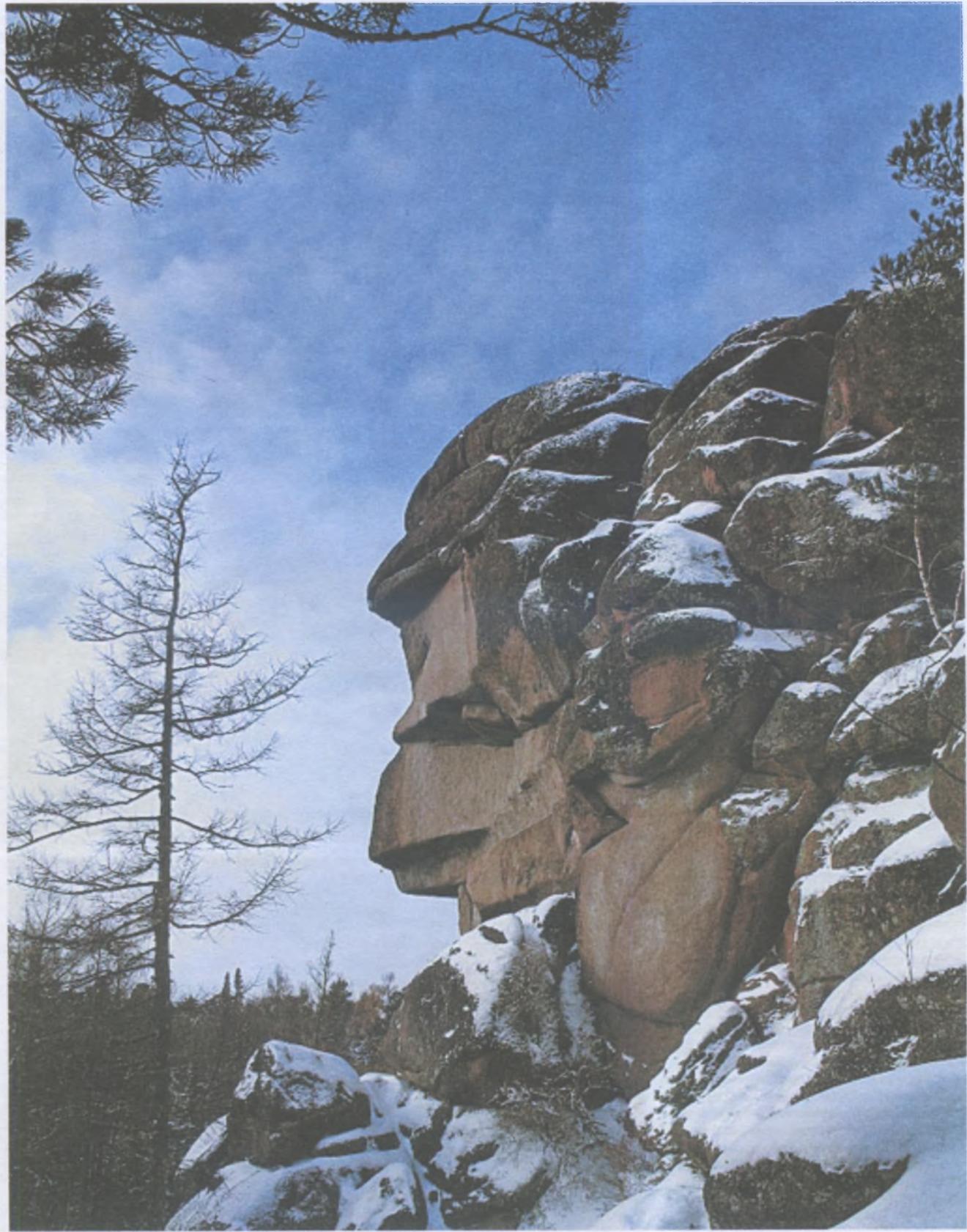
сования с Краевой природоохранной прокуратурой, с администрациями Природного заповедника «Столбы», Агентства особо охраняемых территорий. Непонятно, как вообще такое «браконьерское» Постановление могло быть принято. Столь быстрое поглощение городом особо охраняемых природных территорий грозит благополучию и самому функционированию «Столбов» как заповедника и символа города.

С поощрения городской администрации в Красноярске процветает земельный бизнес с элементами коррупции. В нём нередко задействованы чиновники городской, краевой и заповедной администраций, например, при отводе земель по границе заповедника под садовое общество Полянка (Свободная газета № 48 от 6.12.2000; № 2 от 21.02.01; № 3 от 23.02.01) и Полянка-2. Нет ещё Закона о земле, но посредники скупают и продают земли особо охраняемой территории. Рекламные щиты вдоль дорог и городские газеты пестрят объявлениями о новых дачных отводах в охранной зоне заповедника. Современная цена земельного участка в долине р. Базаиха равна стоимости 2—3-комнатной квартиры в г. Красноярске.

Особую обеспокоенность в связи с этим вызывает состояние охраны сопредельных заповеднику «Столбы» пещер Торгашинского карстового участка. Если в середине 1990 гг. земли садовых обществ на Торгашинском плато лишь примыкали к карстовому району с севера со стороны города, то в 2000 гг. садовые посёлки Загорье и Загорье-2 разрослись уже внутри него. От элитного посёлка Полянка вверх по склону на террасу в сосновом лесу выложена бетонными плитами дорога до посёлка-призрака Полянка-2 с немногочисленными пока двухэтажными деревянными особняками внутри обширной территории, огороженной 2-метровым забором из убийственной для дикихкопытных металлической сетки. Это строительство инициировано чиновниками городского лесного ведомства. Через гризу идёт быстрая дачная застройка от Мраморного Карьера по ключу Болгаш.

При возможных новых земельных отводах в долине р. Базаихи и на плато Торгашинский карстовый участок с пещерами может оказаться в окружении дачной застройки, а у заповедника «Столбы» появится много новых проблем с охраной собственной территории. Робкие охранные усилия современной администрации заповедника «Столбы» при этом напоминают защитные действия страуса, спрятавшего голову в песок.

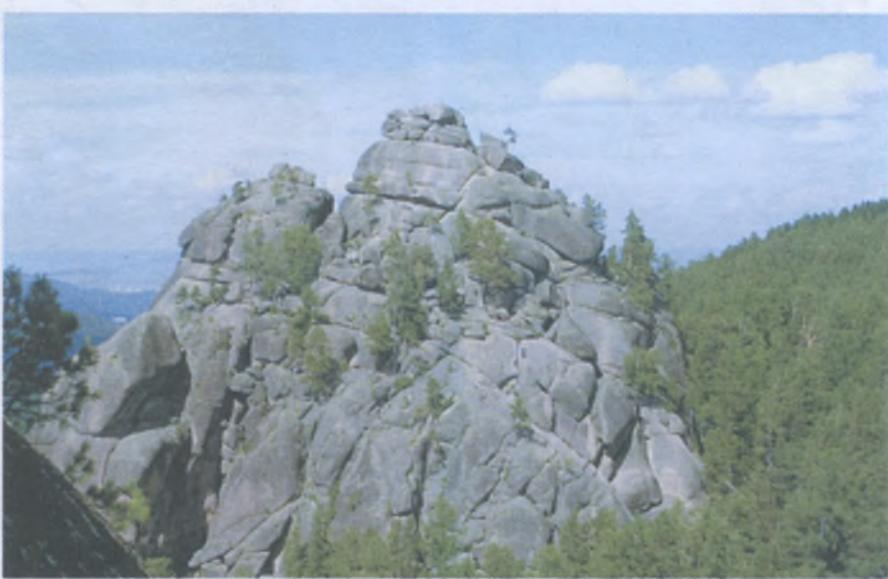
Неравномерность выпадения осадков в различных высотных горно-таёжных поясах обуславливает сезонные биотические перемещения дикихкопытных. С ростом высоты снежного покрова олени из центральной среднегорной части заповедника «Столбы» совершают сезонные перемещения к его низкогорной периферии. В северной час-

Столб «Дед» — одно из знаменитейших скальных «изваяний» на территории заповедника

Столб Перья

ти заповедника косули и маралы концентрируются на зимовках по левобережью р. Базаихи в малоснежных угодьях в устьях притоков Калтата, Сынжула, Намурта, Медвежьего, Малого и Большого Инжулов. В охранной зоне заповедника «Столбы» косули и маралы ёщё недавно рассредоточивались на кормовых стациях в пойме р. Базаихи и по правобережному Торгашинскому плато от Мокрого лога до Чёрной сопки. Ещё десять лет назад можно было видеть вечером или рано утром перебегающих дорогу или пасущихся на крутых степных склонах р. Базаихи маралов и косуль. Дикие собаки нередко выгоняли их на скальные отстои. Сейчас здесь уже этих зверей не увидишь.

Почти сплошная 6-километровая дачная застройка долины р. Базаихи от одноимённого посёлка до п. Мраморный Карьер лишила маралов и косуль постоянных суточных переходов к кормовым местам на южных степных склонах Торгашинского хребта. Контингент элитных посёлков в долине р. Базаихи — люди далеко не бедные, а потому любят отдыхать на природе по полной программе: с яркими фейерверками, с шумными многокилометровыми прогулками летом по склонам Торгашинского хребта на квадроциклах, зимой — по льду реки на снегоходах. Летом хаотичное передвижение вездеходов и квадроциклов беспокоит оленей в местах отёла. Зимой владельцы современных особняков бороздят окрестные леса в охранной зоне заповедника на снегоходах, распугивая в стациях переживания диких копытных, создавая дороги для проникновения в глубину угодий одичавших и бродячих собак. Из-за постоянного беспокойства мара-

лов и косуль собаками, браконьерами, шумом снегоходов и квадроциклов их пребывание на лучших зимних кормовых стациях Торгашинского плато носит, как правило, кратковременный характер ночного выпаса.

Гибель маралов и косуль от собак в окрестностях г. Красноярска регистрируется постоянно. В период отсутствия волка (1970—1980 гг.) в окрестностях г. Красноярска собаки добывали в среднем за зиму по 10—12 маралов, 14—15 косуль, превышая даже совокупную добычу хищников — рыси, росомахи и медведя (Зырянов, 1983; Суворов, 1989).

Охранная зона заповедника «Столбы» охраняется неудовлетворительно. Здесь много туристов и отдыхающих граждан, постоянно весной возникают пожары, ведётся браконьерская охота на пушного, копытного зверя и пернатую дичь. Нередки случаи ночных браконьерства с ослеплением диких копытных в кормовых стациях прожекторами и фарами, и отстрелом. По сути, заповедник при малой его площасти служит резерватом диких копытных для сопредельных территорий, где их истребляют браконьеры и одичавшие собаки. Чтобы копытные заповедника возвращались с зимовок обратно, нужно снова вернуться к решению Красноярского крайисполком № 633 от октября 1960 г. «О расширении территории государственного заповедника Столбы» до 130,0 тыс. га за счёт его сопредельных лесов». И всё же основными причинами заметного в последние годы снижения ресурсов диких копытных в заповеднике «Столбы» являются не столько хищники и незаконная охота, сколько сокращение и ухудшение среды и условий их обитания. Краевой природоохранной прокуратуре необходимо, наконец, разобраться в законности Постановления о переводе в «земли поселения» лучших мест зимовок и воспроизведения диких копытных и уникального карстового района охранной зоны заповедника «Столбы» и добиться его отмены.

Необходим более жёсткий режим охраны границ заповедника и его буферных территорий с полным запретом несанкционированного использования здесь снегоходов и квадроциклов отдыхающими. Это должно быть утверждено решением Правительства края.

Необходимость сохранить в окрестностях г. Красноярска уникальные природные объекты и естественные экологические сообщества, одновременно с созданием условий для туризма и отдыха горожан, требует принятия научно обоснованного срочного решения. Нужно, наконец, определиться со статусом сопредельных заповеднику территорий. Он должен быть достаточно высоким, чтобы ограждать их от любых земельных посягательств.

Консультации охотоведа А. Блюма

Наш читатель Пётр Георгиевич Оноприенко из Ростова-на-Дону прислал в редакцию письмо с очень интересным вопросом: «Как снаряжать гильзы 12 калибра длиной 76 мм чёрным порохом, и можно ли вообще снаряжать патроны этим порохом, используя капсюля «жевело»? Очевидно нашего читателя смущают две вещи: увеличенная длина гильзы и факел огня от капсюля «жевело», значительно превышающий по мощности факел от капсюля «центробой», который рекомендован для снаряжения патронов чёрным порохом.

Чёрный порох сейчас уже редок в применении и практически все расчёты по внутренней баллистике ведутся по бездымным порохам. Тем не менее есть ещё любители пользоваться этим древнейшим взрывчатым веществом, производящим гулкий выстрел и густое облако дыма, имеющего свой специфический и приятный для охотника запах.

Чёрный порох занимает примерно втрое больший объём в гильзе, чем бездымный, да и плотность насыпки, кроме мелкого, из-за больших размеров и бесформенности зерна, гораздо меньшая. Наверное, стоит напомнить читателям характеристики чёрного пороха.

Этот порох представляет собой механическую селитроугольную смесь. Основой охотничих дымных порохов являются соли азотной кислоты — селитры, и горючие элементы — древесный уголь. В качестве усилителя механической прочности зерна добавляется сера. Дымный охотничий порох включает в себя вышеизложенные компоненты в следующей пропорции (в процентах): селитра калиевая — 75; сера для дымных порохов — 10; уголь древесный для дымных порохов — 15. Не знаю, производят ли наша промышленность дымный порох в настоящее время, но недавнего времени такой порох производился двух сортов: отборный (ДПО-от — дымный порох отборный) и обыкновенный (ДПО-об), их еще называют сорт высший и сорт первый. Скорость горения дымного пороха в основном зависит от размера зерна, поэтому каждый из сортов делится еще на три номера: 2 — средний, 3 — мелкий и 4 — самый мелкий. Раньше был и 1 — крупный. Наиболее сильный из них — 4. Дымные пороха могут храниться долгое время при условии изоляции от влаги.

Максимальное давление в патроннике при нормальных зарядах в двенадцатом калибре не превышает 600 кгс/см².

При снаряжении патронов в пластиковую гильзу длиной 76 мм обычный заряд чёрного пороха для 12 калибра составляет 5,5—6,0 г с высотой столбика около 35 мм. Если взять картон-

ный пыж и войлочные пыжи по минимуму, т.е. общей высотой примерно 20 мм, то при массе мелкой дроби 32 г

Средние скорости дроби, полученные на дымном порохе

Номер пороха	Средняя скорость полета дроби в 10 м от дульного среза, м/с	
	для ДП-от	для ДП-об
2	300	280
3	310	295
4	318	305

и высоте её столбика 25 мм нам уже не хватит на закрутку, приходится манипулировать пыжами. Что же говорить о гильзе 70 мм? Вывод отсюда можно сделать один — снаряжать патроны чёрным порохом предпочтительнее в гильзу длиной 76 мм. Может возникнуть вопрос, а как же хватало объёма гильзы раньше, когда о 76 миллиметровых гильзах ещё ничего не слышали. Раньше для стрельбы чёрным порохом использовали латунные гильзы. Латунная гильза 12 калибра по объёму приблизительно на 0,5 см³ больше современной гильзы длиной 76 мм.

Теперь о капсюле «жевело» при снаряжении патрона чёрным порохом. Как известно, этот капсюль даёт значительно более мощный факел, чем «центробой» который обычно применяется для снаряжения патронов чёрным порохом. Чёрный порох горит быстрее, чем бездымные пороха, применяемые для дробовых патронов, поэтому для него не нужен очень мощный факел, но у «жевело» он есть, и охотники вынуждены пользоваться тем капсюлем, который имеется. Сразу следует сказать, что применение капсюля «жевело» при снаряжении патронов дымным порохом никакой опасности нести не должно. Однако некоторые моменты надо иметь в виду. Как уже отмечалось, скорость горения чёрного пороха определяется размером зерна. А для нормального развития выстрела она (скорость) должна находиться в определённых оптимальных пределах. При использовании капсюля «центробой» соблюдаются следующие условия снаряжения. Под обычный снаряд дроби для стрельбы на нормальную дистанцию кладётся не самый мелкий порох — №3; для снаряжения более дальнобойных патронов, но с обычной навеской дроби, используют порох №4. Под максимально допустимые тяжёлые снаряды, в том числе и под тяжёлые пули, лучшие результаты показывает порох с крупным зерном — № 2. Применение капсюля «жевело» приводит к увеличению скорости горения порошкового заряда, т.к. мощный факел сразу зажигает больший объём пороха, и для того чтобы уменьшить нежелательный рост этой скорости, лучше использовать порох с более крупным зерном, т.е. № 2.

У гнезда ежихи

Июнь — месяц цветов, комаров и всякой лесной малышни, которую высокие травы укрывают от посторонних глаз. Утятя выбрались из осоки на воду, покрутились вокруг кувшинок, и опять пропали в зарослях.

Молодая ежиха не очень удачно выбрала место для гнезда. Ее шар из сухой травы хорошо прикрывают от дождя и солнца нависшие ветки куста. Но гнездо слишком заметно с тропинки. Не утерпел посмотреть, кто внутри. Сунул руку под шар — выбежала небольшая ежиха. Вынул одного ежонка. Умещается попрек трех пальцев. Быстроенько сфотографировал, положил на место. А ежиха оббежала вокруг куста и принялась поправлять потревоженную стенку шара.

Хорошо, что по этой тропинке мало кто ходит сейчас. В воздухе густой комариный звон. Рады ему могут быть только росянки — растения-хищники. Ловят комаров и других насекомых липкими «лапами».

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Дикие выводковые птицы: разведение в естественной среде

С. КИРПИЧЁВ. Фото автора

Разведение редких, исчезающих и охотничьих выводковых птиц базируется на методах и технологиях, разработанных и принятых в птицеводстве для домашних птиц, прошедших тысячи лет искусенного отбора. Домашние птицы, находясь в условиях, созданных человеком, изолированы и защищены от влияния и контроля среды. К этим птицам предъявляются требования, связанные прежде всего с получением от них мясной, яичной продукции, необходимой для жизни человека.

Редкие и исчезающие выводковые птицы, выращенные даже в полувольных условиях подобными методами и выпущенные в природу, лишены способности эффективно противостоять неблагоприятным факторам среды.

Понятно почему их птенцы с первых дней жизни развиваются в отрыве от естественного биогеоценоза и приобретают груз признаков, несовместимых с жесткими требованиями и давлением естественного отбора. Что же касается охотничьих выводковых птиц, то, помимо сказанного, затраты по их выращиванию (организация инфраструктуры, корма, энергия и оплата труда) недопустимо велики и экономически необоснованы.

Вот почему, предпринимая разработки технологии разведения редких, исчезающих и ценных охотничьих выводковых птиц, было решено сочетать полевые зоологические и зоотехнические методы исследования и работы на модельных объектах. Таким объектом могли бы послужить глухари, обитаю-

щие пока еще в лесном поясе России. И в самом деле они исчезли или исчезают из вполне благоприятных стаций. На значительных расстояниях стыка ареалов каменного и обыкновенного глухарей в Заенисейской Сибири они гибридизируют, продуцируя так называемых темно-серых глухарей, образующих популяции со стабильным фенотипом. Т.е. на первый план выходит уже центральная проблема эволюции – проблема вида и видеообразования. Таким образом, в основе всех разработок должно лежать знание жизненного цикла и детального поведения модельных объектов (птиц) в период размножения.

В горных долинах восточного Прибайкалья ранее весеннее утро. Морозно. Ослепительные лучи восходящего

Сергей Павлович Кирпичев с прирученным глухарем

солнца осыпают голубой иней вытаявших из наледей низкорослых коряевых лиственниц и карликовых берез. Лишь отдаленное перестукивание и трели дятлов, да мелодичные посисты гаечек и поползней прерывают звенящую тишину.

С моего наблюдательного пункта на вершине невысокой сосны с мощными ветвями замечаю, как к небольшому болотцу одновременно с разных сторон, блестя оперением, летят довольно крупные птицы. Едва не касаясь щетки вершин карликовых берез по ернику, они преодолевают открытые участки и приземляются на мягких мховых подушках проталин, исчезая из вида.

Это что за птицы? Да глухарки каменного и темно-серого глухаря! Маскировочная защитная окраска верха и боков тела делает этих птиц совершенно невидимыми среди кустарничковых растений болот, где также много белого цвета, помогающего скрыть деликатированные плечевые и кроющие крыльев птиц. Лишь темно-зеленая передняя часть груди делает их заметными при поворотах во время кормежки. В апреле с окружающих хребтов эти глухарки прилетают кормиться подснежниками и молодой зеленью на проталинах среди болот. И здесь же находятся исторически сложившиеся токовища, необходимые для продолжения жизни видов этих птиц. Однако их надобно отыскать, увидеть и выбрать токующих партнеров, и спариться с ними. Поблизости должны располагаться участки, подходящие для высаживания кладок, их сохранения от хищников, воспитания и выращивания птенцов.

Как же складывается жизнь этих осторожных, недоверчивых птиц в течение периода размножения? Знание этого важнейшего периодического процесса необходимо для проведения результативных работ по сохранению и восстановлению популяций каменного и обыкновенного глухарей в подходящих угодьях, из которых они были некогда вытеснены все разрушающим антропогенным ландшафтом.

Именно поэтому и была предпринята попытка выяснения неизвестных деталей брачного поведения видов глухарей в лесном поясе Европейской России, Зауральской Сибири, Прибайкалья и на Камчатке. Потребовалось немало усилий и лет. Для получения приемлемого результата, помимо прямых визуальных наблюдений и работ в естественной среде, были осуществлены эксперименты с птицами, выращенными в лесу в полной свободе. В результате именно такие птицы приобретали поразительную устойчивость к жестким условиям жизни в природе и вместе с тем сохраняли привитую им положительную реакцию на человека.

Мы попытались выяснить, что же побуждает самцов и самок глухарей находить друг друга в сравнительно короткое время весны. Ведь большую часть года они не проявляют взаимных

Глухарь, токующий на земле

симпатий. И в самом деле с осени как самцы, так и самки формируют разнополые стайки по 3—5 особей, а затем на весь период зимования в некоторых частях ареала образуют сотенные стаи. Например, на хребтах с верхней границей леса. С начала фенологической весны у глухарей проявляются элементы брачного поведения. В его основе лежит действие на гормональный аппарат птиц прямого солнечного света — ультрафиолетовой части диапазона. К действию света самцы более чувствительны, чем самки, у которых примерно через месяц начинается аналогичный процесс. Индикатором готовности самцов к размножению можно считать сезонное возникновение и изменение токового голоса до обычного, хорошо известного двухсложного пения у обыкновенного глухаря, а у каменного — частота щелчков.

Пение самцов глухаря влияет на поведение самок. Именно голос и эффективные, обращающие на себя внимание, сигнальные подлеты вместе со специфическим фактором света формируют нужные сенсорные уровни, необходимые для нормального размножения. В это время все еще покрыто снеговым покровом с кольцевыми проталинами. Глухари, прилетевшие с мест зимовок и временных токовищ на постоянные раньше других, закрепляются за собой прошлогодние места вылета глухаров, а подчас — чужие участки. Если владелец такого участка опоздал на 4—8 зорь, он попытается отбить свою территорию. Между токовищами возникают свирепые драки, перед которыми меркнут любые бои бойцовских петухов. Вначале соперники стукаются клювами, при этом звуки напоминают игру кастаньет. Затем они стараются ухватить друг друга за нижнюю или верхнюю части клюва. Хватают за брови, бороду или шею, после чего на шее или подбородке на месте обрезанных и вырванных перьев остаются шрамы. Но образованный калкан быстро затягивается. Если токовиши сцепились, они начинают синхронно молоть друг друга крыльями. Соперники вышибают кучи контурного оперения. Более серьезные травмы, нанесенные

в борьбе за территорию, случаются редко — это переломы ветвей наклювья, нижней челюсти, даже кости плеча (при случайном ударе о дерево) и вывих языка.

Побеждает активный токовик, закрепившийся на местности ранее бывшего хозяина, даже если это молодой двухлетний глухарь. При смелости и настойчивости он изгоняет прежнего хозяина. Такое перераспределение участков заканчивается ко времени первых посещений токовищ глухарками. При этом столкновения самцов и драки трансформируются в красивые турниры на приграничных участках. Подобное турнирное поведение напоминает ритуал перед схваткой бойцов сумо.

Самки (с более высоким порогом чувствительности гормональной системы к действию ультрафиолета) двухлетние и более старшего возраста появляются компактными группами в сравнительно сжатые сроки. Значительно позднее — через неделю, десять и даже двадцать дней — начинают прилетать на токовища молодые глухарки прошлого года. Все размножающиеся самки вначале взлетают на вершины деревьев, где подолгу неподвижно сидят при утреннем и дневном солнечном свете.

Первые слеты глухарок на землю свидетельствуют о приближении времени спаривания. В момент приземления к ним со всех сторон сбегаются токовики, а также присутствующие молодые самцы. Иногда этот ток перемещается за территорию токовища. Начинается поразительное зрелище! Самцы группируются по несколько особей, расходятся, разбегаются и следуют за самками, которые идут строем. Сигнальных подлетов в это время нет. Не слышно и злобного хрюканья — сигнала места. Такие перемещающиеся токовища удается наблюдать очень редко — слишком много зорких глаз замечают малейшую опасность.

Первые спаривания происходят у глухарей еще до наступающей, более поздней срок у популяций, обитающих в горах на равнинных участках верховьев ключей и на плато. Пик процесса проходит во время появления первых проталин на почве. Немногие глухарки, дожившие до 6—7 лет, приступают к размножению на 10—20 дней позднее 2—3-летних. Характерная реакция избегания самкой токовика с течением времени (на следующие 2 зори) утрачивается настолько, что самкам самим приходится подходить к глухарю и принимать так называемые «приглашающие позы». Эти позы выражаются в специфических, характерных движениях крыльев так, чтобы деликатированные вершины опахал кроющих крыла образовывали зигзаги и были бы хорошо заметны. Затем самка раздвигает первостепенные маховые и касается ими почвы для более надежной опоры. Отметим также, что при приближении партнера некоторые самки «строят глазки» — поглядывают на глухаря то одним, то другим глазом. Дру-

Самцы обыкновенного глухаря «клюются»
гие замирают на месте, втянув шею в оперение. Замечательно, что при каждом щелчке в песне как обыкновенного, так и каменного, глухаря все тело самки вздрогивает. В то же время у остальных — реакция на самца еще не выражена или только формируется.

Вначале отмеченные позы самок кратковременны, всего какие-нибудь 2–3 секунды, и находящийся поблизости подбежавший токовик не успевает осуществить интроверсию. Однако к следующим зорям такие глухарки приобретают положительную реакцию на токовиков. Этому способствует снижение чувствительности, элеминирующее реакцию избегания самца и вместе с тем повышение уровня звукового запоминания и зрительного запечатления — импринтинга у самки. Теперь при подходе партнера она прижимается к почвенному покрову всем телом, отчасти шеей и подбородком. Ее крылья широко раскрыты и соприкасаются с почвенным покровом. Сходным образом фиксирует свое туловище самец, дополнительно прихватив оперение застывшей самки, что дает ему возможность надежно закрепиться на ее кресце.

Обратить внимание на эти позы нас побудила практикуемая порочная методика разведения крупных тяжелых птиц, у которых обрезали оперение крыла, в результате чего была затруднена интроверсия и оплодотворяемость кладок. Наблюдая за поведением глухарей в неволе и при вольном содержании, мы были уверены, что один токовик за зорю может покрыть не более 4 глухарок и оплодотворить все их яйцеклетки за цикл. Однако весной 1970 г., находясь на смешанном токовице каменного, обыкновенного и темно-серого глухарей в отрогах Безымянского гольца Восточного побережья Байкала, было отмечено 11 спариваний за утренние часы у активного токовика обыкновенного глухаря с 11 самками. Накануне эти самки были отловлены на подкормке и помечены. Для успешного визуального наблюдения за ними у них обрезали по соответствующим, хорошо заметным, ком-

бинациям депигментированные части X-образного перекрестья оперения плечевых и больших кроющих крыла. Впоследствии эти глухарки на токовице не появлялись. Видимо спаривания оказались удачными (с оплодотворением яйцеклеток), при неудачных — самки прилетают на следующий день и предпринимают дополнительные попытки. Контрольные опыты, проведенные нами еще в начале 60-х гг., подтвердили, что единственного спаривания достаточно для оплодотворения всей кладки за цикл.

Если внимательно наблюдать за поведением птиц на не тронутых охотниками концентрированных токовищах, возможно заметить воистину паразитические особенности поведения. На первый взгляд все токовики достаточно активны и не только поют с сигнальными подлетами, но и вступают в боевые схватки и турнирные отношения со своими соседями. Однако с глухарками, показывающими им приглашающие позы, обращаются весьма некорректно. Вместо спаривания прохаживаются через них вдоль и поперек, царапают им спины и минут оперение. К таким токовикам самка старается не приближаться, а идет и спаривается с другим токовиком. Именно к этим немногим (2–3 особи) 2-летним самцам и более

взрослым собираются первые группы глухарок.

Таким образом, в период спаривания поведение глухарок каменного, обыкновенного и темно-серого глухарей на территориях, где в это время находятся несомненно «чистые» популяции, не имеет существенных отличий. Что же касается поведения птиц смешанных популяций на стыках ареала каменного и обыкновенного глухарей Заенисейской Сибири от северных границ правобережья Нижней Тунгуски, через бассейн Вилюя, Витим (Олбут), Западное Забайкалье и Северную Монголию (Толгоит), в них наблюдаются отличия, которые имеют значение для понимания межвидовой гибридизации в естественной обстановке и проблем вида.

В результате гибридизации в морфологии новой формы, прежде всего в строении языкового и голосового аппаратов темно-серых глухарей, происходят существенные изменения, трансформирующие токовой голос исходных видов в совершенно новый звук. Более того, с этим звуком связано поведение темно-серой самки, которая в естественной обстановке идет только к самцам своей формы. Замечательно, что самки исходных видов совершенно не реагируют на голос, сигнальные подлеты и прочие токовые эволюции темно-серых глухарей.

Попытаемся охарактеризовать поведение глухарок во время откладки яиц. После спаривания одни глухарки резко встригают контурное оперение, иные нападают на своего партнера и бьют его крылом. Раздражение клоакального отверстия самок в этот момент, видимо, сходно с импульсами, посыпаемыми в мозг птицы полностью сформированным и готовым к откладке яйцом, побуждающим птицу формировать гнездо. Такие глухарки немедля пытаются среди остатков снега формировать основу гнезда, подчас в жесткой, даже промерзлой, почве: раздвигают ногами ветоши, веточки, роют ямку в субстрате, поворачиваются в ней, имитируют прогрев яйца. В этот момент необычайно повышается уровень запоминания места гнезда. Вот

Преследование после драки

почему часть кладок бывает расположена в районах токовищ. Однако подавляющее количество гнезд глухарки делают в непосредственной близости от мест, наиболее благоприятных для воспитания молодняка. К ним относятся увлажненные лесные поляны, заболоченные верховья и пойменные участки таежных речек и ключей, закрайки и слабо облесенные верховые сфагновые болота, ерники, верхние части яланов и морян Прибайкалья, Камчатские и Якутские алласы.

Индикатором готовности глухарок к откладке яиц служит начало потери оперения с птерилий передней и задней части груди — образуется так называемое «наседное пятно». Другие части тела птицы также изменяются. Например, большие грудные мышцы, в которых усиливается кровообращение. Вес этих мышц по сравнению с периодом зимования увеличивается до 20%, а по коэффициенту Гессе поднимается с 23 и до 34%. Контактная площадь наседного пятна при соприкосновении с верхней поверхностью яиц позволяет птице вести эффективный теплообмен, исключая перегрев кладки. Существенные изменения затрагивают скелетную основу сложного кресца, кильевую кость и голень. Они наполняются кровью, через которую транспортируется кальций, столь необходимый для образования прочной скорлуповой оболочки.

При хорошей солнечной погоде и частично сошедшем снеговым покровом между спариванием и откладкой первого яйца проходит минимум две суток. Если же держится сплошная низкая облачность, моросящие дожди, не говоря о весенних снегопадах, промежуток во времени доходит до 15 суток и более. Откладка второго яйца обычно происходит через 2–4 суток, третье — через сутки, а последующие — с интервалом 26–32 часа, в зависимости от индивидуальных особенностей самки.

В это же время полностью оголяется передняя и задняя часть груди от мелкого контурного пера. Самка никогда не выщипывает его, перо опадает без выталкивания очинов вершинами перьевых сосочек следующего наряда, образуя так называемое наседное пятно. Начало роста на нем нового пера задерживается по крайней мере на 15 суток, что существенно отличает его от течения сезонной линьки и способствует обогреву не только яиц, но и птенцов до достижения ими автономной терморегуляции (18 суток).

Число яиц, отложенных глухарками за один цикл кладки в естественной среде, обычно около дюжины. Вместе с тем литературные данные и наши находки гнезд в лесном пояссе показывают изменчивость их количества в кладке: и всегда в меньшую сторону. Удалось проследить за этим процессом. Так, неблагоприятные условия солнечного освещения в период кладки (обложная облачность с дождями и снегопадами) задерживают проявление

Варианты окраски яиц в глухаринных кладках

специфического характерного поведения будущей несушки: реакцию поиска мест для гнезда, формирование гнездовой лунки и др. Первое яйцо глухарка несет потемнело рано утром, находясь на дереве после ночевки. Падая с высоты, эти первые яйца обычно разбиваются о наст, но когда попадают на рыхлый снег или мягкий моховой покров, остаются целыми. Эти и другие яйца, отложенные при благоприятных условиях освещенности, также гибнут. Например, выброшенные из лунки, близ гнезда, отложенные во время кормежки, отдыха, иногда в купальниках. Их замечает самка и повреждает ударом клюва, проклевывая скорлуповую оболочку, но не носит и не съедает, а оставляет на поверхности. Они становятся белыми, поскольку быстро теряют окраску, и их уничтожают хищники.

По иному ведут себя глухарки с проявившимися у них реакциями несушек. Вначале они ищут район, участок и место для гнезда. Ведь птице предстоит с большой точностью запомнить локализацию гнездовой лунки, поскольку первые яйца она закапывает на глубину 13–15 см, заваливает их ветошью, не говоря уже о том, что место гнезда, обычно в горной местности, засыпает снег. То, что такой район, участок лесного массива и конкретное место гнезда «намертво» фиксируется памятью самки, не вызывает сомнения. Каждая глухарка вначале обращает

внимание на макроориентиры, затем, летя или двигаясь «от предмета к предмету», запоминает средние и макроориентиры, указывающие точку гнезда, и как бы «привязывает» ее к выдающимся предметам: направлению лежащих колод, характеру стволов деревьев, кучам ветровала. Важны и веточки, которые будут прикрывать сверху гнездо и т.п. Благодаря свежей порошке изредка удается заметить следы глухарки, выбирающей место для гнезда — бросается в глаза выпотопанный снег многократного «челночного» прохода птицы у выбранного ею макроориентира. Именно таким образом она дополнительно уточняет локализацию места лунки.

Через тактильные рецепторы наседного пятна несушки, по-видимому, чувствует влажность субстрата в лотке. Поэтому даже слабоуваженные ямки она бросает. Вместе с тем сухое место гнезда, даже на мерзлоте, она оставляет для дальнейшего формирования, откладки и насиживания яиц.

Гнездовую ямку глухарка копает, используя когти сильных ног и гребя, как лопатой, выдвинутой вперед рамфотекой надклювья. Начальная глубина лотка достигает 15 см. Вырыв ямку, глухарка сидит в ней неподвижно 20–25 мин., а затем приподнимается вертикально, раскрыв клюв, как от боли, и опускает яйцо. В последующие 20–30 мин. продолжает прогревать гнездо с яйцом.

Иногда глухарки откладывают яйца на край лотка и при очередном повороте над кладкой замечают, что яйцо не сгруппировано с остальными. Такие яйца самки закатывают клювом в гнездо. Выше было отмечено, что при неблагоприятных условиях освещенности наблюдается некоторая растиянутость в кладке. После формирования яйки, глухарка остается в ней около часа, однако несется лишь на следующий день. Первые яйца на дне гнездового прокопа самка закрывает, не покидая гнездо и лишь приподнимаясь над ним. Глухарка берет клювом пучки ветоши, отдельные элементы лесной подстилки

Самец пытается обратить на себя внимание самочки

ки, кусочки коры, лежащие от нее на расстоянии вытянутой шеи и, не сходя с гнезда, стереотипными движениями укладывает их себе на спину и бока. При ее движениях в гнезде (или когда она его покидает) собранный строительный материал сваливается с краев лотка, заполняет гнездовую ямку и прикрывает кладку. Кроме того, выйдя из гнезда, глухарка продолжает перемещение строительного материала к ямке, над которой остается едва заметное углубление.

Так птица скрывает кладку от сильного промерзания и хищников, несмотря на то, что первое время цвет яиц достаточно маскировочной окраски — темно-красной, даже краплаковой — у каменной, или коричневой с большими или частыми мелкими более темно-коричневыми пятнами у обыкновенной, в зависимости от характера весеннего питания. Под толстым слоем сухой лесной подстилки первые яйца, снесенные в гнездо, не разрушаются даже после промерзания от мороза порядка -15°C в Сибири и центральной Камчатке, да и в средней полосе лесного пояса России морозы достигают в апреле -7°C . При этом однодва яйца все же лопаются по большому экватору — так действует естественный отбор по устойчивости остальных к низким температурам. Возможно, в сохранении глубоко закопанных яиц играет роль их постепенное охлаждение и промерзание. Может быть белок яиц, не лопающихся даже при сильном морозе, имеет иной коэффициент объемного расширения или не выделяет кристаллы льда?

Глухарка, прилетевшая к кладке для снесения очередного яйца, после очистки яиц от ветоши перед посадкой на гнездо, прокручивает кладку и по звуку или глухому звуку определяет яйцо с поврежденной скорлупой, не выдергавшее заморозка. У такого яйца самка клювом пробивает скорлупу, поддает его подклювьем, выносит из гнезда, кладет на почву и начинает съедать скорлупу. Белок и желток при этом выливаются на почву. Единственное, лопнувшее от мороза, яйцо самки темно-серого глухаря без разрушения подскорлуповых оболочек благополучно прошло весь период инкубации в июне 1957 г. на северо-западном побережье Байкала (Талое, Парное).

Принесении очередного яйца в начале кладки, когда еще достаточно морозно, глухарка вынимает из лотка всю ветошь, прикрывающую первые одно-два яйца. При резкой смене холодной погоды на жару перемещает на края гнезда из лотка лишь часть подстилки. Под ее остатками на дне глубокой ямки изредка остаются погребенными одно-два яйца. Понятно — они не идут в инкубацию и гибнут. Недостаток весеннего солнечного сияния, сплошная облачность и осадки, по-видимому, влияют на память самок о гнездах, в которые отложено одно-два яйца. Глухарки с нарушенной памятью бросают (забывают?) точное местоположение

кладки, тем не менее делают новые, ориентируясь на прежний участок, но в другом месте.

Первое время (примерно в течение недели) глухарки вырабатывают специфические рефлексы наседок, сохранив вначале исключительную чувствительность к «фактору беспокойства»: будто хищники, копытные животные или человек. Они поднимают птиц с гнезда. При этом хорошо ориентированное место кладки, ранее притягивающее глухарку, как магнит, перестает действовать, как раздражитель. Все же глухарки подходят к покинутой полной кладке, но не садятся на нее, отворачиваются и уходят. Уходят навсегда. А кладки становятся добычей хищников.

Прекращение насиживания немедленно провоцирует начало периода линьки. Из перьевых сумок одно за другим выталкиваются три внутренних первостепенных маховых и генерируется мелкое контурное перо на наседном пяте. Развитие нескользких яйцеклеток самки (из оплодотворенных 18—20) блокируется гормональным сдвигом в сторону линьки, делающей невозможным возникновение так называемых «вторых кладок». Это «поздние выводки» молодых птиц прошлого года или старых птиц, ухитившихся прожить выше 10 лет, или глухарок, по своим генетическим особенностям попадающим за сроки стабилизирующего отбора. Однако эти последние, так же как и птицы, начинающие кладку по снегу с первых чисел апреля, встречаются редко.

У насиживающей «рассидевшейся» глухарки изменяется отношение к внешней среде. Она затаивается при приближении хищников и человека, не реагирует на копытных животных и намокание оперения спины от осадков.

Капельки дождя скатываются с ее спины на края гнезда и не проникают к яйцам. Снегопады, дожди и холодные утренники не прерывают насиживание, но лишь до определенного предела. Снегопад, покрывающий глухарку целиком, и следующая за ним оттепель, при которой намокшая птица не покидает гнездо, губит наседок и их кладки. В 2008 г. в конце мая по Ямбуйским, Голондинским и гольцам Улан-Бургасы прошедший сильный снегопад, превращенный последующей оттепелью в снеговую кашу, уничтожил всех наседок каменного глухаря на кладках в Ямбуйской котловине, среднем течении и верховьях р. Турки, где уцелели лишь неразмножавшиеся в этот сезон молодые самки. Также уцелели кладки и самки обыкновенного глухаря в долине рек Правой и Левой Максимихи, так как снегопад там был незначительным. 15 июня 2009 г. сходный снегопад, гибельный для самок на кладках, прошел по Курбинскому хребту и Хамар-Дабану. Что касается проливных дождей, сопровождающихся ураганными ветрами, то они страгивают глухаров с гнезд лишь в том случае, если в яйцах начался наклев, так как в это время у самок пропадают рефлексы наседок. Таким образом, в естественной, природной обстановке из стандартной дюжины яиц после потерь по тем или иным причинам глухарка инкубирует лишь 5—9 яиц.

Какие поведенческие действия совершают самки, которые способствуют сохранению наивысших показателей инкубационных качеств яиц в больших кладках? Даже при вполне благоприятных условиях среди и минимальных интервалов откладки с первого яйца и до начала насиживания кладки проходит до 20 суток! Если в пусковом ме-

Молодая глухарка охотно берет корм из рук С. Кирпичева

ханизме начала периода размножения, интенсивности кладки и ее размере главное значение должно отводиться свету, то сохранение инкубационных качеств яиц, при их полноценности, связанной с кормами и успешностью насиживания, переходит к температурному фактору.

Температурную обработку яиц птицы осуществляют путем тесного контакта верхних частей яиц с оголенной грудью — наследным пятном. Приступая к откладке очередного яйца, глухарка вынимает клювом из лотка на край гнездовой ямки ветошь и лесную подстилку, осторожно проталкивает между яйцами ноги и прижимается к кладке. Затем покачивает яйца, зажатые между наследным пятном и дном гнезда, из стороны в сторону и поворачивается. Через 25—30 минут (в случае если кладка охлаждена ниже 0°C) температура в зоне верхнего контакта достигает 40—41°C. В результате поворотов с прогревом вязкий белок, держащий желточный мешок в центре яйца, разжижается, что позволяет зародышевому диску, находящемуся на более легкой части желтка, всплывать и перемещаться на требуемые оптимальные уровни к источнику тепла. В течение кладки увеличивается время несения очередного яйца. С началом постоянного насиживания глухарки покидают гнезда лишь для кормежек утром и вечером и для моциона.

Зародышевый диск и эмбрион на начальных стадиях развития испытывают общее глубокое охлаждение, а с другой стороны повышенную, почти на градус, температуру наследного пятна самки, столь необходимую на ранних стадиях эмбриогенеза для эффективного метаболизма. Такое сочетание достаточно быстрой контактной подачи температуры верхних пределов кинетических зон с длительными низкими температурами среды, при которых кладка находится в состоянии покоя и глубокого охлаждения до трех и более суток, вероятно, сохраняет и улучшает жизнеспособность яйцеклеток первых яиц в гнезде.

В начале кладки глухарка обогревает яйца лишь в течение часа, в середине срока — около двух часов, а в конце — около четырех часов. Полагают, что постоянное насиживание (у глухаря обычного) начинается с последнего яйца. Действительно, в стандартных кладках по 6—8 яиц после снесения последнего яйца глухарка остается на гнезде до очередной кормежки. В дальнейшем насиживание прерывается 15—25-минутными утренними и вечерними кормежками, а в полдень наследка иногда чистит перо сухой трухой, мелким песком или пылью. В больших и предельных кладках постоянное насиживание начинается с предпоследнего яйца. Что же касается последнего, то его скорлуповая оболочка формируется в течение суток. В это время организм самки переключается с режима несушки на режим наследки и откладка этого последнего яйца хоть и

блокируется на сутки-две, однако не задерживается более.

Выход из последнего яйца происходит фактически в те же сроки, что и из остальных, поскольку его инкубация идет в теле птицы, при более высокой температуре, чем инкубация остальной кладки при наружном теплообмене наследного пятна и среды. В результате столь важные для последующей жизни начальные стадии развития в зародышевом диске яйца в теле птицы проходят быстрее и догоняют развитие яйцеклеток яиц, инкубируемых через контактную подачу температуры в гнезде. Некоторые глухарки без видимых причин прерывают насиживание после вечерней кормежки и до утра следующего дня, то есть на 8—10 час. Поэтому наблюдается увеличение сроков насиживания, которые в результате колеблются от 24 до 26 суток как для каменных, так и обычных глухарок.

На успешность размножения не влияет наличие специфических весенних кормов, скрытых под снегом, если учесть обстоятельства перехода тетеревиных птиц на другие корма. Это практически неограниченные запасы ив разных видов, мужские соцветия осины и лиственницы, семена ели на настое или на остатках снега, изредка семена шишек кедра, сохранившиеся до весны. Эти корма увеличивают кладки до предельных размеров, вступление в размножение молодых прошлогодних глухарок, сроки кладки и плотность насиживания. На кормовые участки, будь то пойменные участки речек и ключей, ерники или отдельные осины и лиственницы глухарки слетают по несколько особей.

Их вылет на кормежку координируется определенными уровнями вечерней и утренней освещенности, проходящей в сумерках. В это время можно безопасно кормиться благодаря ослабевшему зрению наиболее опасных хищников. От их нападений надежную защиту представляют групповые кормежки глухарок (как это наблюдается и при групповых посещениях токовища). Очередную кормежку в первые дни насиживания предваряет легкая маскировка кладки. Глухарки, выйдя на край гнезда, прикрывают яйца небольшими порциями подстилки. Впоследствие, через 4—6 сут., оставляют кладки открытыми, а покидают гнезда вертикальным взлетом с шумным хлопаньем крыльев и быстро, с напряжением летят к местам кормежки. Скорость полета самок при этом достигает 90 км/час. В сокнутых насаждениях глухарка летит медленнее, искусно лавируя между верхними частями крон.

После посадки на кормовую площадку птица совершает короткую, быструю пробежку, приседает и оставляет на почвенном покрове толстый, зловонный комок экскрементов с порцией мочекислых солей на внешнем конце. Кормятся наследки весьма интенсивно и спешно: при помощи острых, самозатачивающихся друг о друга краев

надклювья и подклювья, молниеносно обрезают вершины побегов кустарничковых, соцветий карликовых берес и ив, обрывают «ссыпающими» движениями перезимовавшие ягоды голубицы и бруслики, выклевывают проростки лютиковых, щавеля, бобовых и других растений. Весенние корма в питании несушки и наследок сменяются довольно резко. Сегодня они кормятся пушицей влагалищной на кочках моховых болот или бутонами сон-травы на первых проталинах по солнечным откосам, а завтра их можно встретить на полянках среди зеленоющих проростков и колосков злаков, лука и чеснока. На деревьях глухарки мастерски перемещаются: соскаивают с ветки на ветку, «проваливаются» между ветвями вниз и взлетают вверх. Удивительное зрелище!

Находясь на лиственнице или на безлистенной осине, глухарки демаскируют себя, но во время кормежки и неподвижного сидения в гнезде, они совершенно сливаются с окружающим ландшафтом. Этому способствует разрушение депигментированных вершин опахал плечевых, кроющих крыла и надхвостья, скрывающих самок каменного глухаря в суровое зимнее время и депигментированных частей оперения брюха и верха обычного глухаря. Таким образом, наследка становится незаметной, даже если она решилась сделать гнездо на открытом месте у основания дерева.

Если гнездо расположилось на территории токовища, где в мае и июне еще остались активные самцы, кладку может засечь один из них, увидев летящую глухарку на кормежку или после нее. Посадка глухарки на землю не может остаться незамеченной острым зрением токовика. Его возбуждает вид самки на гнезде, и он делает «заход», чтобы спариться с нею, но глухарка издает особые отчетливые репеллентные звуки, заставляющие токовика отойти от гнезда. В переводе на речь человека они вполне соответствовали бы словам: «Не беспокой меня, не трогай!» А следующий затем звук: «Немедленно убирайся!» заставляет даже весьма активных токовиков покинуть сидящую на кладке самку! Уверяют, что насиживающие глухарки, в силу явления так называемого «территориализма», весьма агрессивны друг к другу. В природе этого нам заметить не удалось. Мы находили гнезда обычного глухаря (4 гнезда) и глухаря каменного (3 гнезда), которые находились друг от друга на расстоянии 70—30 м, а наследки взлетали на кормежку вместе, как по команде, и мирно кормились. Что же касается глухарок, сидящих на кладках открыто, на загороженном от наземных хищников участке, как говорится «бок о бок» (их общая кладка в одно гнездо была разделена и они были привучены к двойным гнездам), они не проявляли друг к другу какой-либо враждебности.

Окончаник следует

Лоси в Сокольниках

Сергей ТИШКЕВИЧ

Мне повезло — удалось летом понаблюдать лосей в парке «Сокольники» г. Москвы. Их было трое: лосиха и два молодых лося. Обычно они кормились рядом и казалось будто они привязаны друг к другу.

Пасущихся лосей я встречал в утренние и вечерние часы, а днем животные, лежа, отдыхали в тени деревьев, пережевывая жвачку. Звери поражали своей сдержанностью и изяществом, несмотря на впечатляющие размеры.

Однажды самый старший лось сам вышел на меня. Сначала из густого подлеска показалась увенчанная рогами голова зверя, затем и он сам. Казалось, что он будто плыл в листве, а не шел. Не дойдя 10 шагов, остановился, внимательно посмотрел на мою фотокамеру, копнул землю несколько раз передней ногой и решительно пошел в мою сторону. Пришлось резко посторониться и спрятаться за широкую старую березу. Бык развернулся и скрылся в лесу.

Вытерев пропущенный на лбу пот, я утешил себя мыслью, что имел возможность так близко наблюдать дикого лося. Но желание продолжать это занятие пропало, и больше за лосями в парк я не ходил.

История одного края: Собинка

Е. ЦЕЛЫХОВА. Фото автора

Усадьба поместья Сушнева, где гостил И.И. Левитан

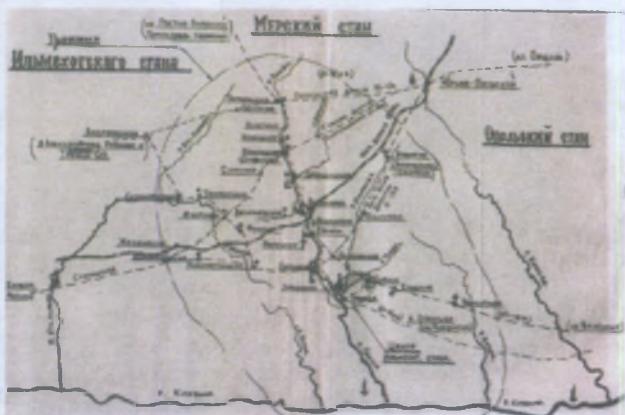

Схема территории Илдымекхтского стана

Средняя полоса России на протяжении вот уже тысячелетий являлась местом активной деятельности человека. В I—XVI вв. нашей эры важной частью этой деятельности была охота. Иногда даже возможно составить своего рода исторический «охотничий портрет» какой-либо отдельно взятой местности. Примером этого может стать часть территории по берегам рек Клязьма и Пекша в юго-западной части Владимирской области, входившая с середины 30-х годов прошлого века до 1986 года в состав Болдинского охотничьего хозяйства спортивного общества «Буревестник». В настоящее время на этой же территории организовано Собинское государственное опытное охотниче хозяйство. Эту территорию и сегодня можно назвать уникальной с точки зрения природно-климатических особенностей. Река Клязьма разделяет охотничье хозяйство на две совершенно отличные друг от друга в природном отношении части, при этом левый ее берег представляет собой так называемое Владимирское Ополье — пологую слабо заболоченную волнистую равнину с развитой агротехнической деятельностью, а правый берег — окончание Мещерской низменности с верховыми болотами и множеством озер.

Люди поселились в этом крае сравнительно рано — археологические раскопки показывают наличие стоянок эпохи мезолита (к примеру, на озере Питкер, VII до н.э.), бронзового и железного века. В те времена эта территория, как и сегодня, была покрыта лесом, однако характер его был совершенно иным: он скорее напоминал тайгу, нежели современные вторичные смешанные леса с преобладанием бересклета или искусственные посадки сосны. В глубине этих лесов жило финно-угорское племя меря, ставшее «автором» своеобразной топонимики этих

мест: озера Питкер (изначально Петхар), Рачмига, реки Клязьма, Пекша и т.д. Меря занимались скотоводством, охотничим и рыболовным промыслами охотились на медведя, лося, оленя, и т.д., добывали птицу и пушного зверя. При этом примечательно, что, согласно археологическим раскопкам, для охоты на мелких зверей меря использовали стрелы с тупым наконечником, вероятно, чтобы просто оглушить его и не портить шкурку, тогда как традиционно наиболее популярным способом добычи пушного зверя является использование различных ловушек-поставушек типа пастей и кулем.

В X—XII вв. с Оки на берега Клязьмы пришли славяне, ассимилировали местное коренное финно-угорское население и основали свои поселения. К примеру, по археологическим данным в XII уже существовало древнерусское селище на территории современного Абакумова. А в целом таких древних поселений только по берегам Пекши насчитывается более 20. Земледелие, характерное для славянских племен, не сразу достигло здесь своего расцвета, поскольку понадобилось значительное время для расчистки площадей от росшего здесь испокон веков леса, и славяне-земледельцы довольно долго вынуждены были вести здесь образ жизни меря-охотников: добывали диких зверей, торговали пушниной.

С XII вв. эта земля оказалась на пересечении важнейших среднерусских путей Владимир — Москва и Ростов Великий, Переяславль-Залесский — Владимир. Первый из них изначально проходил не только по маршруту современной «Горьковки», но и по реке Клязьме. Такой «дублер» был наиболее удобен для перевозки товаров и передвижения в зимнее время года. Кстати, именно по льду этой реки войска хана Батыя прошли от Москвы до Владимира и сожгли его и находящийся неподалеку Сузdal. На левом (высоком) берегу реки Клязьмы у деревни Погост сохранились остатки первого из целой системы укреплений, располагавшихся вдоль реки вплоть до Владимира и служащих для местной обороны и, вероятно, подачи предупредительных сигналов при появлении со стороны Москвы татаро-монголов. Но существует и другая версия. Согласно ей эти укрепления представляют собой часть оборонной системы, созданной в период междуусобных войн между Владимиром и Рязанью, ведь согласно записям летописцев Переяславля Суздальского, сын князя Всея Великого Гнездо Юрий разбил рязанцев «у Осовоого» (т.е. у современного с. Осово, расположенного рядом с Погос-

Исаак Ильич Левитан на охоте

том). Положение на местной ключевой высоте позволяло защитникам укрепления издалека заметить приближающегося противника и вовремя подать сигнал дальнейшим «укрепрайонам». На сегодняшний день укрепление представляет довольно высокий вал, опоясывающий территорию в форме квадрата, северная сторона которого переходит в кругой спуск к воде. По словам местных жителей, за последние десятилетия вал сильно сел, но, несмотря на это, и сегодня можно наглядно представить себе былую мощь этого оборонительного сооружения.

С татаро-монголами связано и появление в этом региона нового растения — аира болотного. Всадники степей считали, что пить воду и поить коней можно только там, где растет аир, приписывая ему великолепные очищающие свойства, а потому, переправив-

нем Ильмехотского стана, хотя сам стан имел территорию, значительно превышающую по размерам территорию современного Собинского охотхозяйства. Одним из важных видов промысла на его территории была ловля бобров, а основными охотничими угодьями — бобровые гоны. Сохранилась даже специальная уставная грамота, данная от имени «Князя Великого Ивана Васильевича всея Руси» в 1537 г., по которой они были обязаны «ведать Великого Князя службу — бобровую ловлю: ловить бобров по рекам: Клязьме, Судогде, Колахте, а что добудут бобров, возить их к Москве, к государевой казне шерстью (шкурами), а не добудут бобров, давать за бобров оброком...» Выполнение возложенной на бобровников повинности сулило им значительные выгоды — они освобождались от необходимости содержать

сти и популярности этого промысла в целом.

С упразднением Ильмехотского стана и возникновением на его месте Покровского уезда не прекратилась охотничье-промышленная деятельность: в «Памятной книжке Владимирской губернии» за 1862 год имеется запись: «... В упомянутых лесах (по берегам р. Пекши и Ильмехты) водятся медведи, волки, лисицы, куницы и зайцы, ловлей коих занимаются охотники; для чего у некоторых помещиков содержатся особенного рода собаки для травли зверей и маленькие шавки для выманки оных из берлоги, а волков, лисиц и куниц ловят как тенетами, так и капканами...» Произрастающие в этой местности строевые, мачтовые, «лучшие еловые леса» и лишь «изредка» березовые, описанные в том же источнике, объясняют отсутствие в списке комплексных охот. На территории тогдашней Владимирской губернии существовал и лесоохранительный комитет, имевший в своем составе ассистента по осушительным и обводнительным работам, инженера-гидротехника, топографа, заведующего рыболовством и таксатора, задачей которого было определение запасов древесины, а также состава древесных насаждений и их качества, кроме того в Комитет входили и свои Общества любителей рыболовства и правильной охоты, которые упоминаются в Книжке от 1904 г.

Еще одна страница охотничьего прошлого этого края связана с именем известного пейзажиста и страстного охотника И. Левитана. В одном из писем А.П. Чехов высказывается о нем как о «яром стрелке», а его ученик, Владимир Соколов, писал так: «Мы часто ходили гулять вместе, причем Левитан захватывал обычно ружье. Он был страстным охотником. Помню, шли мы однажды с ним по опушке леса. Вдруг он приложился, выстрелил и побежал вперед. Радостный возвратился Исаак Ильич, держа в руках большого русака». В другом месте Соколов отмечает, что Левитан «...очень любил ездить верхом на лошади, а ночью выслеживать зайцев». Живописец великолепно стрелял, участвовал в охотах на волков, лис, любил тягу. Одним из мест его охот и источником творческого вдохновения стало имение помещика Сушнева — Болдино, расположенное на территории современного Собинского района. Может быть, именно здесь осенью 1892 года, во время охотничьих прогулок по реке Пекше, он нашел сюжет для знаменитой «Золотой осени».

Прошло время, изменилось и заросло ивами русло маленькой реки, не увидишь больше на горе сараев деревеньки Напутново, которая сгорела в 1939 году и была перенесена дальше от кручи, но, оказавшись осенним днем на берегу Пекши, невольно вспоминаешь желтые левитановские березы и бесконечно-синее небо над ними. А ведь от Болдина до этого места всего пара часов пути. С ружьем и этюдинком Левитан прошагал много верст по

На старых торфяных выработках образовались озера

ляясь через реку или ручей, они бросали в воду нарезанные корневища аира в надежде на то, что они приживутся.

Ко времени укрепления и возвышения Московской Руси лесные богатства этого края совсем не оскудили. В 1552 г. Иван IV вел по Владимирской дороге 150-тысячное войско, чтобы покорить Казанское ханство и, по словам Н.М. Карамзина, «многочисленные ратишли дремучими лесами и пустынями, питаюсь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имели запасов с собою, пишут очевидцы: везде природа до наступления поста готовила для нас изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали на землю пред нами».

В исторических документах того времени это место фигурирует под име-

армию чиновников и служилых людей: не обязаны были кормить проезжих государевых людей, владимирских наместников и т.д., освобождались от всех личных повинностей и вещественных податей и даже от внутренних таможенных сборов (мыта), который не единожды на своем пути выплачивал всякий отправляющийся торгововать в столицу. При этом соблюдение всех предоставляемых льгот курировалось лично князем: «а через сию мою грамоту изобидит чем, бытии ин от меня Великого князя в казни». Бобровый промысел не был приоритетом исключительно Ильмехотского стана: истории известна также грамота Каменного стана бобровникам 1509 г., а если учесть что всего уставных грамот наместничих управлений до нас дошло 15, то можно легко судить о значимо-

Река Клязьма у Болдина

Остатки оборонительного вала на берегу р. Клязьмы

владимирской земле. Здесь он, под вечер запутав на охоте, вышел на старый тракт и сделал на платке своей спутницы Д. Кувшинниковой первый набросок знаменитой «Владимирки». Не будь Левитан охотником и не посети он эти места — скольких живописных пейзажей недосчиталась бы отечественная живопись.

К 30-м годам XX вв. мало что осталось от описанных строевых, мачтовых и «лучших еловых» лесов, а проводившиеся в этой местности с начала 50-х годов обширные торфоразработки изменили ее до неузнаваемости. На месте боров и опушек появились торфяные озера с торчащими грудами гниющих пней, повсеместно был сильно поврежден почвенный слой.

Но природа быстро залечивает свои раны. Не прошло и 20 лет как вместо котлованов возникли болотистые озера, давшие приют и множеству водоплавающих птиц, и околоводных животных. Сегодня, к примеру, бывшие Бакшеевские торфоразработки превратились в продуктивные охотничьи угодья, где обитает и гнездится множество водоплавающей птицы, имеются колонии бобра, водится ондатра и норка. Даже для кабана эти места привлекательны как великолепные защитные угодья. Важную роль в скорейшем устраниении последствий антропогенного воздействия и восстановлении видового разнообразия фауны этих мест сыграла и собственная инициатива Собинского охотхозяйства по увеличению продуктивности охотничьих угодий путем посадки в водоемы канадского риса. В те годы, когда рис успевает вовремя созреть, а водоемы не пересыхают, им удается проявить свои лучшие кормовые свойства, привлекая очень большое количество водоплавающих.

Вернулся в эти места и бобр, фактически исчезнувший здесь еще в XVIII веке. В 50-х годах Болдинское охотхозяйство стало первым, которое завезло его из Белоруссии. В 70-е годы 3 раза осуществлялся выпуск пятнистого оленя из Хабаровского края, завезли глухаря из Томской и кабан из Смоленской областей.

В 1986 году на базе бывшего Болдинского охотхозяйства было создано Со-

бинское государственное охотничье хозяйство, получившее в 1998 году статус опытного. Несмотря на близость таких крупных населенных пунктов как Москва и Владимир, а также прохождение по территории крупной автомобильной трассы, Собинское охотхозяйство путем правильной организации ведения охотничьего хозяйства смогло не только сохранить свое природное наследие, но и преумножить его, превратившись в своего рода природный резерват, где благодаря плановой охоте и изъятию оптимального количества животных не только поддерживается их постоянная численность, но и появляется возможность расселения некоторой части разросшейся популяции в соседние охотхозяйства. К примеру, в 90-е годы численность лоси катастрофически упала не только по Владимирской области, но и по всей России, однако здесь ее удалось сохранить на прежнем уровне и даже немного поднять (численность лоси на 2009 год в целом по охотхозяйству составила 211 голов). На данный момент она продолжает увеличиваться не только в охотхозяйстве, но и вокруг него.

Река Клязьма не приводит к разделению популяций животных на изолированные части. К примеру, во время созревания кормовых полей или желудей в дубравах на левом берегу кабаны свободно переплывают реку, совершая своего рода местную миграцию. В Мещерской низменности территория охотхозяйства на 60 процентов состоит из леса, и здесь удалось сохранить много глухариних токов, которые постановлением губернатора занесены в списки особо охраняемых территорий. Это позволило запретить рубку леса и создать хорошие условия для размножения боровой дичи, которая является объектом пристального внимания Министерства природных ресурсов.

Важную роль в сохранении биологического разнообразия и увеличении численности охотничьих животных играет и активная борьба с хищниками — с 2004 года на территории охотхозяйства нет волчьих выводков и «серый помесик» лишь изредка заходит в эти угодья. Проводится и вакцинация лис против бешенства: к примеру, в 2009

году было разложено 3200 доз вакцины.

Еще одним приоритетным проектом в охотхозяйстве сегодня является увеличение численности зайца-беляка, которого, по примеру такого же опытного Селигерского охотхозяйства, планируется закупить в Якутии. Это дает надежду на то, что удастся избежать заполнения этих богатейших мест только популярным на сегодня объектом коммерческих охот — кабаном, которого в охотхозяйстве с успехом разводили даже безвольерным способом, доведя его численность более чем до полутора тысяч голов.

В условиях посткризисной депрессии Собинским охотхозяйством ведется опытная работа по проекту «Разработка оптимального комплекса биотехнических и охотхозяйственных мероприятий в целях повышения продуктивности охотничьего хозяйства». При этом особое внимание уделяется минимизации затрат на ведение охотничьего хозяйства и повышение его рентабельности путем частичного замещения традиционно избыточной подкормки копытных использованием щадящих методов охоты и, в частности, отказа от загонной охоты и переходом на индивидуальную добычу. Интересное решение было найдено в охотхозяйстве и в отношении стремительно растущей численности бобра — исконного объекта охоты в этих местах, который сегодня уже успел стать обузой не только для охотничьих хозяйств, но и для лесничеств и природоохранных организаций. Для снижения его численности, в свете разрешения охоты на этот вид с применением огнестрельного оружия, было решено привлечь внимание охотников к бобру как к объекту спортивной охоты, обладающему не только хорошим мехом, но и определенными гастрономическими достоинствами.

Усилия охотхозяйства в области сохранения биологического разнообразия и рационального использования охотничьих ресурсов позволяют сегодня надеяться на то, что многовековая история охоты в этом благодатном крае не закончится в ближайшие годы глухим забором с надписью «Проход запрещен. Частная собственность».

НАВСТРЕЧУ ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ ОХОТОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПОПУЛЯЦИЯ – ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ОБЪЕКТ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

С. ШВАРЦ, академик

Полноценное использование запасов любого вида промысловых животных возможно лишь на основе точных знаний его биологических особенностей в конкретной среде обитания, с учетом места, занимаемого охотничим хозяйством в экономике края. Поэтому практическое использование любых общих рекомендаций, касающихся стратегии охотничьего-промышленного дела, требует точных знаний конкретной экологии опромышляемого объекта.

Наиболее общей предпосылкой разработки системы рационального промысла является представление о популяции, как элементарной форме существования вида и элементарном объекте промысла. Общие положения, касающиеся использования основных выводов популяционной экологии в практике промыслового дела, в последние годы неоднократно освещались в литературе (Шварц, 1971; Язан, 1972; Ларин, 1973; Юргенсон, 1973 и др.). Поэтому здесь обсуждаются частные приложения теории популяций, представляющие, по нашему мнению, принципиальный интерес. При этом учитывается, что в настоящее время из всех отраслей знания охотоведение обладает наибольшим опытом направленного воздействия на численность наземных животных. В ближайшем будущем, в связи с конструированием оптимальных ландшафтов, эта работа будет резко усиlena, а опыт охотоведения будет использован для решения задач первостепенной государственной важности. Отсюда следует, что оценка степени эффективности и целесообразности использования любого вида животных требует не только популяционного, но и биогеоценотического подхода.

Популяция — сложное структурное образование, объединяющее ряд пространственных группировок животных, функционирующих как единое экологическое целое и как целое, реагирующее на изменение внешних условий, в том числе и на промысел. Определение

границ популяций связано с большими трудностями, вытекающими из сложности и динамики основных популяционных явлений. В настоящее время практически лучшие результаты дает определение границ популяции, основанное на изучении динамики численности животных, дополненное генетическими и морфофизиологическими исследованиями.

Любая популяция любого вида животных обладает способностью регулировать свою численность и воспроизводство в соответствии с условиями существования. Процветающая популяция всегда обладает определенным «экологическим резервом продуктивности», который определяет ее способность компенсировать естественную или вызванную деятельностью человека смертность интенсификацией воспроизводства, не связанный с нарушением оптимальной структуры сообщества и физиологическим перенапряжением животных. Экологический резерв популяции и определяет нормы промысла. При этом необходимо учитывать, что экологический резерв популяций разных видов животных в разной среде обитания различен и что возможность животных реализовать присущую виду способность к компенсаторному усилинию воспроизводства делается не только нормой, но и системой промысла.

Определение конкретной системы использования запасов отдельных видов в конкретных хозяйствах и регионах должно рассматриваться как важнейшая инженерная деятельность охотоведов-биологов. Научная работа в рассматриваемом направлении должна быть ориентирована в первую очередь на создание «экологической классификации» всех важнейших видов промысловых животных. В основу этих классификаций целесообразно положить представление об экологическом резерве популяций разных видов в разных условиях среды.

Способность популяции к мобилизации «экологического резерва» на разных участках кривой динамики числен-

ности различна. Это определяет необходимость внесения ежегодных корректиров в систему промысла. Организационная предпосылка успешной работы в этом направлении — перспективное планирование промысла. Так как границы популяций не совпадают с границами административных районов, то целесообразно уже в настоящее время внедрить повсеместное перспективное межобластное планирование. Это, в свою очередь, потребует создания в системе промысловых организаций инженерных служб (по типу заводских лабораторий). Поэтому охотоведы-биологи должны приобретать знания и навыки инженеров охотничье-промышленного дела.

Одним из важнейших проявлений компенсаторных реакций популяции является ее способность быстро заполнять участки так называемого экологического вакуума. Полевыми экспериментами на грызунах было показано, что многократное полное истребление животных на отдельных участках не только не приводит к общему снижению численности вида на обследованной территории, но способствует ее повышению; «пустые» участки быстро заселяются «избыточными» особями, которые вовлекаются в размножение. Результаты этих опытов принципиально совпадают с классическими работами по шотландской белой куропатке, которые показали, что число «избыточных» особей, не участвующих в воспроизводстве популяции, может достигать 50%. Вовлечение этих животных в воспроизводство — неиспользуемый резерв промысла.

Естественно, что у разных видов и в разных условиях «эффект экологического вакуума» проявляется с разной силой и в разных формах. Поэтому практическая реализация выводов рассматриваемых работ требует крайней осторожности. Тем не менее они свидетельствуют о своевременности тщательного анализа таких важных и, казалось бы, бесспорных положений охотоведения, как необходимость равномерной эксплуатации угодий и т. п.

«Эффект вакуума» подсказывает новые пути организации промысла многих видов.

Промысел всегда избирателен. Это создает предпосылки для использования рациональной его системы, как фактора повышения потенциальной продуктивности популяций ценных животных. Необходимая предпосылка этой работы — определение оптимальной (для вида и биогеоценоза) структуры и плотности популяции. Вместе с тем научно обоснованная система промысла создает условия и для направленного изменения генетического состава популяций. Прямыми полевыми экспериментами, а также экспериментами на математических моделях, было показано, что изменение в популяции соотношения разных возрастных групп или разных пространственных группировок животных и т.п. приводит к резкому, направленному и принципиально предсказуемому изменению ее генофонда. Создается возможность по-

вышать товарные свойства вида и продуктивность его опромыщляемых популяций. Использование этой возможности сильным промысловым организациям доступно уже в настоящее время.

Структура популяции, формирующаяся под влиянием и в соответствии с конкретными условиями среды, становится мощным фактором, определяющим динамику численности вида, обладающим относительной самостоятельностью. Это приводит к парадоксальным, но не так уж редко возникающим ситуациям, когда спады и подъемы численности промыслового вида непосредственно не следуют за изменениями условий существования, в том числе и состоянием кормовой базы. Конкретный анализ этих явлений относится к числу最难нейших вопросов прикладной экологии. Одной из возможных предпосылок успешного проявления этого анализа является представление об опосредованном структу-

рой популяции влиянии внешних условий на динамику численности животных. Изменение численности животных всегда сопровождается изменением структуры их популяций.

Охотничье-промышленное хозяйство рассматривается как часть системы использования биологических природных ресурсов. Отсюда вытекает целесообразность мероприятий, направленных не только на увеличение товарной стоимости продукции, получаемой с единицы площади угодий, но и на увеличение разнообразия объектов промысла.

Использование достижений современной экологии в практике охотоведения требует организации Службы качества популяции и хорошо оборудованных эколого-физиологических лабораторий, обеспечивающих прогнозирование изменений численности животных, на основе которого в систему промысла можно вносить необходимые ежегодные корректизы.

СТАНОВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ОХОТОВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ

О. ГУСЕВ, кандидат биологических наук

Характерной чертой любой развивающейся науки является ее расчленение на самостоятельные разделы в результате дифференциации и специализации процесса познания.

Постоянно возрастающие требования практики вынуждают перейти от первоначального описания предмета исследования к раскрытию его сущности и к все более и более глубокому проникновению в эту сущность. Это, в свою очередь, требует специального рассмотрения различных сторон изучаемого объекта. Дифференциация и специализация научного знания отражают объективный ход «последовательно проходимых ступеней познания» (Кедров, 1967), которые фиксируются в структуре науки. Изучение структурного разреза науки позволяет наметить главные вехи в ее развитии. Анализу эволюции структурного разреза науки, как методу познания путей ее становления и развития, принадлежит большое будущее. Замечательны слова М. Планка (1911): «На вопрос о том, какой внешний признак является наиболее характерным для данной стадии развития какой-нибудь науки, я не знаю более общего ответа, чем указание на тот способ, каким эта наука определяет свои основные понятия и как в них производится РАЗДЕЛЕНИЕ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ» (Выделено мной — О.Г.). Между тем структуре научного знания, в том числе структуре

охотоведческой науки, почти не уделялось внимания.

Начало систематическому изучению охотничьего дела в России положено А.А. Силантьевым в конце прошлого века. Его «Обзор промысловых охот в России» (1898) составил эпоху в изучении охотничьего промысла и лег в основу классической пятитомной сводки Д.К. Соловьева «Основы охотоведения» (1922—1929). Начиная с 1897 г., впервые в России А.А. Силантьев создал и читал студентам Петербургского лесного института курс «Охотоведение». Он воспитал большую группу учеников (Н.Ф. Томкевич, В.Н. Троицкий, В.П. Гортанский, Г.Г. Доппельмаир, В.И. Белоусов, А.К. Саблинский и др.), заложивших прочный фундамент охотоведения в России («Материалы к познанию русского охотничьего дела», вып. I—X, 1913—1918). И хотя ко времени работы А.А. Силантьева было опубликовано уже около 300 «охотничих сочинений» (С. Безобразов) и уже закончилась блистательная деятельность «первого русского охотоведа» Л.П. Сабанеева, А.А. Силантьева с полным правом следует считать основоположником отечественного охотоведения.

Ученики силантьевской школы занимались многими из тех проблем, которые разрабатывает современное охотоведение, но заметной дифференциации охотоведческих знаний к тому

времени не произошло. Даже в 1926 г., говоря о «категорической необходимости срочно и интенсивно заняться обследованием и изучением всех сторон охотничьего дела СССР», Д. К. Соловьев смог выделить лишь «четыре части» этого изучения: «1. Систематико-биологическую, заключающуюся в детальном изучении состава и биологии охотничьих животных и их распределения в пределах СССР; 2. Организационно-техническую, касающуюся изучения техники и порядка производства охоты в связи с бытовыми условиями жизни отдельных групп охотников; 3. Экономическую, обнимающую всю обширную область экономических явлений, связанных с охотой, со многими самостоятельными подразделениями, как например — торговля продуктами охоты, снабжение промыслового населения, статистика промысла и спорта и обслуживающих производств, производство оружия, огнеприпасов и др., обработка продуктов охоты и т. д. и 4. Правовую, выясняющую правовые нормы, регулирующие пользование охотой в разных частях СССР».

В двадцатые годы, по свидетельству Б.М. Житкова (1927), чрезвычайно возросло значение пушнины, экспорт которой, определявшийся в 65 миллионов рублей, занял третье место после хлеба и нефти. Это поставило перед охотоведческой наукой много сроч-

ных задач, потребовало более четкого разделения труда в научных исследованиях. Именно в это время начинает формироваться новый раздел охотоведения — товароведение охотничье-промышленной продукции (Кузнецов, 1973), а несколько позднее, в тридцатые годы, выделяются еще три раздела: охотничья таксация, биотехния и охотустроительство.

А. А. Кнize впервые в 1934 г. четко сформулировал задачи нового раздела охотоведения, который, в отличие от принятого раньше термина «биосъемка», предложил называть охотничьей таксацией. А. А. Кнize (1934) писал: «Разработка методики и техники работ по учету и оценке охотфауны и должна составить задачу специальной дисциплины прикладного характера, которой правильнее всего будет присвоить наименование... охотничьей таксации... Охоттаксация — это прикладная наука, ставящая своей задачей разработку методики и техники производства учета и оценки: 1 — среды, в которой обитает фауна, с точки зрения кормности и защитности последней для охотфауны; 2 — основного фонда охотфауны и 3 — динамики последнего во времени и пространстве».

Ресурсоведение успешно развивается как «самостоятельный раздел лесной науки» (Жуков, 1970), многих других наук. По тематике раздела «Учет и оценка охотничье-промышленных ресурсов» ведутся специальные исследования, создаются подразделения в научно-исследовательских учреждениях (отдел в ЦНИЛОЗ, возникший по инициативе Е. Е. Сыроечковского), издаются сводки, статьи, монографии и т. д. Ресурсоведение, как один из научных разделов охотоведческой науки, призван решать следующие основные задачи: 1. Разработка принципов, методов и техники учета и оценки охотничье-промышленных ресурсов; 2. Разработка научных основ службы учета охотничье-промышленных ресурсов; 3. Классификация охотничье-промышленных ресурсов; 4. Инвентаризация охотничье-промышленных ресурсов.

Раздел «Учет и оценка охотничье-промышленных ресурсов», с несколько изменившимся содержанием, окончательно выделился в относительно самостоятельное направление охотоведческой науки.

Биотехнические мероприятия осуществлялись в охотничьих хозяйствах России еще в прошлых столетиях, но они считались частью раздела организации охотничьего хозяйства (Томкевич, 1914; Соловьев, 1925). Говоря о подобных мероприятиях и исследованиях, Б. М. Житков (1928) писал: «Этим течением прикладной биологии, основанной на прочной и широкой базе теоретических исследований, немецкие специалисты новейшего времени придают название «технической биологии» («Technische Biologie»). В 1929—1930 гг. курс биотехнии впервые был включен

в учебную программу Московского пушно-мехового института (БСЭ, изд. 2, т. 5). С начала тридцатых годов термин «биотехнические мероприятия» начинает приживаться в литературе (Кнize, Леонтьев, 1934), а в известной книге В. В. Подаревского (1936) приводится уже обширная биотехническая терминология. Наряду с такими терминами, как «система биотехнического воздействия», «биотехнические моменты» и «дифференцированный биотехнический минимум», в ней говорится о «биотехнических мероприятиях», «первичных биотехнических мероприятиях» и о «вторичных биотехнических мероприятиях».

Система взглядов на биотехнию, как на науку о «разведении в природных условиях диких охотничье-промышленных животных и других полезных животных и о рациональном их использовании» была сформулирована П. А. Мантифелем в курсе лекций по биотехнике и в ряде опубликованных работ. Однако П. А. Мантифель дал этому понятию необоснованно широкую трактовку, что по существу лишило биотехнию своего предмета исследования и отождествило ее с охотоведением (Верещагин, 1964, Гусев, 1965). Некоторые охотоведы (Гаврин, 1972) объединяют биотехнию в один раздел с «биологическими основами охотничьего хозяйства» и «учетом и оценкой охотничье-промышленных ресурсов», с чем нельзя согласиться, так как это принципиально разные направления исследований.

Биотехния — это то, и только то, что привнесено в природу волей и разумом человека: реконструкция, приумножение, обогащение охотничьих богатств. Биотехнические мероприятия — это сознательная, целенаправленная мелиорация охотничьих угодий и повышение товарных свойств охотничьих ресурсов, это, если хотите, приход неолита в охотниче хозяйство, первые элементы ноосферы. Наиболее правильно понимание компетенции биотехнике дано Б. А. Кузнецовым (1967, 1974). Биотехния имеет свой предмет исследования, свои задачи и методы. Содержание биотехнии полностью отвечает требованиям, предъявляемым к понятию «наука» (Гусев, 1965).

3-е собрание уполномоченных Всекохотовца (1926) постановило: «Организованный охотник должен охотиться в организованном охотничьем хозяйстве», что привело к приписке охотничьих угодий коллективам охотников и к научной разработке вопросов охотустроительства. После Постановления Совета Труда и Обороны СССР от 31 октября 1931 года, обязавшего в срочном порядке выполнить намеченный им план охотустроительства, охотустроительные работы получили особенно широкий размах (Умнов, 1932).

В настоящее время в области охотустроительства ведутся систематические научные исследования, издается спе-

циальная литература, выделяются структурные разделы в научных учреждениях (отдел охотустроительства в ЦНИЛОЗ) и т. д. Все это свидетельствует о том, что охотустроительство, тесно примыкая к разделу «Организация и экономика охотничьего хозяйства», но имея свои специфические задачи и методы исследования, по праву занимает в охотоведческой науке самостоятельное место. Разные взгляды на задачи и содержание этой дисциплины объясняются отчасти неправомерным отождествлением охотустроительных исследований с охотустроительными работами. Охотустроительство, как комплекс практических мероприятий, широко использует достижения смежных разделов охотоведения. Охотустроительство, как научная дисциплина, разрабатывает принципы и методы охотустроительства. Крупным специалистом в области охотустроительства и одним из его основоположников является Д. Н. Данилов (1965, 1966, 1969 и др.). В последнее время формируется новый раздел охотоведческой науки — общее охотоведение (Гусев, 1972).

Охотоведение состоит из следующих разделов: 1. Общее охотоведение, 2. Биологические основы охотничьего хозяйства, 3. Учет и оценка охотничье-промышленных ресурсов, 4. Охотустроительство, 5. Организация и экономика охотничьего хозяйства, 6. Биотехния, 7. Техника охотничьего хозяйства, 8. Охотниче собаководство, 9. Товароведение охотничье-промышленной продукции, 10. Охрана и рациональное использование охотничье-промышленных ресурсов.

Только ясное и четкое представление о структуре научного знания, о путях разделения труда внутри охотоведения может привести к быстрому прогрессу этой науки. Несмотря на громадный накопленный фактический материал и широкий фронт научных работ, приходится констатировать весьма неудовлетворительное состояние охотоведения, как целостной науки. Оно все еще очень далеко от внутренней стройности и завершенности. Вывести его из этого состояния может лишь нахождение оптимального синтеза двух доминирующих тенденций — дифференциации и интеграции. В каждой науке необходимо определить то главное, чemu подчинена логика ее развития. Главным в охотоведении, прочно цементирующим все его сложнейшее здание, является проблема повышения производительности и продуктивности охотничьих угодий, улучшения товарных свойств охотничьих ресурсов. Теория охотоведения, вступающего в экспериментально-преобразовательную, высшую стадию развития, будет создаваться вокруг этого стержня. Все разделы охотоведения, решая свои, специфические проблемы, должны работать на теорию охотоведения, постоянно помня об этих главных задачах охотоведческой науки.

Гусиный скрадок и поведение охотника в нём

А. АЗАРОВ. Фото автора

Каких только скрадков не приходилось мне видеть на гусиных охотах. Сначала о самых простых. Скрадок, когда охотник ныряет за какой-либо куст или падает, внезапно застигнутый налётом стайки. Это не серьёзно, не по-охотничьи и тут всё ясно. Гуся так не добудешь. Разве что когда-либо раз в 10 лет собьёшь налетевших «дурью». Далее уже немного сложнее. Но тоже стрелок не утруждает себя оборудованием скрадка, а постелив коврик в борозде, в перерывах между болтанкой лежит или сидит. Конечно, опытный охотник сумеет и лёжа в борозде напустить на себя гусей. Но долго без шевеления там корчиться неудобно. А неопытному и борозда не поможет. При подлёте гусей он начнёт елозить, пытаясь изготовиться к стрельбе, и отпугнёт их. Большинство стаек всё же засечёт это примитивное укрытие. Гусь, как правило, летя по чистине, по природной привычке облетает все затемнённые места, так как из-за большой скорости полёта ему некогда рассмотреть и оценить обстановку. По этой же причине бесполезно сидеть у стогов, валунов, груд железа, нагромождения ящиков, бочек и тому подобное. Прятаться в канавах и устраивать там скрадок можно, но надо обязательно приспособливаться к местности. В куртинках деревьев и кустов, в канаве — я сидеть не стал бы. Гусь к таким элементам ландшафта относится настороженно. Нежелательно стоять и в мелколесье. Может и складываются иногда такие ситуации, когда гуси на каком-либо вираже накрывают мелколесье, но это бывает не часто. Видел я и капитальные сооружения из шпал с подсыпкой грунта. В них можно спокойно даже перезимовать. Но к чему такие потуги? Обзор из них никакой. Может и можно успеть выскочить из этого дзота (длительная земляная огневая точка), но только если гуси предупредят свой подлёт голосом. А если нет? Невыгодно лежать и на высокой кочке в болоте или под сосёнкой. Во-первых, надо лежать очень строго, а, во-вторых, кочка всё равно осядет и вскакивать с неё будет неудобно. Даже повернуть голову в сторону очень сложно. Это допустимо если по пути к месту охоты вас внезапно накрыл вал гусей.

Из крытых скрадков в дождливую погоду допускаю и использую два типа. На поле или на болоте ставятся невысокие колышки сантиметров 50—70, а сверху на них камуфлированный тент (не дающий бликов). Поверх него до-

полнительно иногда набрасываю куски старых рыболовных сетей, а уже поверх них — в поле набрасываю траву, а в болоте — мох, кустарнички болотные, лапник. Если такого тента нет, то можно использовать презентушку или другую ткань, не дающую бликов. А поверх опять рыболовная сетка и местный материал. Как видите, никаких искусственных сеток, костюмов «Леших» и «Кикимор» не использую. Обхожусь и так... Да и ни разу не видел, чтобы эта сетка подходила под данную местность. Всегда диссонирует. Недопустимы скрадки, крытые полизтиленовыми плёнками. Блики светят на нет все усилия. Проверено точно, скрадки из плёнок гусь облетает за 100 метров...

Чем же всё-таки плохи крытые скрадки. Главное — они непрозрачные и дают резкую тень в солнечный день. Гусь, опять же, частенько облетает их сторонкой или, во всяком случае, недоверчиво косит на них глазом, даже выворачивая шею. Какой скрадок предпочтита я? В поле узкая и длинная щель-окопчик глубиной сантиметров 40—60. Грунтовые воды, как правило, поглубже. Сам скрадок из рыболовной сетки, которая наброшена на колышки высотой 50—70 сантиметров, стоящие по периметру щели. Поверх набросана местная трава. В ожидании полулежу на спине на пенополиуретановом ков-

рике. Под коленями ямка для быстрого вскакивания. Верх открытый. Окно в небо овальное, опять же по контуру сетки — шириной сантиметров 50, длиной метра два. Сидеть в яме или окопе длительное время очень утомительно. Ямы для сидения никогда не рою... Да и действительно, хлюпать в грунтовых водах сапогами несколько дней невыносимо.

В болоте и сетка не нужна. Лежачок из жёрдочек, сбоку ямка для быстрого вскакивания, а вокруг натыканы меленькие сосёночки — тоже высотой сантиметров 50—70. Но не очень густо натыканы. Гусь не доверяет густоте и теням. Верх, конечно, открытый. Наблюдать через лапник за подлётом гусей очень удобно...

Тому, кто удосужился прочитать моё повествование, остаётся лишь самому определить своё место в перечне скрадков. Ну, а лучший скрадок тот, в котором Вы уверенно из года в год успешно добываете гусей.

Знаю многих охотников, которые перестали ездить на гусиные охоты ввиду, по их мнению, бесперспективности в смысле добычи. У части этих охотников просто мало терпения, они не в силах выдержать длительные ожидания налёта гусиной стайки. Некоторым не нравятся большие нагрузки и хлопоты по подготовке таких охот... А часть охотников разочаровалась в гусиной

Скрадок на болоте

Скрадок на пашне

охоте из-за того, что никак не удаётся сбить гуся. То рано начал шевелиться, и гуси отвернули с дальнего расстояния, то, наоборот, не успел выделить, так как слишком быстро всё произошло. Вот об этих тонкостях и хочу рассказать. Напомню, что даже «сибирский Аксаков» — А. Черкасов писал, что это великая мука сидеть скорчившись и вжаввшись в скрадок, напуская на себя гусей.

Какие же важные моменты следует держать на контроле в момент подлёта гусей?

Хорошо, если стайка налетает с голосом. В этом случае можно заранее подготовиться к выстрелу. Хотя многое зависит от конструкции скрадка. Если сидеть в нём неудобно, трудно повернуться, плохой обзор, неудобно быстро вскочить, то удача может и отвернуться.

Стрелять лучше стоя, поэтому вскакивать нужно быстро, на него должно уходить доли секунды, а не 2–3. За две секунды гуси отдаляются на 40 метров. Подманивать гусей манком надо тогда, когда они от скрадка метрах в 300–400. По крайней мере с такого расстояния при моей работе с манком у них сразу меняется характер гомона и они резко на 90 градусов сворачивают ко мне. При подманивании надо не высовываться и не шевелиться. Иначе толку не будет. Шевеление — главный враг маскировки. Тут никакой манок не поможет. Если на ваш манок гуси не реагируют, то нечего и «гагакать». (Потом, может быть, сменить манок или поучиться у кого-нибудь.) Когда гуси подлетели поближе к скрадку, надо уже быть готовым, чтобы быстро вскочить. Это значит — подобрать и опустить ноги в ямку, если они ещё не там, обхватить ружьё, найти опору для свободной руки, чтобы ею оттолкнуться... Но, опять же,

шевеление не должно быть заметным. Даже за 100 метров гуси способны, заложив вираж, отвернуть от скрадка, а значит и от выстрела. Когда гуси в 50 метрах — быстро вскочить. Сидя бить — будет много промахов. Пока вскакиваешь, они уже будут в 30–40 метрах перед вами. Первого бью встречного. С такого расстояния нечего бояться, что дробь проскользнёт по перу. Он упадёт прямо у скрадка. Почему бью первого встречным, а для того, чтобы успеть второго, третьего, и, возможно, четвёртого выделить каждого конкретно. А не бить, как зе-

нитки, заградогнём. Иначе шансы будут очень малы. Считайте сами. Если начали бить в угон с первого выстрела — значит гусь от вас в 35–40 метрах. А теперь при пятизарядке, даже если на выстрел и паузу кидать 1,5 секунды, то 5-й выстрел будет через 6 секунд. А за 6 секунд гуси отдалятся на 120 метров. Да прибавьте 40 метров, которые были, получается уже 160 метров. А это уже давно неубийная дистанция. Показателем, что гуси на верном выстреле — их размахи крыльев, он явно шире диаметра дула вскинутого ружья. Ещё отчётливо слышен скрип перьев, видны лапки и глаза. Но, главное, они мгновенно пролетают над скрадком. Всё это говорит о том, что гуси близко и низко. Приходится быстро разворачиваться, чтобы бить по последним выстрелами уже где-то сбоку от себя или сзади. А вот если из одного положения кто-то ударил 5–8 раз по стае — это значит, что гуси в поднебесье, очень высоко. Поэтому они и «ползут» так медленно по небосклону... И. Алёхин о таких моментах писал: «Придурков прошу не беспокоиться»...

Мои скрадки — открытые сверху. Ширина такого окна в небо 50–70 сантиметров в ширину и 170–200 в длину. А такие узкие они потому, чтобы гуси не засекли меня, совершая облёты вокруг скрадка. Когда гусей не слышно и не видно, я полулежу на спине на коврике. Когда увидел или услышал их — я уже сижу. Когда они приближаются — ноги у меня уже в ямке. Когда они почти на выстреле — я уже привстал с ружьём. Когда они на выстреле — я стою и стреляю. Думаю, моя «диспозиция» в скрадке теперь уж точно понятна.

Вся маскировка на себе

Русский охотничий спаниель: история и современное состояние

О. ЯНУШКЕВИЧ, эксперт по породам и испытаниям спаниелей

В 1951 году был принят первый стандарт породы русский охотничий спаниель, в этом году порода отмечает юбилей. В связи с этим хотелось бы немного рассказать об этой породе.

Спаниели — одна из старейших групп пород охотничьих собак. По различным источникам их история начинается в XIV—XVI веках. Многие исследователи истории спаниелей считают, что они происходят от испанских птичих собак, кровь которых течет во многих охотничьих породах. В давние времена предков спаниелей использовали для охоты с соколами, собаки выгоняли дичь под ловчих птиц. С появлением ружейной охоты возникла необходимость в собаке, которая работает в зарослях недалеко от охотника и без стойки поднимает под выстрел затаившуюся дичь. При работе в крепких местах, в зарослях или густых кустарниках стойка была не нужна, т. к. собаку в этих условиях не было видно. Поиск нужен был не широкий, в пределах ружейного выстрела. Отсутствие стойки и неширокий поиск являются главным отличием спаниелей от легавых. Постепенно спаниели стали разделяться на отдельные породы. Образовались породы сухопутных и водяных спаниелей, специализацией которых была водоплавающая дичь. В Англии, начиная с первой половины XIX века, среди сухопутных спаниелей стали выделять маленьких кокеров («вальдшептников») и более крупных спрингеров. Спаниели стали очень популярны, в конце XIX и на рубеже XX веков появились кламбера, норфолки, фильды, сассексы, вельшспрингеры и другие. В континентальной Европе были выведены: вахтельхунд (немецкая перепелиная собака) в Германии, коикерхондье в Голландии. В Соединенных Штатах американский кокер спаниель и бойкин спаниель. Из водяных спаниелей известны ирландский кокер спаниель, американский водяной спаниель, голландский водяной спаниель — веттерхун. Вообще история спаниелей очень интересна и поучительна. В ней виден труд многих поколений кинологов, которые в большинстве случаев старались приспособить имеющийся племенной материал к местным условиям охоты и охотничьям традициям. В России была выведена своя порода спаниелей.

XIX век в российской охоте примечателен тем, что большую популярность приобрели легавые собаки. Были даже попытки вывести собственные породы. В замечательном труде Л. П.

Сабанеева можно прочитать про русскую, офицерскую, пушкинскую и других легавых, но они, к сожалению, не выдержали конкуренции с английскими и немецкими легавыми.

В России интерес к спаниелям, как к подружейным собакам, работающим без стойки, появился, как об этом писал Л. Сабанеев, вероятнее всего из-за того, что требовались собаки для охоты по фазанам, которых стали разводить у нас на «английский манер». Известным фазанарием при Императорской охоте и охотах, которые содержала тогдашняя элита, в основном в окрестностях Петербурга. На охоте по фазанам спаниели, работающие без стойки, были более эффективны, чем легавые из-за того, что птица не выдерживала стойку и старалась спастись бегством. Первые спаниели были завезены в Россию в 90-х годах девятнадцатого столетия придворной аристократией и отдельными состоятельными охотниками скорей всего именно для этих охот. На Петербургских выставках 1904—1914 годов показывалось от 4-х до 30-ти спаниелей разных пород (кокеры, спрингеры, фильды и т. п.) Как это ни удивительно, многие из них, сменив хозяев, уцелели в бурных событиях мировой и Гражданской войны. В 1924 году на Ленинградской выставке было показано 10 спаниелей, 7 из которых признаны кокерами. В 1927 году в Ленинграде была создана секция любителей спаниелей при Ленинградском обществе охотников, которая стала вести племенную работу, а в 1931 году — Ленинградское областное общество кровного собаководства (ЛО-ОКС) со своим питомником, который и становится основным центром разведения спаниелей. Секция и ЛООКС впервые после революции завезли двух производителей из Германии (Альбу и Цезаря), их активно вязали с местными производительницами, которые были почти исключительно потомками дореволюционных спаниелей.

В Москве численность спаниелей всегда была меньше, часть из них были завезены из Петербурга и Ленинграда. В 1927 году спортивным обществом «Динамо» также был импортирован производитель кокер Сэмми из Бельгии, из антверпенского питомника Ханекар.

За время Великой Отечественной войны численность спаниелей резко сократилась, особенно в блокированном Ленинграде. Тем не менее и там, где жители умирали от голода, удалось сохранить несколько собак. Они и сей-

час являются родоначальниками ряда ленинградских спаниелей.

После окончания войны из побежденной Европы было завезено некоторое количество охотничьих собак, отчасти реквизированных для государственных организаций в порядке reparаций в Германии, отчасти купленных нашими военнослужащими в Австрии, Венгрии и Чехословакии. Большой частью это были кокеры, но были и спаниели других пород. Хотя многих из них активно выставлялись на послевоенных выставках и создавали картину очень большого разнообразия типов, в племенную работу их включали очень осторожно: в ВРКОС (всесоюзной родословно-племенной книге) вплоть до 1951 года числятся только 6 вывозных спаниелей, из них лишь два — без родословной. Сохранившиеся с довоенного времени и завезенные собаки стали тем племенным материалом, из которого была создана новая порода русский охотничий спаниель.

В 1945 г. была организована секция любителей спаниелей при Московском обществе охотников и рыболовов, которая активно включилась в работу с породой. С тех пор Москва становится основным центром разведения этих собак, привлекательность которых для советского охотника сильно выросла.

Спаниели оказались очень эффективными на утиной охоте, которая по популярности занимает у нас первое место. Они прекрасно находили сбитых уток, удавших в густой камыш, кочкарник, осоку, ловили подранков и подавали их охотнику. При ходовой охоте на уток спаниели отыскивали птиц, затаившихся в крепких местах, и поднимали их под выстрел. Наши охотники заново открыли для себя то, что знали русские аристократы до революции: спаниели вполне пригодны для охоты по болотной и полевой дичи. Они прекрасно находили и поднимали под выстрел дупелей, бекасов, перепелов, серых куропаток, которые традиционно считались объектами охоты с легвой. При охоте на коростеля и болотную курочку, которые не держат стойку, стараясь убежать от собаки, спаниели превосходили легавых. Они эффективно работали и по боровой дичи, вальдшнепу, тетереву, белой куропатке и глухарю. Они привлекли охотников не только своими рабочими качествами, но и удобством содержания в малогабаритных квартирах, удобством транспортировки. Стесненные жилищные условия и практически полное отсутствие личного транспорта в то вре-

мя делали эту небольшую собаку очень удобной для городских охотников. Ее можно было перевозить в общественном транспорте в рюкзаке или сумке. Благодаря всем этим качествам спаниели быстро завоевали большую популярность, спрос на щенков стал резко расти.

Вначале спаниели отличались большой разнотипностью, по существу это были собаки различных пород. Как видно из отчетов экспертов, в те времена на выставках можно было увидеть собак в типе кокера, Сассекса, филльда, спрингера, причем часть собак была неизвестного происхождения. Ввоз чистопородных спаниелей из-за границы в то время был практически невозможен, поэтому выделить какую-либо одну породу и вести ее в чистоте было нереально. Получилось так, что существовала острая необходимость в небольшой подружкой собаке, работающей без стойки по различным видам пернатой дичи, но чистопородного племенного материала для ведения породы, отвечающей этим требованиям, не было. Возможно, если бы наша страна была в то время более открытой, то эта необходимость была бы реализована за счет ввоза чистопородных спаниелей из-за границы, породы которых были достаточно популярны в то время. В таком случае отечественная порода спаниелей могла бы и не состояться.

Следует отметить, что в те времена большинство охотников не различало породы спаниелей. Все названия (кокер, спрингер, филльд и т. д.), их породные отличия знали только эксперты и малая часть «продвинутых» собаководов. Для большинства охотников-любителей все эти породы были просто спаниелями, поскольку в начале XX

века их охотничьи качества были довольно близки.

С 1940 по 1950 год включительно экспертиза спаниелей на выставках проводилась по стандарту, принятому Всесоюзным кинологическим совещанием в 1939 году. Этот стандарт, возможно, под влиянием принятого тогда американского стандарта, предусматривал одну разновидность «спаниеля типа кокер» ростом для кобелей до 35 см и не более 32 см для сук. Перед экспертами на выставках стояла труднейшая задача экспертизы совершенно разнотипных спаниелей по единственному действующему стандарту на кокеров. Кроме того, собака такого размера не могла удовлетворять требованиям российских охот. Здесь нужна была собака более крупная и мощная. Известный кинолог и автор книг об охотничьих собаках П. Ф. Пулышев так написал об этом в своей книге «Охота со спаниелем»: «Практика охоты показала, что в чистом виде существующие заграничные типы спаниелей у нас малопригодны. Высокие травы в лугах и лесах труднодоступны для маленьких собак, подобных кокеру, поэтому нам нужен спаниель, имеющий рост 36—44 см. Очень крупные собаки (типа понт-одемера) нам также нежелательны, ибо тогда нет смысла иметь спаниеля, а проще завести сеттера. Для работы в топких болотах, а также длительной работы в лесу или в поле малопригодны тяжелые собаки сырой конституции, с сильно растянутым туловищем... По окрасу нам желательно иметь двухцветных собак: черно- и кофейно-пегих: они наиболее заметны в траве, на лугу и особенно в лесу. Что касается деталей экстерьера, то здесь мы должны добиваться, чтобы разводимый у нас спаниель обладал доста-

точной силой, выносливостью и легкостью хода».

Кроме того, в 1945 году в Англии был утвержден стандарт кокера. После долгой дискуссии там победила точка зрения сторонников крупного кокера, но впервые введенные в стандарт значения роста, соответствующие нынешнему стандарту (до 40,5 см), не соответствовали нашему поголовью: наши спаниели были крупнее.

Было решено на основе имеющегося поголовья спаниелей создать отечественную породу «Русский охотничий спаниель». Эта порода должна была отвечать требованиям российской охоты по природным условиям и видам дичи, соответствовать российским охотничьим традициям. Московская секция любителей спаниелей в 1949 году разработала проект нового стандарта породы, названной «спаниелем» (в литературе того времени его называли также «русский», «советский», «тип, выведенный в СССР»). Стандарт предусматривал рост кобелей 38—44 см и сук 36—42 см, умеренную растянутость, меньшую декоративность, крепкую сухую конституцию. Такой спаниель наиболее полно удовлетворял требованиям, предъявленным условиями охоты. Стандарт был утвержден Главным управлением по делам охоты Министерства сельского хозяйства СССР в 1951 году, затем он корректировался в 1959 г. и в 1966 г.

Одновременно с этим были разработаны правила испытаний спаниелей, которые являются стандартом рабочих качеств. По правилам охотничьего собаководства, установленным в Советском Союзе еще в первой половине прошлого века, оценка рабочих качеств собак производится на основе балльной системы. Все рабочие качества,

Отличная подача

Фото В. Поддубного

необходимые для той или иной породы, разделены на отдельные элементы (чутье, поиск, настойчивость, послушание, и т. п.), которые оцениваются определенной суммой баллов, в зависимости от важности этих качеств на охоте. Стандарт породы и правила испытаний, устанавливающие требования к экстерьеру и рабочим качествам породы, являются основой ведения племенной работы с породой. Работа с породой велась таким образом, что собаки, не подтвердившие свои рабочие качества, допускались к вязкам только в исключительных случаях. Потомство получали от собак, проверенных на полевых испытаниях, поэтому удалось закрепить в породе прекрасные охотничьи качества.

Популярность спаниелей быстро росла, на выставках охотничьих собак 60-х—80-х годов ринги русских охотничьих спаниелей по численности превышали ринги легавых всех пород. В начале 90-х годах численность спаниелей сократилась, как, впрочем, сократилась численность и других пород охотничьих собак, за исключением, пожалуй, континентальных легавых. С начала 2000 годов наблюдается устойчивое увеличение поголовья русских охотничьих спаниелей.

За прошедшие 60 лет удалось получить собаку, которая отличается от других пород спаниелей целым рядом признаков. В настоящее время подготовлен новый стандарт, который в большей степени соответствует современному состоянию породы и будет служить ориентиром для дальнейшего совершенствования породы. По требованиям нового стандарта русский охотничий спаниель — длинношерстная собака небольшого роста, крепкого сухого типа конституции, относительно высоконогая (длина передней конечности от подошвы до локтевого сустава составляет 1/2 высоты в холке), умеренно растянутая. Крепость костяка и общая гармоничность сложки обеспечивает выносливость и резвость в работе. Характерна высокопередость, особенно у кобелей. Высота в холке у кобелей 40—45 см, у сук 38—43, индекс растянутости у кобелей 110—115, у сук 115—120. Половой диморфизм ярко выражен. Тип поведения — уравновешенно-подвижный. Отношение к человеку дружелюбное. Типичный аллюр на поиске — легкий галоп, в трудных местах сменяющийся рысью.

Русский охотничий спаниель применяется для охоты по болотной, полевой, боровой, степной и водоплавающей птице на всей территории России и сопредельных стран. Задача спаниеля на охоте — разыскать птицу, поднять ее на крыло и после выстрела охотника, по его приказанию, податьбитую дичь. Русский охотничий спаниель обладает всеми обязательными для охотничьей собаки полевыми качествами: выносливостью, хорошим чутьем, энергичным поиском, настойчивостью, хорошей подачей дичи. Сезон применения: весна, лето и осень, а в южных районах и зима.

Отличаются русские спаниели также тем, что по своему сложению и темпераменту наиболее приспособлены к охоте в различных природных зонах России и сопредельных стран на практически любую пернатую дичь. Русский спаниель менее декоративно одет, поэтому не требуется так много времени для ухода за шерстным покровом, в который набиваются различные репейники и колючки. В то же время, шерстный покров защищает собаку при работе в колючих кустарниках. Сухое подтянутое веко хорошо защищает глаза собаки от семян дикорастущих растений. Умеренно растянутый формат позволяет собаке двигаться в поиске настильным галопом — оптимальным аллюром в высокой траве, это экономит силы и дает возможность работать продолжительное время. Русский охотничий спаниель обладает достаточной силой, выносливостью и легкостью хода. Врожденная охотничья страсть, закрепленная в породе, и уравновешенный подвижный тип нервной деятельности позволяют энергично с азартом работать по птице и, в то же время, не выходить из повиновения охотнику, работать для него.

Русского охотничьего спаниеля можно считать универсальной птичей собакой, пригодной для охоты практически по любой пернатой дичи. Для этого у него есть все необходимые качества.

1. Комбинированное чутье. В отличие от легавых, у которых стараются культивировать главным образом верхнее чутье, чтобы, обнаружив запах затаившейся птицы, они могли сделать уверенную стойку, спаниель уверенно работает как по запаху самой птицы, так и по запаху ее следа. Русскому спаниелю достаточно причуять запах на бродов кормящейся птицы или выводка, он быстро разберется в хитросплетениях следов, найдет и поднимет птиц под выстрел. Иногда следовые работы бывают очень длинными. Такие работы характерны по выводкам тетеревов, глухарей или серых куропаток.

2. Работа по затаившейся и бегающей птице. Известно, что некоторые птицы плохо выдерживают стойку легавой, они не затаиваются перед стоящей собакой, а убегают с чутья. К таким птицам относится коростель, болотная курочка, матерые тетерева, фазаны и другие птицы. Отличительной особенностью работы спаниелей является отсутствие стойки, поэтому им ничто не мешает работать по убегающей птице.

3. Работа на воде. Русские спаниели прекрасно плавают, хорошо работают в высоком камыше, уверенно идут в холодную воду. С этими собаками успешно охотятся не только на болотную и полевую дичь, они хорошо работают и по утке.

4. Возможность использования на охоте до выстрела и после выстрела. Русские спаниели находят сбитую дичь, ловят подранков и прекрасно подают. Подача — обязательное качество спа-

ниелей, которое проверяется на полевых испытаниях. Не подающая собака не может получить полевой диплом и не попадет в племенное разведение. Потерянных подранков у владельцев русских спаниелей практически не бывает.

5. Работа в трудных условиях. Русские спаниели имеют крепкое сложение, хороший шерстный покров, ярко выраженную охотничью страсть. Они с азартом преследуют птицу в крепких местах, в густом колючем кустарнике, в высокой траве, в заболоченном кочкарнике. Если в крепкое место упала сбитая птица или там скрылся подранок, спаниель обязательно его найдет.

Охота с хорошо поставленным русским охотничьим спаниелем очень азартна и добычлива. Наиболее ярко азарт охоты со спаниелем проявляется на охоте по птицам, которые оставляют длинные наброды и стараются убежать от собаки, например, по тетеревам или фазанам. Когда собака прихватывает свежий след матери петуха, она сильно оживляется, движения становятся стремительными. По ее поведению охотник понимает, что желанный трофей где-то близко, подъем может быть в любую секунду, надо быть готовым к выстрелу. Азарт собаки передается охотнику. Вот собака сделала круг, нашла выходной след с места жировки, где птица много наследила, и быстро повела по прямой к зарослям. Охотник знает, что матери петух часто старается убежать в них и подняться вне выстрела. Собака энергично ведет по следу, охотник чтобы не отстать и не упустить трофея, движется за ней почти бегом. Впереди с громким шумом поднимается материальная птица. Ружье как будто само ложится в плечо, выстрел выбивает облачко перьев, и петух падает в заросли. Следует команда «Подай!» и вот уже спаниель с гордым видом несет хозяину желанный трофей. Такие моменты запоминаются на всю жизнь.

В мире существует много пород охотничьих собак. Они различаются размерами, внешним видом, специализацией на охоте. У каждой породы есть свой характер. Каждый человек может найти себе собаку (друга, спутника, близкое существо), соответствующее его характеру, выбрать породу по своему вкусу. Русский охотничий спаниель — это одна из многочисленных пород охотничьих собак, которая имеет своих поклонников, которым эта порода наиболее близка. Но это также единственная отечественная порода подружейных собак. За более чем полувековую историю из разнородного племенного материала, по существу из спаниелей разных пород, усилиями наших кинологов и владельцев выведена новая порода охотничьих собак, имеющих свой, отличный от других спаниелей, экстерьер и охотничью специализацию. Русский охотничий спаниель, наряду с другими отечественными породами, является нашим национальным достоянием.

Испытания легавых и перемещённая птица

В. БЕДЕЛЬ. Фото В. Животченко

В 2011 году исполняется 40 лет с момента разработки А.В. Гусевым правил испытаний легавых собак по болотной и полевой дичи с поправками, действующими у нас в стране до сего времени. В том же 1971 году эти правила были утверждены Главприродой МСХ СССР.

Сразу же надо отметить, что новые правила вызвали волну критики со стороны любителей легавых собак. Охотники не согласились с завышенными требованиями к оценке чутья собак, с введением испытаний на подачу, с обязательностью работы по перемещённой птице для присуждения диплома первой степени, отмечали нечёткость и противоречивость многих пунктов правил. В печати выступили опытные кинологи Б.А. Калачёв, В.В. Курбатов, Е.Г. Землянский, В.Г. Гусев, Б.В. Павлинов, Н.Д. Иванов и другие, в Главприроду поступили коллективные протесты из Московского и других обществ охотников.

Реагируя на критику, Минсельхоз обрался в 1975 году комиссию для корректировки правил. Однако комиссия, поставленная в жёсткие временные рамки, успела лишь исправить пункты, вызывавшие наибольшие нарекания, и откорректировала некоторые формулировки. Многое же осталось неисправлением.

Кинологи, сознавая ущербность правил 1971/75 гг. (в 1981 году они были переутверждены без изменений), неоднократно разрабатывали уточнённые редакции правил, не меняющие их сути, а лишь конкретизирующие формулировки и требования (в 1993, 2005, 2006, 2009 гг.), однако по разным причинам внедрены они в практику полевого судейства не были.

Что же вызывает особое неприятие в правилах 1971 года? В данной статье остановлюсь лишь на одном их пункте, а именно 15-м, самом туманном, нелепом, вызывающим споры, кривотолки, допускающим разные толкования, что приводит к произволу в поле. Вот этот пункт.

«Для выявления охотничьих качеств легавой собаке предоставляется не менее трех работ по птице. Большее число работ (или встреч с птицей) определяется по усмотрению экспертной комиссии. В числе трех минимально требуемых для присуждения дипломов III и II степени положительных работ должна быть по крайней мере одна, в которой эксперты могут замерить примерное расстояние от точки первоначального причуивания или от стойки до сидки (точки взлета) заведомо не бежавшей от собаки дичи. Для дипломирования собаки I степени, кроме того, должно быть не менее одной работы по точно замеченной перемещённой птице».

Высокая стойка ирландского сеттера

В предыдущих редакциях правил (1955, 1959, 1966 гг.) аналогичный пункт формулировался по-иному.

«Для выявления охотничьих качеств легавой собаке предоставляется не менее двух птиц. Большее число необходимых работ определяется по усмотрению экспертной комиссии. В числе работ, даваемых собаке, желательна работа по перемещённой птице». Следует обратить внимание, что эти правила говорили только о **желательности** оценки дальности чутья по перемещённой птице при присуждении диплома **любой** степени.

Если сравнить эти две формулировки, то легко заметить, что вторая — более чёткая и конкретная, а первая — двусмысленная, туманная, противоречивая, а в чём-то просто несуразная, рождающая множество вопросов.

1. «Для выявления охотничьих качеств легавой собаке предоставляется не менее трех работ по птице. Большее число работ (или встреч с птицей) определяется по усмотрению экспертной комиссии». Что такое работа? Что такое встреча с птицей? Ответов нет. Здесь работа приравнена к встрече с птицей, что неправильно. Собака может иметь несколько встреч с птицей, но не продемонстрировать ни одной работы.

2. «В числе трех минимально требуемых для присуждения дипломов III и II степени положительных работ должна быть по крайней мере одна, в которой эксперты могут замерить примерное расстояние от точки первоначального причуивания или от стойки до сидки (точки взлета) заведомо не бежавшей от собаки дичи». Что такое **положительная** работа? Если бывает положительная работа, значит, возможна и **отрицательная**? Чем они отличаются от **просто** работы? Объяснений нет.

3. «Для дипломирования собаки I степенью, кроме того, должно быть не менее одной работы по точно замеченной перемещённой птице». Во-первых, эта фраза безграмотна. Во-вторых, как должен поступить эксперт, если собака показала три работы по жиরующему дупелью на 20 метров, а по точно замеченному перемещённому на 10? Что ставить за дальность чутья? Восемь баллов или шесть? Ответа правила не дают.

Мне пришлось судить легавых по правилам и 1959, и 1966, и 1971 годов, причём в комиссиях, возглавляемых известными корифеями-легашатниками П.М. Юдкиным, Е.Э. Клейном, Б.А. Калачёвым. Много судил и с автором правил 1971 года — А.В. Гусевым. Так вот, Александр Васильевич сам неоднократно становился в тупик при практическом их применении и был вынужден проводить экспертизу собак «по впечатлению», «по понятиям», а не в соответствии с требованиями собственных правил. И это явно свидетельствует о том, что правила 1971/75 годов несовершенны и давно должны были быть пересмотрены.

Самый спорный и непроработанный вопрос правил — это присуждение диплома первой степени только по точно замеченной перемещённой птице.

Правила разрешают проводить испытания по болотной птице (дупель, бекас, гарпун, коростель, курочка) и по полевой (перепел, серая куропатка, фазан). Известно, что к западающим после подъёма и перелета птицам относятся только кулики. Пастушковые (коростель, курочка) и фазановые (перепел, фазан, серая куропатка) никогда не западают в месте посадки, будучи потревожены и перелетев. Следовательно, последние в принципе не

могут стать «точно замеченными перемещёнными», так как с места посадки они непременно сбегут. Бекасы же сплошь и рядом улетают далеко, и точное место их посадки определить трудно. Остаётся один дупель. Так что в правилах нужно было прямо писать, что диплом первой степени можно присуждать только по дупелю и в отдельных случаях по бекасу. Но это сразу исключает возможность присуждения диплома первой степени на юге Центральной России, где дупель не гнездится, а бекас крайне редок. В местах, где куликов нет, испытания проводят по другим птицам. Что же, на этих испытаниях в соответствии с правилами собаки в принципе не могут рассчитывать на дипломы первой степени?

Да и с дупелями положение далеко не блестящее. Известные орнитологи (В.Е. Флинт, В.Д. Ильичёв и др.) отмечают, что количество дупелей во всей Центральной России постоянно уменьшается. В ряде областей дупель внесен в Красные книги. В подтверждение этого приведу несколько цифр по Московской области.

За период с 1962 по 1981 год на московских областных состязаниях легавых собак было присуждено 126 дипломов второй и первой степени. За период с 1982 по 2001 год таких дипломов было присуждено 32, т.е. в 4 раза меньше. В последующий период их количество ещё более сократилось. Причина не в резком ухудшении качества собак, а в уменьшении численности дупелей в угодьях, что затрудняет как натаску, так и испытания собак.

Вместе с уменьшением количества птиц в угодьях резко сокращается и возможность предоставления перемещённого дупеля на состязаниях. Недоноратно поднятый на крыло, а это неминуемо при малом количестве птицы, дупель становится более осторожным. В подавляющем большинстве случаев он теперь перестаёт становиться «точно замеченным перемещённым», по которому требуют судить Правила 1981 года, поскольку часто улетает

после подъёма на 100—120 метров, когда место посадки зафиксировать трудно. Точно замеченным перемещённым можно считать только дупеля, севшего на расстоянии до 70—80 метров, так как далее видна только «область посадки», но не точное место ее. От предполагаемого «точного» места в «области посадки» дупель может расположиться на расстоянии 5—10 метров во все стороны. Весьма часто дупель улетает вообще за пределы видимости. Из-за этого в Московской области в течение названных выше периодов возможность отработки «точно замеченного перемещённого» сократилась во много раз. Если в 1960—1970-е гг. на испытательном пункте в Белоомуте каждой собаке можно было предоставить до 5—6 встреч с птицей, то сейчас даже 3 встречи являются проблемой.

Надо отметить и то, что наиболее полно и точно рабочие качества собаки можно выявить только в благоприятных условиях. Спугнутая же и перелетевшая птица стремится спрятаться от опасности, поэтому сплошь и рядом садится в кочкарник, в бурьян, в мелиоративные канавы, где условия для причивания отнюдь не благоприятные. В последние же двадцать лет типичные места обитания дупеля — сенокосные заливные луга и выгоны — практически исчезли. Траву перестали косить, луга заросли бурьяном, площади выгонов сократились. Где же испытывать собак по дупелю? Наводя собаку на перемещённого в таких условиях, вместо присуждения ей диплома первой степени вполне можно её «зарубить».

Представляется, что пункт 15 правил нуждается в срочном пересмотре и корректировке (конечно, одновременно со всеми правилами). Этого требуют, кстати, и технические и морально-этические проблемы, возникающие нередко на испытаниях. Что это за проблемы?

Известно, что на «точно замеченного перемещённого» дупеля собаку сле-

дует наводить немедленно после его посадки (в пределах одной-двух минут), когда еще сохраняется « пятно запаха», образовавшееся при посадке.

После посадки дупель западает на 8—12 минут и издает очень мало запаха (оперение прижато к корпусу, пудра с перьев несыпается, птица не двигается, ритм дыхания сокращается, температура тела снижается, желудочно-кишечная активность прекращается и т.д.). Наводить на него собаку в это время — значит « угробить» её, так как срабатывает она такого дупеля очень коротко.

Наводить собаку на переместившегося дупеля через 12—15 минут после посадки — это не значит наводить ее на «точно замеченного перемещённого», так как покинувший лежку и начавший бродить и кормиться дупель уже ничем не отличается от обычного, не перемещённого.

Итак, наводить собаку на перемещённого дупеля следует сразу же после его посадки. Однако тут-то и возникают те проблемы, о которых говорилось выше. Конкретный пример. Собака четко отработала двух птиц на расстояние 18—20 метров. Обе птицы улетели далеко. Правила 1981 года требуют предоставления ей точно замеченного перемещённого. У экспертов выбор таков: либо продолжать испытания этой собаки в надежде найти такого перемещённого, либопустить другую собаку. Первый вариант чреват тем, что собака может устать и надеяться ошибок, в результате вообще оставшись без диплома. Поэтому обычно выбирается второй вариант. Владельцу предлагают отойти от судей метров на 100 (чтобы его собака не видела работу другой) и терпеливо ждать. Пускают другую собаку, а возможно и третью (кандидат в перводипломники тем временем нервничает и перегорает вместе с собакой). Но вот есть точно замеченный перемещённый! Его отработала на 10—12 метров другая собака и перемстила. Владельцу этой собаки говорят, чтобы он отошел назад, так как есть кандидат в перводипломники. На это он резонно спрашивает, откуда судьи знают, что как раз его собака не является кандидатом? Тем более что дупеля переместила именно она. «Что это за дискриминация, он вам что, заплатил?», — воскликнет (или думает про себя) ведущий, и его понять можно. Судьи говорят, что таковы правила. А он решает, что «кругом одна мафия» и пишет гневные письма в охотничью прессу.

Тем временем дают сигнал первому кандидату, и он двигается к судьям. Однако на препирательства, на подход владельца кандидата, на объяснения тому, где дупель, на передвижение к далеко севшей птице уходит 12—15 минут. В результате собака отрабатывает этого дупеля, которого, как отмечалось выше, уже никак нельзя считать «точно замеченым перемещённым», на 16 метров. Диплома первой степени она не получает, что ей ставить за

Характерная низкая стойка английского сеттера

дальность чутья — непонятно, перемещенного дупеля не использовали (если не сказать грубее), владелец второй собаки проклинает всё и вся (и он в чём-то прав). Ко всему этому как раз и приводят правила 1971/75/81 годов. Кроме того, в данном случае подвести находящегося вдалеке кандидата к перемещённому дупелю в течение одной-двух минут было просто технически невозможно.

Почему же некоторые эксперты-кинологи противятся изменениям этих правил? Представляется, потому, что они внимательно, вдумчиво и критично не вникали в несуразности и нечестности правил, которых изобилие. Рискну даже предположить, что некоторых экспертов вполне устраивает возможность судейства «по понятиям».

Наконец, последнее. Некоторые эксперты-кинологи считают, что отмена в правилах требования о присуждении диплома первой степени только по перемещённому приведёт к снижению качественного уровня пород. Этим кинологам можно посоветовать выйти из

плена сложившихся стереотипов мышления и просто-напросто оглядеться вокруг. Если взять в руки каталог 10-й Всероссийской выставки собак 2007 г., то легко можно обнаружить, что среди лаек, норных и спаниелей добрая половина собак старшей возрастной группы имеет дипломы первой степени. Что же, эти породы идут к упадку? Среди гончих и борзых, наоборот, перводипломников единицы. Значит, гончие и борзые ярко прогрессируют? Ясно, что одно с другим никак не связано. Наоборот, практическая недостижимость диплома первой степени наносит вред полевой спортивной работе с легавой собакой. На московских состязаниях в 1960-е гг. было присуждено полтора десятка дипломов первой степени и участвовало в них в среднем по 45 собак в год — был спортивный азарт, конкуренция, погоня за лидером, желание обогнать победителя. После введения правил 1971 г. было присуждено всего два диплома первой степени, и постепенно число участников упало в среднем до 25–30 в год. Наступила апатия,

безразличие, и люди стали вести собак на состязания только под жестким национальным руководителем секций. Мероприятие стало проводиться для галочки.

«Точно замеченный перемещённый» дупель в настоящее время — это анахронизм. Присуждение дипломов первой степени только по нему сдерживает развитие пород. Владельцы многих собак-втородипломников не участвуют в полевых состязаниях, так как справедливо считают, что получить там столь нужный им диплом первой степени сейчас не только практически, но даже и теоретически невозможно. Выход из создавшегося положения один — возврат к требованиям правил середины прошлого века: «Для выявления охотничьих качеств легавой собаке предоставляется не менее двух птиц. Большее число необходимых работ определяется по усмотрению экспертной комиссии. В числе работ,ываемых собаке, желательна работа по перемещённой птице». Причём, подчеркну это ещё раз, желательна при присуждении диплома любой степени.

КОРОСТЕЛЬ

Очень многим знаком крик этой птицы, но не многие видели ее. Коростель — обитатель лугов, полей и других открытых мест, поросших травой. В траве он и прячется от всех, на земле и проходит вся его жизнь. Взлетать он не любит, предпочитает убегать. Редко удается поднять его на крыло. Только застигнутый врасплох, он взлетает и, пролетев обычно несколько десятков метров низко над землей, садится в траву. Коростель широко распространен. Прилетает он в среднюю полосу России обычно в начале мая. До того времени, как немного подрастет трава, он прячется по опушкам леса, в кустарниках, а к середине мая переходит в открытые травянистые места.

В конце мая—начале июня самка откладывает в гнездо 7–10 яиц и насиживает их 18–20 дней. Птенцы вылупляются дружно и сразу покидают гнездо. Самка водит выводок одна, самец в воспитании птенцов участия не принимает. Первые дни она кормит птенцов, затем они быстро осваиваются и самостоятельно находят и поедают корм — различных насекомых, слизней, улиток, червей. Самка водит их по кормным местам.

Птенцы быстро становятся самостоятельными, и уже через две—три недели выводок распадается. Если, хотя и не часто удается увидеть взрослого коростеля, то встретить

Птенцы вылупляются дружно и сразу покидают гнездо

Фото автора

его птенцов — большая удача. И мне однажды очень повезло. В июле я нашел выводок пуховых птенцов коростеля. Они были уже довольно шустрые и быстро бегали по траве. Одного птенца мне удалось поймать и сфотографировать. Выводок тем временем переместился на несколько десятков метров. Пойманного птенца стал тоненько призывающе посвистывать, ему отзывались другие

птенцы, по этим позывкам я нашел выводок снова. При выпуске птенца самка почти вплотную подбежала ко мне, а затем стала садиться согревать его, так мне и удалось ее сфотографировать.

Такие встречи с обычными, но скрытыми птицами, всегда приносят большую радость.

В. ЕРОХИН,

см. 4-ю стр. обложки

И ВНОВЬ О НАШИХ РУЖЬЯХ: размышления человека с напильником

И. АЛЁХИН

Я знаю людей, охотников в целом не-плохих, как говорят — заядлых, которые признаются, что в охотничьей литературе их интересуют только издания или разделы и рубрики, посвященные оружейной тематике. Степень технической подготовленности этих людей самая различная, но в целом большинство из них имеют понятие о кучности и резкости боя, общем весе ружья и безотказности его работы. С такими параметрами, например, как баланс, погадистость, а также причинами, от которых они, а также безотказная работа механизмов оружия, зависят, дело обстоит несколько сложнее. В нашем обществе еще достаточно много людей, для которых перечисленные параметры представляются довольно расплывчатыми понятиями, тогда как эти характеристики вполне конкретные величины.

Так вот, для людей, интересующихся сугубо технической стороной охотничьей литературы, скорее всего наш прекрасный журнал представляет собой менее интересный объект внимания, нежели такие, скажем, как «Мастер-ружье» и ему подобные, хотя, если внимательно посмотреть, «Охота и охотничье хозяйство» является самым уникальным сборником публикаций на оружейную тему.

И тем более приятным в этом смысле видится одиннадцатый номер журнала за 2010 год, где помещены сразу три материала на ружейную тему. Все они — разной направленности, что и весьма приятно, и полезно для охотника.

Я, конечно, не литературный критик, и, как говорится, сам не без греха, но по поводу взглядов и мыслей авторов этих статей хочу высказать свое мнение. Надеюсь, что оно будет небезынтересно тем, кто время от времени берет в руки наш журнал.

Первая по порядку публикация — В. Гурова. Очень познавательная и полезная статья, как и все подобные материалы, имеющие в своей основе практические опыты, в данном случае — отстрел на кучность и резкость ружей наиболее распространенных моделей. Это — факты, и на основе их автор делает вполне адекватные выводы. С некоторыми из них можно спорить, но это будет выглядеть скорее всего именно как дань желанию поспорить, которое зачастую кроме этого не имеет под собой другого основания. Сколько раз приходится встречаться с людьми, которые готовы спорить ради спора, не обладая при этом никакими обоснованными доказательствами, а нередко являются просто людьми с ог-

ТОЗ 87-М — любимое ружье автора

раниченными познаниями и к тому же технически безграмотными.

Все же в пресловутую «пiku» к статье В. Гурова хочется заметить, что какой бы справедливой не казалась нам старая песня о том, что наши ружья самые прочные в мире и при этом не уступают импортным по бою, соотношение продаж «наших» и «ихних» ружей на сегодняшний день явно не в пользу первых, и эта разница, уже и без того огромная, продолжает увеличиваться. И немаловажным является тот факт, что выбор в пользу приобретения отечественного ружья сейчас определяется только ограниченными финансовыми возможностями покупателя, но никак не прочностью родных оружейных моделей и их не уступающему иностранкам бою... Времена изменились. И даже турецкую ружейную «войну» мы, надо признать, проиграли. В полуавтоматическом оружии знаменитые «три Б» — Бенелли, Браунинг, Беретта — безостановочно теснят с рынка наши ПА, и конкуренцию им могут составить разве что турецкие изделия. В оружейном деле турки оставили нас позади. Причем как в производстве полуавтоматических ружей, так и двустольных.

И еще. Расположение газоотводных отверстий в стволах ПА влияет на резкость боя, мне кажется, не столь сильно, как это представляется В. Гурову. Очень доказательным в этом смысле является появление полуавтомата Remington Versa Max известной американской фирмы, у которого газоотводные отверстия выполнены непосредственно в дробовом входе, сразу за дульцем гильзы. На своем примере могу утверждать, что резкость боя у имеющегося у меня ружья ТОЗ-87-01М пре-восходная, если не применять слово «удивительная». Причем ружье, имея, как известно, НЕрегулируемый газовый узел, прекрасно работает патронами с самыми различными навесками пороха и дроби. Хочется рассказать об одном интересном моменте.

Один мой знакомый, Алексей Михайлович Мамонтов, будучи человеком совсем не бедным, тем не менее часть своего времени посвящает самостоятельному снаряжению патронов. Он много стреляет на стенде, а также на

охоте, особенно уважая веселую и обильную у нас стрельбу голубей при перелете их на кормовые поля. Таким образом, при «самоснаряде» можно получить немалую экономическую выгоду. Судите сами. Мелкую дробь мы льем сами. Использованные пыжи-контейнеры собираются на краевом стенде. Гильзы в неограниченном количестве — там же. Таким образом, себестоимость снаряженного в домашних условиях патрона складывается из стоимости заряда пороха и капсюля. Все. Итого в пределах трех-четырех рублей за патрон. Как говорится, почувствуйте разницу. Ведь покупной патрон стоит у нас в среднем 15—16 рублей... Но дело не только в экономии.

Алексей Михайлович, начисто лишенный такой черты характера, как жадность или скаредность, снаряжает патроны еще и в угоду своему удовольствию. Ему, как и мне, например, процесс снаряжения, и, что немаловажно, поиски «рецепта» своего качественного патрона, представляется действием творческого плана. Результатом явились создание простого и вместе с тем очень эффективного патрона. Он одинаково хорошо работает и на стенде, и на охоте по дичи от перепела, голубя и до фазана и утки. Патрон, при всей своей чрезвычайно простой конструкции, достоин того, чтобы о нем рассказать. Повторю, он дешев и прост, как все гениальное, не побоюсь этого слова.

У «бэушной» гильзы отрезаются деформированные «звездочкой» края так, чтобы последующей закруткой-завальцовкой они загибались бы без видимых трещин и неровностей. Почему закрывать самодельный патрон оказалось все же лучше «закруткой», а не как прежде — «звездочкой», я скажу ниже. Далее в прокалиброванную и обрезанную (примерно на 5—7 мм) гильзу обычным способом вставляется капсюль, и засыпается — внимание! — навеска пороха «Рекс» в 1, 3 грамма. Затем вставляется «бэушный» пыж-контейнер. Автор этого патрона предварительно стирает пыжи в обычной стиральной машине с последующей просушкой, я, честно говоря, ленюсь это делать. А надо бы. Для удаления с поверхности пыжа возможных песчинок и т. п.

Далее всыпается дробь — от 21 до 23 грамм, в зависимости от номера. Понятно, что чем крупнее дробь, тем больший объем занимает снаряд одного и того же веса. Потом кладется картонная прокладка, и края гильзы вальцаются закруткой. Получается очень аккуратный, гладенький, коротенький патрон стоимостью примерно три-четыре рубля. Бой он дает прекрасный, кучный и резкий, и вместе с тем очень комфортный. Особо дальнобойным его, конечно, не назовешь, но для решения поставленных задач патрон подходит хорошо.

Конечно, следуя велениям прогресса, мы озадачились приобретением имеющихся сейчас в продаже станков для снаряжения патронов. Оказалось, что при всем своем техническом совершенстве эти станки, естественно, чувствительны к размерам пыжей, а точнее — их высоте. А так как применяемые «бэушные» пыжи-контейнеры, впервые, разных конструкций, а во-вторых, разной жесткости, то подбор и отбор их по высоте оказался действием более мешковатым, нежели снаряжение со старой добрым «закруткой». А когда мы сделали ее с электрическим приводом, процесс еще более убыстрился. Длина отрезаемого края гильз подбирается опытным путем, так, чтобы не отрезать лишнего, и закрученный торец патрона выглядел гладким и аккуратным. И что я хотел сказать, и из-за чего, собственно, начал описание этого патрона: он прекрасно работает в моем ТОЗ-87-01М. Автоматика никаких сбоев не дает. Поэтому очевидно, что на резкость боя, как и на безотказную работу газового механизма, и зависящую от этого работу механизма перезаряжания, сильно влияет и качество пороха, и его марка. Думаю, при использовании одного пороха расположение газоотводных отверстий влияет на то и другое в большей степени, а другого — в меньшей. Нам, например, нравится в этом смысле венгерский «Рекс», а вот качество отечественного «Сокола», особенно такого, какой достался мне недавно (партия № 03/1ОР, годен до февраля 2016 года), оставляет желать лучшего.

Следующий материал, по теме которого мне бы хотелось высказать свое мнение — А. Блюма о коллиматорных прицелах. При небольшом объеме статья раскрывает основные принципы и схему устройства этого типа прицелов, в ней также вкратце указаны основные достоинства и недостатки этих устройств, так что для получения первоначальных знаний о коллиматорах она подходит. Позволю себе высказать несколько своих соображений, основанных на использовании коллиматора, потому что я приобрел такой прицел и попытался применить его на охоте.

Изначально, при создании коллиматоров, и особенно после их массового появления в продаже, главной ценностью этих прицелов представлялась быстрая прицеливания с достаточной точностью, и что самое главное — в ус-

ловиях пониженной освещенности. Вообще этот прицел и создавался для стрельбы в условиях плохой видимости. Так как последнее для меня имело большое значение, я после перепачивания всего доступного материала о коллиматорах приобрел японский BED 28, который, кстати, как раз и изображен на иллюстрации к статье А. Блюма, справа. Привлекло то, что этот прицел имеет, кроме возможности устанавливать различную величину марки — в данном случае красной точки, — еще и одиннадцать градаций яркости свечения этой точки. Я имел хорошее представление о том, что такое «засветка цели» при прицеливании вочных условиях с использованием светящихся прицельных приспособлений, поэтому надеялся, что минимальная яркость свечения марки снизит это явление до минимума, если не уберет вообще. Забегая вперед, скажу, что примерно так и случилось — засвечивание снизилось до минимума, но при самой низкой освещенности все же имело место, несмотря даже на то, что прицеливание проводилось с обоими открытыми глазами, как того и требуют правила стрельбы с коллиматором.

Меня интересовала возможность точного выстрела пулей в пресловутых «условиях пониженной освещенности», что, по уверениям изготовителей и продавцов коллиматоров, как раз и обеспечивает этот прицел. Понятно, что коллиматор по возможности точного прицеливания сильно уступает оптическому прицелу, но я не предполагал стрельбу далее 30—40 метров, поэтому в целом характеристики первого меня вполне устраивали. На деле все оказалось выглядящим несколько иначе.

Подходя к вопросу достаточно серьезно, я, учитывая увеличившееся превышение линии прицеливания, изготовил на приклад аккуратную накладку из орехового дерева по типу применяемой в винтовке СВД. Это дало возможность при прицеливании фиксировать голову в нужном положении. Крепеж прицела на коробку ТОЗ-87 особых проблем не вызвал. При пристрелке в дневное время я получил неплохие результаты — пули на 30 метров укладывались в круг диаметром 10 см. Но это — при стрельбе сидя с упора, и при самом тщательном выцеливании. Стоило мне начать стрелять без упора и снизить до минимума время на прицеливание — результаты резко упали. Разброс пробоин сильно увеличился — до полуметра! Не стоило сомневаться, что при стрельбе «в условиях пониженной освещенности» эти показатели, скромно говоря, не улучшатся. Так и случилось. При первом же выстреле пуля ушла вверх от точки прицеливания на 35 см, при втором — вверх и вправо на 30. Это уже никуда не годилось, и я стал анализировать причины плохой стрельбы. Они лежали, как говорится, на поверхности.

Мой BED 28, на корпусе которого, как и на упаковочной коробке, золотыми

буквами было выбито убедительное «made in Japan», имел заметный параллакс. Причем особенно заметный в вертикальной плоскости. Я не сильно разбираюсь в причинах параллакса, и не совсем понимаю, как может параллакс по вертикали быть намного больше его же по горизонтали, но факт есть факт — этим вредным свойством мой прицел обладал в полной мере. И я прекрасно понимал, что это не позволит мне гарантированно точно стрелять пулей хотя бы на короткую дистанцию в случаях, когда время на прицеливание сильно ограничено. А ведь производители и рекламодатели утверждали как раз обратное — что коллиматор ценен, ко всему прочему, как раз тем, что совмещенная с целью прицельная марка остается в таком положении ВСЕГДА, не зависимо от положения глаза относительно окуляра.

Возможно, более дорогой прицел был бы лишен этого недостатка, но, как говорится, что имеем, то имеем. Возможно, мой прицел имеет брак, во что не очень верится, учитывая страну производства. Если же нет, то грош цена такому устройству в плане точной стрельбы даже на небольшие расстояния.

Подытоживая, резонно сказать о своих соображениях относительно того, на что годится коллиматор — ограничиваясь вышеупомянутым конкретным примером. Он позволяет с более-менее приемлемой точностью послать пулю в цель на дистанции до 30—40 метров, при условии тщательного прицеливания. Позволит более-менее точно стрелять дробью, в том числе в сумеречное и темное время — лишь бы была видна цель. Но те задачи, которые поставил перед этим прицелом я, для него невыполнимы. При хорошей и даже пониженной освещенности, пока видно мушку и планку, я гораздо быстрее и точнее выстрелю из гладкостволки без всякой оптики, а в темное время, когда мне помог бы коллиматор, имеющийся у него параллакс не позволит быстро и точно выстрелить пулей.

Если бы у меня был прицел с нулевым параллаксом, он представлял бы какую-то ценность. А в конкретном случае это — бездешевый, ненужный «прибамбас», увеличивающий вес и габариты оружия. Повторю — именно в этом конкретном случае.

Что касается статьи А. Алексенцева «Охотниче ружье в руках охотника — уход и мелкий ремонт», то тут у меня есть несколько замечаний и уточнений, которые я постараюсь дать с некоторой долей иронии, свойственной мне, как точно подметил автор статьи.

Для начала замечу, что советы по изготавлению новой ложи, которые дает автор, во-первых, некорректны, если внимательно прочесть заголовок статьи — изготовление ложи никак «мелким ремонтом» не назовешь, это сложный и высококвалифицированный труд! — а во-вторых, список перечисленных инструментов, необходимых по мнению

автора для изготовления ложи, одинаково велик, «уведен в сторону», и узок! К чему для этой работы электрорубанок — можно только догадываться. А «наструг» — инструмент для чистовой обработки дуг, как пишет автор? Каких дуг? А зачем стяжные винты? Вообще что такое эти стяжные винты? Струбцины? Плотницкие вальмы?

«Коловорот со сверлами» заставляет забыть, что на дворе даже не двадцатый, а двадцать первый век, ведь вряд ли есть человек, всерьез собравшийся ваять приклад на ружье и не обзаведшийся простой электрической дрелью. А для прикладов, имеющих продольное осевое отверстие под стяжной винт, необходим хороший сверлильный станок. Какие коловороты?.. Впрочем, если автор сообщает, что он ремонтировал и реставрировал кремневки и берданки, тогда упоминание этого инструмента становится, наверное, по меньшей мере оправданным. Но зачем говорить о «наборе со сменными ножами, применяемом для изготовления авиа- и морских моделей при центрах детского творчества»? А если такого набора под рукой не окажется? Я, например, сделал два десятка прикладов на различные модели ружей, но ни разу подобного набора даже не видел.

Почему насечку на ложе автор называет «сеткой»?! Для того, наверное, чтобы не перепутали с сеткой-рабицей, раскрывает тайну ее назначения — «...чтобы рука не скользила». И совет использовать для ее нанесения «машинку» из зубопротезного кабинета очень поверхностный. Знает ли автор, что сама по себе «машинка» из кабинета стоматологии мало чего стоит. Самое главное — нужные для нанесения хорошей насечки специальные фрезы. А «машинки» сейчас продаются на рынках и магазинах в отделе электроинструмента, покушаться на имущество зубопротезных кабинетов совсем не обязательно.

Плоскость под «тыльник» (затыльник) — необязательно резиновый амортизатор, — доводим не на шлифовочном круге (автор вообще видел шлифовочный круг, и представляет степень его зернистости?), а т.н. личным напильником, а если срез приклада не представляет собой плоскость (есть такие модели), то говорить о каком-то шлифовочном круге тем более неуместно. Готовую ложу после шли-

фовки лучше не спешить покрывать морилкой и лаком, как советует автор, а прортереть влажной тряпкой. Это называется «поднять ворс». После просушки поверхность древесины, ставшей шершавой от поднявшегося ворса, окончательно шлифуют самой мелкой шкуркой, и только потом приступают к отделке. Лак, который советует автор — наихудшее средство для отделки ружейной ложи. Он выглядит дешево — блестит, и на нем хорошо заметны царапины. Надо применять пропитки на основе растительных масел, чистое льняное масло, а также растворенный в чистом бензине (типа Б-70) воск или парафин. В домашних условиях неплохие результаты дают имеющиеся в продаже декоративно-защитные покрытия для дерева, например «Аква-текс экстра». При желании в охотничих магазинах можно купить специальные импортные средства для обработки лож охотничих ружей, что наиболее правильно.

Перечисление нужных (и ненужных) инструментов для изготовления ложи автор заканчивает словами, смысла которых я не могу понять, как ни стараюсь: «К сожалению, нашей промышленностью совсем не выпускается инструмент для левшей». Я сам правша, но не могу уяснить, чем стамеска для левшей отличается от нее же для правшей... И молоток, и рубанок, и упомянутые «зажимные винты», и топор, и ножи, и ножовка, и сверлильный станок — под левую руку?! Не знаю, не встречал. Может быть, импортные есть? Как они выглядят, интересно...

Интересно также выражение автора «...Начнем с ложи, или по старинке с приклада». Почему же «по старинке»? Приклад он и ныне приклад. А еще есть цевье. Ложа — вот это как раз «по старинке». И это понятие больше употребимо для ружей, у которых приклад и цевье составляют единое целое. Карабинов, например.

Далее. Утверждать, что боек выточит «любой токарь за десять минут» — несколько смело, честно говоря. Не нужно любую проблему усложнять, но и упрощать донельзя — тоже не надо. Бойки бывают разные, и многие из них имеют поперечные выемки, которые придется выполнять напильником вручную. О бойках для МЦ-21-12. вообще молчу — для его изготовления вам 10 минут вряд ли хватит, а вот пару-тройку часов минимум — потратите запрос-

то. Если, конечно, все делать точно и аккуратно.

Заливку свинца в приклад «для «балансировки оружия» можно рекомендовать с оговоркой, что это, во-первых, увеличит общий вес оружия и ухудшит его посадистость, или другими словами — удобоуправляемость. Для иллюстрации можно привести коромысло с ведрами, наполненными водой — сбалансирована система хорошо, а вот «поворотливость» у нее неважнецкая. «При закалке произойдет и воронение». Опять неверно. При закалке никакого «воронения» не происходит. То, что автору представляется как «воронение» — есть окисная пленка, образующаяся на поверхности деталей при резком охлаждении в воде, или пленка черного цвета сложного состава — при охлаждении в минеральном масле. В любом случае это не воронение, и никакой прочности такое покрытие не имеет. Воронение металлических деталей — сложный химический процесс, и качественно выполнить его непросто.

Точить боек из тракторного пальца — как это по-русски! Японец упал бы в обморок. Советую точить бойки, если уж придется, из арматурной стали (сталь-период). Она легко обрабатывается и закаливается в широких пределах, например, достаточная твердость без излишней хрупкости достигается нагреванием до соломенного цвета и опусканием в солярку. Кроме того, арматура распространена более широко, чем тракторные пальцы, и, кроме того, ее легко можно найти самого подходящего диаметра.

В целом статья А. Алексенцева должна производить хорошее впечатление, особенно на людей, никогда не пробовавших ремонтировать или реставрировать охотниче огнестрельное оружие. В ней есть очень полезные моменты. Но мне представляется желательным, чтобы люди, дающие советы по такому непростому делу, были бы более точны в словах и формулировках, как того и требует предмет обсуждения. И перестали называть ружье МР-153 «эмеркой», или «муркой». Ну нет в его аббревиатуре русской буквы «эр». Нету. То, что «простые охотники» читают как «эр», не что иное, как английская «пэ». Так что пусть будет «эмпэшкой», если уж так хочется слэнговать.

Окончание следует

Фотоконкурс

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»

проводит очередной фотоконкурс под девизом

«Охота и природа»

Подробная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2011 г.

Пишите нам:
lavka@ohot-prostory.ru
info@ohot-prostory.ru

Наш сайт:
[www.rbt-prostot.ru](#)

А ГЛАВОЮЩИМ И ОХОТНИКА И ГЛАВОЮЩИМ

143900, Московская область, Балашиха-центр, а/я "Книжная лавка охотника и рыболова"
Издательство
охотничий
литературой

ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ

Литературно-художественный журнал

Код	Название, Автор	Печат	
	ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ		
740	Охотничье оружие. Энциклопедия. Сост. Ю. В. Шокарев	825 р.	
683	Русское охотниче оружие. Мастера и фирмы. Ю. В. Шокарев	377 р.	
736	Бой и служба дробового ружья. А. П. Иващенков	210 р.	
695	Выбор и применение охотничьего оружия. М. М. Блюм	405 р.	
943	Охотничье оружие. Опыт эксплуатации. А. Г. Азаров	197 р.	
	1 Охотничье оружие. Устройство, неисправности, уход	245 р.	
	9 Отечественные охот. ружья. Гладкоствольные. В. Н. Трофимов	245 р.	
	8 Отечественные охотничьи ружья. Нарезные. В. Н. Трофимов	245 р.	
1043	Самозарядные и помповые охотничьи ружья. В. Н. Шунков	245 р.	
1093	Двуствольные охотничьи ружья мира. В. Н. Шунков	245 р.	
494	Охотничий боеприпасы. В. Н. Трофимов	245 р.	
737	Пули для пневматического оружия. В. Н. Трофимов	180 р.	
	Современные охотничьи боеприпасы для гладкоствольного оружия. Пули, пулевые патроны. В. Н. Трофимов	279 р.	
970	Современные охотничьи боеприпасы для нарезного оружия.	279 р.	
72	Том 1. Гильзы, пороха, капсюли, пули, патроны, баллистика	279 р.	
200	Современные охотничьи боеприпасы для нарезного оружия.	279 р.	
	Том 2. Пули мира и отечественные патроны	279 р.	
483	Стрельба дробью. А. А. Зернов	82 р.	
1241	Охотничьи ножи мира. В. Н. Шунков	257 р.	
1007	Финский нож. А. Марьянко	668 р.	
1065	В помощь выбирающему нож. А. Марьянко	296 р.	
	СПРАВОЧНИК ОХОТНИКА		
697	Секреты бывалых охотников. Д. В. Житенев	316 р.	
1231	Справочник охотника-любителя. Л. Е. Трутнев	265 р.	
592	Охота в лесных тропах. В. Б. Чернышев	412 р.	
358	Охота на копытных. В. Н. Трофимов	245 р.	
558	Охота на лосей. Д. К. Нарышкин	65 р.	
944	Гон лосей и охота на ябью. В. М. Глушков	133 р.	
429	Охота на кабана. В. А. Романов	54 р.	
717	Охота на волка. А. П. Суворов	245 р.	
940	Повадки животных. Н. А. Формозов	72 р.	
560	Охота на глухариних тюках. Сборник	65 р.	
561	Охота на тетеревиных тюках. Сборник	49 р.	
586	Охота на вальшинела. М. А. Мензбир	49 р.	
327	Охота на гусей. Л. Е. Трутнев	89 р.	
484	Утиная охота. Г. Е. Рахманин	82 р.	
349	Охота с манками. Д. В. Житенев	89 р.	
495	Охота на зайцев. В. А. Окунь	189 р.	
318	Охота на лисиц. Н. А. Зверюкин	49 р.	
481	Охота на пушных зверей. Н. Н. Руковский	82 р.	
711	Охота на куниц. В. А. Окунь	82 р.	
216	Охота с легкими и самоделками	65 р.	
1096	Следы зверей и птиц. В. М. Гудков	1096	1096 р.
971	Как определить свежесть следа	971	148 р.
	ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ		
317	Как выбирать и наганивать гончую. Н. Н. Челищев	49 р.	
1015	Охота с гончей. Н. П. Пахомов	356 р.	
	738 Дрессировка и натаска подружкой левагой. Г. П. Карцов	82 р.	
	696 Охота с дратхааром. А. С. Лопатин-Бремен	148 р.	
	311 Немецкий куршард. О. Л. Малов	259 р.	
	1105 Спаниель и охота с ним. О. Л. Малов	206 р.	
	1182 Лайки и охота с ними. Л. А. Гибет	246 р.	
	406 Охота с лайкой. И. И. Вахрушев	99 р.	
	760 Борзые и охота с ними. С. Д. Матвеев	242 р.	
	ТАКСИДЕРМИЯ		
408	Изготовление чучел и обработка охотничьих трофеев	245 р.	
381	Съемка, обработка и выделка шкур зверей. Н. Н. Рябченков	225 р.	
	ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА		
1245	Закон избушки. В. Б. Чернышев	390 р.	
1194	Замороженное время. М. А. Тарковский	263 р.	
1196	Енисей. отпуст! М. А. Тарковский	263 р.	
1195	Тойота-креста. М. А. Тарковский	263 р.	
1240	Бальзам для охотничьей души. С. Л. Мазашко	220 р.	
1124	Медведь избоя или поездка в воспоминания. В. П. Кузенков	144 р.	
831	Про охотников и охотоведов. В. П. Кузенков	144 р.	
1275	Записки «собачьего доктора». Максимов В. И.	255 р.	
979	Мохнатый бог. М. Кречмар	425 р.	
1074	Полосатая кошка, пятнистая кошка. М. Кречмар	425 р.	
1207	Стрела и оружие. М. Кречмар	350 р.	
979	Вершины охоты. А. Н. Ходюк	425 р.	
1191	Полосатый смерч. Сост. Малов О. Л., Кичин В. И.	263 р.	
1123	Перед лицом волка. В. И. Булыгин	250 р.	
1125	Тростниковая даль. И. И. Алексин	250 р.	
1272	Царские забавы. Никитин Ю. М.	283 р.	
	DVD (на видеоплатформе «Охотники просторы»)		
1184	№ 1. Охота на боровую дичь. Воспроизведение звука (90 мин)	200 р.	
1185	№ 2. Состязания ласк. Подготовка к охоте на селезня (110 мин)	200 р.	
	№ 3. Охота на вальшинела. Отлов оленей (56 мин)	200 р.	
	№ 4. Гусиная охота «на клюкве». Натаска норных собак	200 р.	
	№ 6. Охота на утку в плавнях. Как пристрелять ружье (56 мин)	200 р.	
	№ 7. Загонная охота на кабана и лося (60 мин)	200 р.	
	№ 8. Охота на кабана с луком (60 мин)	200 р.	
	№ 9. Охота на голубя и перепела (67 мин)	200 р.	

Поданный каталог с возможностью заказа опубликован на сайте www.ohot-prostoy.ru

К.Д. Янковский «Дикие камни»

М-900 «МТМ ЭРА», 2011. — 272 с.

Код издания - 1263.

Цена - 210 руб

В рассказах Константина Яновского предстаёт перед нами удивительный таёжный мир, мир доброй природы, мир деревьев и трав, зверей и птиц. Автор ощущает и хранит в себе яркую красоту гармонии тайги и стремится передать её читателю.

«Ба́тый край». Из года в год колеси я по нему с понятой и ружьем за пасчами. Немало проидено пешком и на лодке. Одри, четвероногим другом и щадом с женой Еленой, и со студентами — будущими скотоведами, и с кумысными крестьянами-романтиками. И нет смысла, могу́чишт яствовать меня от тайги, пока я жив...»

(из рассказа «На реке Бобровой»)

Охотниче оружие: изменения в законодательстве

Николай Павлович Астафьев

В последнее время так много говорили и писали о травматическом оружии, бесконтрольное пользование которым привело к многочисленным случаям причинения людям серьезных травм и даже смерти, что эти факты стали основанием для внесения в Федеральный закон "Об оружии" и некоторые другие законы ряда изменений, которые коснулись и охотничьего оружия. Вступают в силу они с 1 июля 2011 г.

Изменения внесены Федеральным законом "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия" от 28.12.2010 г. № 398-ФЗ. Внесены изменения и в статью о праве граждан приобретать оружие. В настоящей статье речь пойдет только о праве приобретения, хранения и ношения огнестрельного гладкоствольного длинноствольного охотничьего оружия и оружия самообороны.

Приобретение оружия и его регистрация

Оружие, как и прежде, можно будет приобретать гражданам, достигшим 18 лет по лицензии, выдаваемой органами внутренних дел по месту жительства. По решению законодательной (представительной) власти субъекта РФ возраст, при котором гражданин может получить разрешение на хранение или хранение и ношение оружия, может быть снижен на 2 года.

Огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие можно будет приобретать в целях самообороны без права ношения по лицензии, выдавае-

мой ОВД по месту жительства. Охотниче огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие и охотниче пневматическое оружие можно приобретать гражданам, которым выданы охотничий билеты или членские охотничьи билеты.

Охотниче огнестрельное оружие с нарезным стволов имеют право приобретать граждане, которым предоставлено право на охоту и они занимаются профессиональной деятельностью, связанной с охотой, либо имеют в собственности охотниче огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие не менее 5 лет. Кроме того, право на приобретение такого оружия предоставляется гражданам лишь при условии, что они не совершили правонарушений, связанных с нарушением правил охоты, правил производства оружия, торговли оружием, продажи, передачи, приобретения, коллекционирования или экспонирования, учета, хранения, ношения, перевозки, транспортирования и применения оружия.

Общее количество приобретенного оружия с нарезным стволов не должно превышать 5 единиц, огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия — 5 единиц, кроме случаев коллекционирования.

Приобретенное огнестрельное оружие должно быть зарегистрировано в ОВД в двухнедельный срок со дня приобретения. Если владелец оружия изменил место жительства, он в двухнедельный срок со дня регистрации по новому месту жительства должен обратиться в ОВД с заявлением о постановке на учет принадлежащего ему оружия.

При регистрации оружия самообороны гражданину по месту жительства выдается разрешение на право его хранения сроком на 5 лет. При регистрации охотничьего оружия — разрешение на его хранение и ношение сроком также на 5 лет. Разрешения выдаются на основании документа, подтверждающего законность приобретения оружия. Порядок продления срока действия разрешения не изменился.

Для получения лицензии на приобретение оружия надо представить в ОВД по месту жительства заявление по установленной форме, документ, удостоверяющий гражданство РФ, документ о прохождении соответствующей подготовки и периодической проверки знания правил безопасного обращения с оружием, медицинское заключение и другие, предусмотренные законодательством документы.

Обучение обращению с оружием

Все граждане, кто впервые приобретает гражданское огнестрельное ору-

жение, охотниче пневматическое оружие, кроме тех, которые имеют разрешение на хранение и хранение и ношение огнестрельного оружия, а также граждане, проходящие службу в государственных военизированных организациях и имеющих воинские звания, либо специальные звания или классные чины, либо уволенных из этих организаций с правом на пенсию, обязаны пройти подготовку в целях изучения правил безопасного обращения с оружием. В каких организациях будет осуществляться подготовка, определяется Правительством РФ.

Граждане, которые владеют гражданским огнестрельным гладкоствольным длинноствольным оружием самообороны, обязаны не реже одного раза в 5 лет проходить проверку знаний безопасного обращения с оружием, эта проверка проводится организациями, определяемыми Правительством РФ в порядке, установленном МВД РФ.

Основания для отказа выдачи лицензии

Несколько расширен перечень оснований, по которым может быть отказано в выдаче лицензии на приобретение оружия. Лицензия не выдается гражданам, не достигшим возраста, установленного законом; не представившим медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием, связанных с нарушением зрения, психическим заболеванием, алкоголизмом или наркоманией; имеющим неснятую или непогашенную судимость за умышленное преступление; отбывающим наказание за совершенное преступление; совершившим повторно в течение года административное правонарушение, посягающей на общественный порядок и безопасность или установленный порядок управления, либо в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств и психотропных веществ; лишенным по решению суда права на приобретение оружия; не имеющим постоянного места жительства; не представившим в органы внутренних дел документов о прохождении соответствующей подготовки и других указанных в законе документов; состоящим на учете в учреждениях здравоохранения по поводу психического заболевания, алкоголизма или наркомании.

Владельцы гражданского оружия, в перечень которого входит охотниче огнестрельное и пневматическое, обязаны не реже одного раза в 5 лет представлять в органы внутренних дел медицинское заключение.

Контрольный отстрел из нарезного оружия

Закон дополнен статьей 131, в соответствии с которой из гражданского нарезного оружия производится контрольный отстрел при продлении срока действия разрешения на хранение и ношение такого оружия, после ремонта его основных частей, замены или механической обработки бойка ударного механизма, а также при продаже оружия другому лицу.

Ремонт и торговля оружием

Сделано дополнение в статью 16 Закона, в соответствии с которым ремонт и замена комплектующих деталей огнестрельного оружия, за исключением его основных частей, могут производиться владельцем этого оружия самостоятельно.

Некоторые изменения внесены в порядок торговли оружием. Если раньше продавец мог потребовать от покупателя лицензию на приобретение любого вида оружия (гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое и холодное, ст. 2 Закона), то теперь вправе требовать лицензию на приобретение конкретного вида оружия и патронов к нему.

Ношение огнестрельного оружия

Несколько расширены обстоятельства, при которых лицам, владеющим оружием на законных основаниях и имеющим право на его ношение, запрещается иметь его при себе, например, во время участия в религиозных обрядах и церемониях, культурно-развлекательных, спортивных и иных публичных мероприятиях. Введен запрет на обнажение оружия, если отсутствуют основания для его применения.

Аннулирование лицензии, разрешения и изъятие оружия

Имеются некоторые изменения в порядке аннулирования и изъятия лицензии на приобретение оружия и разрешения на хранение или хранение и ношение оружия (ст. 26 Закона). Они могут быть аннулированы и изъяты в случае: добровольного отказа от этих документов либо в случае смерти собственника оружия; вынесения судебного решения о лишении гражданина специального права или судебного решения об аннулировании лицензии и разрешения; возникновения предусмот-

ренных настоящим законом обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и разрешения; аннулирования охотничьего билета (эта норма закона применяется только в отношении охотничьего оружия).

В случае если будет выявлен факт нарушения гражданином правил хранения, ношения, уничтожения, изготовления, продажи, передачи, перевозки, транспортирования или использования оружия и патронов к нему, а также пересылки оружия, выданная лицензия и разрешение на хранение и ношение оружия временно изымаются органами внутренних дел до принятия окончательного решения.

В случае аннулирования лицензии на приобретение оружия и разрешения на хранение оружия, гражданин вправе повторно обратиться за их получением по истечении одного года со дня окончания срока наложения административного наказания в виде лишения права на приобретение оружия, хранение и ношение его, или со дня устранения обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и разрешения.

В случае добровольного отказа от лицензии и разрешения, сроки повторного обращения за их получением не устанавливаются.

В закон внесены некоторые изменения по вопросу изъятия органами внутренних дел оружия. Оружие может быть изъято у граждан в случае: нарушения правил хранения, изготовления, продажи, передачи или использования оружия и патронов к нему, а также пересылки оружия до принятия окончательного решения в соответствии с законом; аннулирования лицензии и разрешения; смерти собственника гражданского оружия.

Имеются изменения и в правилах распоряжения изъятым оружием. Распоряжаться таким оружием и патронами к нему следует в соответствии с решением суда по уголовному делу, гражданско-му или делу об административном правонарушении, или иного уполномоченного осуществлять по делу об административном правонарушении органа.

Оружие и патроны к нему, изъятые в связи с аннулированием лицензии, должны находиться в ОВД до их отчуждения в порядке, установленном гражданским законодательством.

Оружие и патроны, изъятые в связи со смертью собственника, хранятся в ОВД до решения вопроса о наследовании имущества и получения права на владение оружием либо до отчуждения оружия, но не более одного года. Пос-

ле истечения года ОВД принимаются в соответствии с гражданским законодательством принудительные меры по отчуждению оружия и патронов к нему.

Ношение и перевозка пневматического оружия

Закон дополнен рядом правовых норм. В частности, ношение и перевозка в границах населенных пунктов пневматического оружия в заряженном или снаряженном состоянии, а также использование такого оружия в границах населенных пунктов вне помещений и специально отведенных участков местности для спортивной стрельбы запрещено. Запрещено продавать или передавать патроны к гражданскому оружию лицам, которые не владеют на законном основании таким оружием. Запрещается также хранить патроны к гражданскому оружию названными лицами.

Изменения в законах

Внесены некоторые изменения в Уголовный кодекс РФ. Введена уголовная ответственность за незаконный сбыт гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия. Исключена уголовная ответственность за незаконное изготовление, переделку и ремонт комплектующих деталей к огнестрельному оружию. Уголовная ответственность за незаконное изготовление, переделку или ремонт огнестрельного оружия и его основных частей сохраняется.

Внесены некоторые изменения в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Особо хотелось бы остановиться на административной ответственности владельцев огнестрельного оружия за нарушение правил его хранения, ношения или уничтожения и патронов к нему. За эти нарушения может быть наложен штраф или лишение права на приобретение и хранение или ношение оружия на срок от 6 месяцев до 1 года.

Законом внесены некоторые изменения в Федеральный закон "Об охоте", которым вносились изменения в ФЗ "Об оружии". Эти изменения должны были вступить в силу с 1 июля 2011 г. В связи с тем, что эти изменения вошли во вновь принятый закон, они из Федерального закона "Об охоте..." исключены с 30 декабря 2010 г.

Н. АСТАФЬЕВ, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции

**Продолжается подписка на журнал
«Охота и охотничье хозяйство»**

**Наши индексы: 72376 – на год, 70673 – на полгода,
по каталогу Роспечати**

Русские писатели-охотники

Николай Николаевич ЗАРУДИН. 1899 – 1937

М. БУЛГАКОВ

Писатель и знаток охотничьей литературы Н.П. Смирнов называл Николая Зарудина «самым охотничим поэтом и прозаиком». Это далеко небесспорное утверждение появилось уже после смерти Зарудина, когда стали переиздаваться его произведения, но о самом поэте и писателе долгое время было почти ничего неизвестно.

Родился Николай 13 октября 1899 года в Пятигорске, но ещё в раннем детстве вместе с родителями переехал в Нижний Новгород, где учился в первой мужской гимназии. Спустя много лет не все даже близкие его знакомые знали, что Николай родился в семье немца Николая Эдуардовича Эйхельмана, а Зарудиным стал после начала Первой мировой войны, когда в далёком от Германии волжском городе стали косо смотреть на подростка с немецкой фамилией.

С юных лет Николай увлёкся охотой и вместе с друзьями выпускал рукописные тетради под названием «Любитель природы. Журнал, издаваемый бродягами-натуралистами-охотниками». Первое сочинение Зарудина называлось «Прошлое выходит на четырёх лапах», а сам журнал просуществовал до 1917 года. Подобные творческие начинания в дореволюционной России были не редкостью, но создателями «Любителя природы», помимо Зарудина, оказались ещё сразу два незаурядных подростка — Александр Формозов и Александр Красильников.

А.Н. Формозов стал профессором МГУ, известным зоологом, автором популярных книг с собственными иллюстрациями «Шесть дней в лесах» и «Спутник следопыта». Успешно начиналась карьера А.М. Красильникова, ученика академика Н.Д. Зелинского. Некоторое время профессор Красильников занимал должность проректора МГУ, но, получив инвалидность, с конца 30-х годов обосновался в родном Поволжье. Работал в охотничьем хозяйстве, занимался литературой, написал книги «В лесном краю» и «Когда расцветают подснежники».

Формозов и Красильников, разумеется, знали об успехах Зарудина в большой литературе, но, пережив его на много лет, никаких письменных воспоминаний о нём не оставили, во всяком случае, они не опубликованы. Возможно, причиной тому была биография Зарудина, на долгие годы записанного во «враги народа».

Уже в начале гражданской войны юный комиссар Николай Зарудин воевал с белогвардейцами, избрав себе в кумиры самого революционного из всех революционеров Л.Д. Троцкого. Начитанный «комиссар в пыльном шлеме» наверняка слышал крылатую фразу Дантон «Революция пожирает своих детей», но вряд ли задумывался над её смыслом, — свежие вихри времени принесли куда более звучные слова и лозунги.

Годы смертельного противостояния красных и белых остались самой тёмной страницей биографии Зарудина. Из письма отца А.Н. Формозова известно, что весной 1920 года Зарудин «числился в Культпросвете Уральского фронта», но спустя какое-то время очутился в Смоленске, где в газете «Рабочий путь» публиковал свои стихи. Здесь же в 1931 году вышла его первая поэтическая книжка «Снег вишенный».

Счастливую роль поначалу и роковую в дальнейшей его судьбе сыграло знакомство с критиком Александром Воронским, основателем журнала «Красная новь» и литературной группы «Перевал». По приглашению новоявленного покровителя молодой поэт вместе женой и дочкой весной 1924 года перебрался из Смоленска не просто в Москву, а в многоэтажный «дом-большевик» на Арбате.

Воронский, известный не только личным знакомством с Лениным, но и дружбой с его сестрой Марией Ильиничной, обладал многими талантами и обширными связями, был вхож во властные и литературные коридоры. И Зарудин закружился в жизненной и творческой карусели столичной жизни.

За короткое время начинающий литератор выдвинулся в лидеры «перевальцев», среди которых тогда выделялись прозаики Михаил Пришвин, Андрей Платонов, Артём Весёлый, поэты Эдуард Багрицкий и Михаил Светлов. Входили в «Перевал» и будущие друзья-охотники: А. Новиков-Прибой, Б. Губер, П. Ширяев, А. Перегудов и Н. Смирнов. С годами к ним присоединился ещё один, не «перевальский», круг писателей с ружьём: Е. Пермитин, В. Зазубрин, А. Яковлев, И. Арамильев. Можно ли было сыскать лучшую компанию для Николая Зарудина, охотника по призванию?

В 20-е годы Зарудин почти забыл о былом восхищении Троцким, но оставался романтиком, и творческие лозунги «Перевала» — «искренность,

Н. Зарудин

моцартианство и новый гуманизм» точно определяли его мироощущение в этот период.

Из всех «перевальцев» наиболее близок Зарудину был Н.П. Смирнов. Их роднили не только возраст, волжское землячество и охотничья страсть, но и поэтический дар, общие литературные пристрастия с особым поклонением И.А. Бунина.

Смирнов с 1922 года работал в редакции газеты «Известия», затем перешёл в журнал «Новый мир» и стал составителем нескольких альманахов охотничьей литературы. В поэтический раздел одного из них («Охотничье сердце», 1927г.) он, наряду с С. Есениным, Э. Багрицким и Н. Асеевым, включил три стихотворения Н. Зарудина. Появились его стихи и в «Охотничьей газете».

Поэты Н. Зарудин и Н. Смирнов начали писать прозу почти одновременно, можно предположить, что не без взаимного влияния, и Н.Смирнов уже с первых шагов на новом поприще почувствовал в Зарудине большую литературную силу, в то время как собственные рассказы

всегда оценивал по скромной шкале.

А много ли существует поэтов, написавших сильную прозу? Если сделать хрестоматийное исключение для Пушкина и Лермонтова, то придётся признать, что прозаические опыты поэтов редко заканчиваются литературной удачей. Достаточно вспомнить сравнительно недавнее время и известные имена, — «Ягодные места» Е. Евтушенко, «Путешествие дилетанта» Б. Окуджавы и сочинение «О!» А. Вознесенского так и остались за скобками большой литературы.

Последний сборник стихов Николая Зарудина «Полем-юностью» вышел в 1928 году, а затем поэтическая музыкальность перекочевала на страницы его повестей и рассказов. Зарудин путешествует по стране, побывал в Сибири, Армении и Казахстане. В отличие от других писателей, Зарудин в своих произведениях писал о революции и гражданская войне мимоходом, рисовал о тех годах не литературные картины, но яркие наброски. В «Законе яблока», «Стране смысла» и «Тридцати ночах на винограднике» много любви, света, словесной живописи, почти везде присутствует некий лирический герой, наделённый даром созерцания и любования природой. Ну, и охотничий даром, хотя сама добыча для Зарудина и его персонажей всегда оставалась на периферии. Особняком в творчестве писателя стоит рассказ «Старина Арбат» — замечательное свидетельство из жизни Москвы 20-х годов, едва ли не единственное урбанистическое произведение во всём творчестве Зарудина.

Несведущему читателю составить человеческий портрет Н. Зарудина проще всего по его стихам и рассказам, потому что всевозможные литературные энциклопедии и справочники в лучшем случае содержат лишь скучные перечни его произведений и указание на деятельное участие в «Перевале». Тем ценнее крупицы живых воспоминаний о нём, оставленные исключительно друзьями-охотниками, например, Н.П. Смирновым о совместной поездке в конце 1927 года в Сергиев Посад:

«Однажды, глубокой зимой, морозным и блестящим днём, я и мой друг Н.Н. Зарудин ездили в Загорск. Долго пробули в музее игрушек, любуясь изделиями кустарей, бродили по городу, сиреневому от инея, смотрели на купола, кресты и звёзды Сергиевой лавры.

Потом, уже под вечер, зашли к М.М. Пришвину — и сразу же, на пороге, остановились в восхищении: на стене висели два зайца — меловой беляк и золочёный русак. От зайцев пахло снегом, лесом, зимой, а их густой и плотный мех как бы таил в себе неостывающее тепло охоты...

Принял он нас с исключительным радушiem, как щедрый русский хле-

босол, и мы засиделись до последнего, ночного поезда, говорили о литературе и охоте...

Когда мы шли по ночным городским улицам к поезду, Зарудин несколько раз останавливался и говорил, запрокидывая голову:

— Слушайте, это же чудесно: Россия, зима, ночь, мороз, звёзды...

Он оглядывал небо, казавшееся звучным от несметных звёзд, и смотрел на меня.

— А ведь среди этих звёзд есть и наша, заветная, охотничья... звезда таких бродяг-писателей, как наш несравненный Михаил Михайлович...

Зарудин оглядывался вокруг — в домах уютно мерцали одинокие огоньки — и продолжал:

— А какая сейчас тишина в поле, в деревне, в лесу, и в этой тишине вдруг слышится шорох: косой пробирается на жировку... Нет, завтра же двину на охоту!

На другой день Зарудин действительно уехал на охоту и прислал оттуда мне и Пришвину свою прелестную «Песню охотничу».

Михаил Пришвин, не жаловавший вниманием и тем более лестными отзывами творчество собратьев по перу, некоторые рассказы Николая Зарудина всё же ценил высоко.

Всегда интересно узнать о том, что думают писатели о творчестве своих коллег. В случае с Зарудиным уместно вспомнить ещё одну любопытную цитату: «Ефим Николаевич (Пермитин — М.Б.) души не чаял в Николае Зарудине и многое в его творчестве расценивал на вес золота — за его великолепнейшую изобразительность и тончайшее чувство слова. В то же время он относился отрицательно к наличию в его рассказах своеобразного словесного барокко, что, по его мнению, было неограниченным и шло от Пруста, подражать которому он считал невозможным» («Воспоминания о Е.Н. Пермитине»).

Из этой противоречивой оценки не совсем понятно, почему Пермитин противопоставил изобразительность и чувство слова стилю барокко, а Пруст в мировой литературе числится вообще по другому эстетическому ведомству.

Сибиряк Пермитин о литературных пристрастиях своего брата-охотника мог говорить что угодно, но другие критики вместо изобразительности и барокко разглядели в творчестве Зарудина нечто такое, что в конце концов его погубило. Удивительно, но поводом для начала травли послужили безобидные охотничьи стихи и проза, особенно замечательный, вошедший в охотничью классику рассказ об охоте на глухарином току «Древность» (1929г.). Вдогонку «Древности» Зарудин опубликовал в журнале «Новый мир» хвалебную рецензию на книгу Е.Э. Дриянского «Записки мелкотравчатого» — повествование о псовой охоте эпохи крепост-

ного права, и закончил серъезную статью озорным призывом: «Поедем же травить лисиц...»

«Барокко и Пруста», как нечто далёкое и непонятное, Зарудину великодушно простили, но громогласные гимны во славу барской забавы и внеклассовой охотничьей страсти шли вразрез с линией партии в жизни и литературе.

Горячие перепалки многочисленных творческих групп 20-х годов показались чудо-цветочками, когда на литературной поляне взросла чудо-вищная ягода по имени РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей). В качестве образца рапповской критики можно извлечь цитату из статьи с характерным названием «Непогребённые мертвцы», помещённой в 1930 году в «Комсомольской правде»: «В эпоху величайшей исторической ломки... цветёт и ещё пользуется общественной политикой махровая аполитичность обывательской литературы. Политические ренегаты, любители бабушкиных сказок, бледные рыцари, тоскующие по старине... певцы медвежьих берлог, умирающих вальдшнепов, дышащие помещичьим пафосом охоты, декларирующие внеклассовую искренность и гуманизм, составляют ядро и основу группы «Перевал», которая осмеливается называть себя революционной».

«Это всё о нём» — о Николае Зарудине, это и о «Перевале», который «пролеткультовцы» окончательно доконали в 1932 году. Однако справедливость требует сказать о том, что и запальчивые «перевальцы» в литературных спорах в полной мере пользовались отнюдь не дипломатической лексикой. Отдущиной в этой изнуряющей и опасной борьбе для Зарудина оставались семья и охота, чему есть достоверное свидетельство в автобиографической книге Е.Н. Пермитина «Поэма о лесах».

Неистовый охотник Пермитин яркими, взахлёб, рассказами о баснословном сибирском изобилии дичи сумел увлечь своих московских друзей-писателей и организовал несколько охотничьих экспедиций за дикими гусями в Барабинскую степь на озеро Чаны. Участниками одной из поездок в Сибирь были В. Правдухин, Б. Губер, В. Кудашёв и Н. Зарудин — «экзальтированный поэт-лирик, азартный до самозабвения охотник, обаятельный юношеской горячностью чувств, добротой и щедростью сердца, которые светятся в прекрасных голубых его глазах».

Каждое упоминание о друге Пермитин неравнодушно уснащает словами «общий любимец Чанской охотничьей бригады, стройный, словно горец, открытая душа, щутник». Отметил Пермитин и то, что Зарудин был «до педантизма щепетильный в одежде — даже на охоте он выделялся элегантностью своего костюма».

В «Позме о лесах» Пермитин словно приводит короткий рассказ самого Зарудина о своём первом добром гусе:

«Не охотнику не понять! Да и трудно понять, что, побывав на Чанах, убив первого гуменника на Квашнинском мысу, я на всю жизнь запомнил и влажное, парное утро в камышистом скрадке, и ощущение плюшевой мягкости и теплоты пепельно-серой шеи гуся, и весистую после подмосковных бекасов и чирков тяжесть редкостного трофея в своей руке. Я — я, не поверите, други мои, почувствовал себя троглодитом!

Но расскажу все по порядку: он налетел на «королевский» выстрел. И когда, подскочив к нему, распластавшемуся на льду, схватил его, — я замер от восторга. И небо, и камы словно бы закачались перед глазами.

Еще и теперь я отчетливо помню опаляющую радость, в которую даже не верилось в первое мгновение и от которой у меня захватило дыхание, но передать, передать ее я не могу вам, друзья мои: не вмещается в слова. Кто поверит, что вот уже третью ночь подряд я вижу и этого первого моего гуся, и себя на зветодном моем мысу?»

После двухнедельной поездки на Чаны Зарудин написал один из лучших своих рассказов «Снежное пламя» — о горестной части и «убийственной нищете» чувашей-переселенцев, встреченных охотниками во вновь организованном степном колхозе. Описание их жилья в подземелье, подобном «звериному логову», потрясало читателей, но не оно вызвало гнев рапсовской критики, а глубинная суть и сам стиль письма Зарудина, вплотную примыкающего к сюрреализму платоновского «Котлована».

Вот что и как говорил некий агент Сибиртогра в речи над могилой переселенки из колхоза «Просвет»:

«Вы дружный народ и живёте смириенно, по-рабочему — одним котлом. Пусть, товарищи, машины и Советская власть поведут нас к жизни, где вы не будете расти, как кусты, а будете жить, не сгнивать, как безызвестная трава... Пусть поведут они нас туда, где каждый будет кончать свою жизнь под музыку... Скажем мы все над заморенным человеком: республика всё слышит и всё видит...»

Вот такое русское барокко и такой русский Пруст. И тут же:

«Когда закопали могилу и утоптали могильный холм, солнце поднялось высоко, в океане света и воздуха стоял штиль... Лишь лёгкое облачко звало степь парусом или заморской чайкой. Издалека над камышом летели птицы крестами, стрелками и треугольниками, высоко-высоко, чтобы высаживать птенцов в северных тундрах».

Всё-таки не зря читатели и знакомые Николая Зарудина воспринима-

ли его «празднично-светлым человеком». Что-то особенное в нём (в его стихах и рассказах) приметил когда-то Максим Горький, но тот же Пермитин отмечал, наряду с талантом, и «неукротимое зарудинское трудолюбие».

Наверное, Зарудину было нелегко наступить на горло собственной лирической песне, но однажды инстинкт самосохранения заставил его, по словам Пермитина, «ближе узнать главного героя современности — рабочего, он с такими же энтузиастами и романтиками Иваном Катаевым и Василием Гроссманом ушёл на завод: не корреспондентом, а встал к станку, как рядовой рабочий».

Никто не знает, что натянул Зарудин на заводе, а вот несколько тонких, по-настоящему зарудинских рассказов датированы именно серединой тридцатых годов: «Чувство жизни», «На трёх поворотах ручья», «Солнечный хор». Все они написаны не за станком и не о слесарном искусстве, но, без оглядки на злопыхателей, о вечной любви к женщине, природе и охоте. Врачующему миру природы и русской деревни посвящено последнее произведение Зарудина — повесть «В народном лесу».

Крушение революционного романтизма в литературе началось ещё в конце 20-х годов, а окончательно это течение утратило своё русло и высохло в 1935 году после повторного ареста первого идеолога бывших «перевальцев» А.К.Воронского. Е.Н. Пермитин на примере «литературного салона Лидии Сейфуллиной» рассказал о сути конфликта в советской литературе и его главных действующих лицах. Суть ясна — идеология, в соответствии с которой всех творческих людей разделили на чистых и нечистых. Правда, были исключения, — на некоторое время в первый ряд гонимых угодили Алексей Толстой и Николай Зарудин, но дальнейшая их судьба сложилась по-разному.

Во времена хрущёвской оттепели многие из «прозревших» говорили, что в сталинскую эпоху внешне всё было благополучно, а потому никто и не подозревал о творящемся беззаконии. Но вот что писал Николай Зарудин в одной из своих статей в середине тридцатых годов: «Сейчас недаром вожди произносят речи. Stalin и Каганович поняли, что если ещё немного так обращаться с людьми, как раньше, то вместо социалистического человека получится собрание запуганных Акакиев Акакевичей. Люди в угодничестве и подхалимстве дошли до того, что готовы буквально предать родного брата, друга, лишь бы их не трогали. В литературе это достигло предела... Если раньше человек, выдвигавшийся из мужиков, был ужасен, то сейчас многие ещё хуже... Рабочие или колхозники, попадая в город на положение руководителей, делаются

более злостными бюрократами, чем старые чиновники».

Поэт зорким глазом и ранимой душой видел и чуял беду в устройстве жизни своей страны, но жестоко ошибался в том, что «поняли» Stalin и Каганович, — ведь именно они избрали и внедрили политику запугивания людей. 1937 год свернулся в бараний рог и самого Зарудина вместе с друзьями. Только спустя двадцать лет Николай Смирнов в память о погибшем друге опубликовал в альманахе «Охотничьи просторы» несколько его рассказов и стихотворений, а уже в 60-е годы лучшие произведения Зарудина были переизданы в книгах «Закон яблока» и «В народном лесу».

Обстоятельства ареста писателя прояснились лишь в начале нового века из публикации в «Литературной газете» старых записей литератора В.С. Василевского. В 1937 году его знакомая Е. Стогова встретила в Москве на Трубной площади писателя Бориса Губера, у которого «был дикий вид то ли пьяного, то ли больного». В разговоре он признался, что его вызвали «туда» и он, струсив, «выдал Ивана Катаева и Николая Зарудина». Узнал Василевский и о том, что Катаев с Зарудиным, увы, сами писали отрицательные характеристики на своих знакомых.

Сотрудничество с чекистами не спасло от карающей властной дланни ни Губера, ни Катаева с Зарудиным и их многочисленных друзей из писательского цеха. Долгое время оставалась неизвестной дата гибели Зарудина. Даже его близкий друг писатель Николай Смирнов, отдавшийся тюрьмой и ссылкой, позже неверно указывал год смерти Зарудина. В опубликованном чёрном списке «Москва-центр» значится 81 человек. Среди жертв — Николай Зарудин, расстрелянный в ночь с 13 на 14 августа 1937 года вместе с А.К. Воронским, который когда-то заманил молодого поэта из тихого Смоленска в Москву — в самое пекло новой жизни и большой литературы.

За десять лет до трагедии комиссар и романтик революции, певец жизни, любви и охоты написал показанные и одновременно провидческие строчки:

Пришли, увели, расстреляли,
Зарыли в покинутом рву.
А мы-то прошли и не знали
Кто мял здесь глухую траву.

Не знали, что юность и глина
И слезы — одно для лопат.
Всё было — как сон: карабины,
Погоны и лица солдат.

Далёко во рву затерялся
Отрывистый треск и дымок.
Так долго звенел и трепался
Над ямой степной ветерок.

А мы-то здесь праздником вешним
Прошли и не знали... В логу
Так пусто. Сияли черешни
С припёка в кудрявом снегу.

Солнечный хор

Николай ЗАРУДИН

Весь март в лесу было так тихо, что слышалось за версту, как падают сосновые шишки. Изредка валил густой и сырой снег. Иногда бушевал ветер, и тогда леса синели и туманились морем. Но чаще всего в лесу стояла полная тишина. Казалось, жизнь навсегда исчезла из этих нежилых краёв, — так безмолвно спали под снегом речки и так пусто и зябко вечерело среди пустынных болот. И даже охотники перестали появляться у просек, перечертив серый снег следами лыж.

И вдруг началось.

Солнце всё реже и реже вставало с заморозками. Сырой ветер качал сосны, скрипели сучья, с глухим шумом садился снег, и в один неизвестный день закутало туманом леса и болота, и полил мелкий и тёмный дождь. Лило три дня. Неприятно и сыро дуло с запада, шли ненастные тучи, три ночи ударяло и скрипело в бору, влажный и широкий шум бежал по вершинам, запевая старую-старую песню лесов. В эти дни умер снег. В эти дни впервые обнажились пригорки и пни, почернели дороги, а на речках выпотели не-приглядные оконца воды.

В потёмках и сырости стояли леса. Через неделю над лесной сторожкой, где капало с крыши, высоко-высоко в небе показались птицы. Рассвет подымался. Крики птиц доносились до земли. Казалось, серебряные трубы летели под солнцем. Всё выше, выше — звуки, вначале густые и зычные, становились печальнее и заунывней, — птицы забирались под самое солнце, опуская плавные круги. Потом они опустились на старое глухое болото. И все узнали, что весна уже здесь, — и ручьи, и медуницы, и шорох травы, — потому что прилетели журавли.

В этот день на речке было так радостно и светло, что почки у берёз не выдержали и лопнули, показав прохладные зелёные ушки. Ручьи лепетали по-детски и спешали к долине. Они были

братьями и сестрами речки, поившей множество лугов и низин. Пушилась верба. Вода затопила кусты и прибрежные деревья. Речка, колыхая кусты, шумела и неслась, играя солнцем. Даже щука — жилица тёмных глубоких ям — ходила на мелких местах, показывая из затопленной травы пёстрые плавники.

Вечером отовсюду затоковали тетерева. Загудели первые жуки, а когда село солнце и пахнуло туманом с болот, в лесу затрещали дрозды и прозрачно и грустно запела малиновка. Заря, как забитый костёр, дотлевала в лесных сумерках. Голоса птиц всё более и более замирали, наконец смолкли, и в дрожи прохладного воздуха перелилась первая звезда. Чу! Вдали над лугами раздался щебечущий свист, ёщё, и, хрюплю и отрывисто трогая низкую кожаную струну, над частым осинником протянул вальдшнеп, мелькая на угасающей уже, мрачной заре. Еще один, где-то над большим лесом.

В этот час слышали, как шевелится трава, пробиваясь сквозь сырьё прошлогодние листы. Мириады растений высывали из-под земли робкие бледные стебли. Кое-где у обсущенных пней медуница вздувала свои синие и алые огоньки. И ночь напролёт шли с юга певчие водяные птицы. Они проносились иногда очень низко, слышно было — их крылья рассекали воздух с быстротою пушечного снаряда. Гуси уходили без отдыха — они спешили на север. Утиные стаи стремглав падали на водяные зеркала. Их кряканье всполошило болота, но никто не слышал ещё голоса журавлей. Потом в лесах совершенно стихло, и можно было услышать, прижавшись ухом к земле, лишь крохотных мышь и движение цветов и трав. Кто, кто мог бы назвать более чистую, трогающую сердце тишину!

Журавли спали на сырому, не залитом ёщё лугу, вытянувшись в два ряда, заложив головы под крылья. С обеих

сторон сон их караулили часовые. Только звон воды нарушал великий покой болот. Птицы дремали, вытянув шеи, — самые старые, опытные, узнававшие сквозь чуткую дремоту любую опасность. Но никто не тревожил их отряд в эту тёплую звёздную ночь.

Ни ветерка, ни шороха не доносилось из сосновых боров, как чёрная стражи, застывших на многих холмах. Где-то закричала грустная лесная птица, но это было очень далеко... Только речка позывала в чуткие водяные колокольчики. Казалось, земля напевала что-то, полное тишины и воспоминаний, подслушанное у музыкальных птиц. С каждым часом всё теплее и теплее дышала земля, — это воздух свежел к рассвету, каждая травинка отдавала своё дневное солнечное тепло. Журавли спали. Кончалась короткая весенняя ночь. И каждое сердце ожидало первой рассветной трубы.

Глухо и темно было в лесах. Ещё далёко-далёко было до того часа, когда в городах возникает удивительное звучание фабричных гудков. Ещё тьма, полная хвои и ярких звёзд, висела в лесу, лишь на востоке обозначилось зеленоватое зарево... Но сразу, все вместе подняли шеи и вытянулись огромные серые птицы, задрали к небу острые костяные носы, и на весь лес полетели какие-то огромные, неудержимые песни, как будто целый хор подняло над всей тёмной землёй. Торжественно музыка облетела тишину лесов, болот и долин. И встал день солнца и света. И кончилась ночь.

Глуварь заворочался на мшистой сопне, обронил шишку и, загремев крыльями, полетел в бор на холме. Утка громко закрякала и всплеснула на болоте. Уже бекас зажужжал над лесом, поднялся веретеном вверх и камнем метнулся вниз. И вальдшнеп быстро промелькнул в сумерках туманной долины.

Журавли затрубили ещё раз. Весь лес пел несметными голосами птиц. Издалека, с большой вересковой поляны, шипели, хлопали крыльями и ворковали бархатно-синие, как головешки, подбитые снеговым пухом тетерева. Словно огромный пчельник гудел и носился там. Над болотами кружились, заунывно крича, рябые кулики.

Солнце, солнце! Красным огнистым шаром вышло оно из лесов, и просиял этот час. Редко-редко кто из людей городов видел, что происходило тогда на лугу. Солнечный шар горел в высоте. На лугу, окружённом светлой водой, двенадцать птиц в светло-серых мундирах танцевали танец утра и весны. Они невозмутимо прохаживались на длинных чёрных ногах, выступали, покачивая длинноносыми головами в ма-

линовых шапочках. Неожиданно они приседали, подпрыгивали вверху, подраспустив крылья, и начинали выплясывать, — никто никогда не расскажет, что думали они в это время! Но вода отражала эти невероятные ужимки, и солнце горланило, изливая раскалённый огненный свет... Птицы кружились. Хвосты их с пушистыми мягкими косицами колыхались за поворотами туловищ — это напоминало надутых, важных дипломатов, в которых проснулся человек. »

Может быть, это вовсе не было так смешно!

Речка передразнивала их вовсю. Там в неподвижных зеркалах колыхались голубые тени, — в мире не было никого, кроме солнца и света, для этих далеких для нас птиц. И никто не смеялся вокруг. Солнце сияло над маленьким

шаром земли, весь лес гудел от птичьего щебета, и резвились мухи, и оранжевые шмели вылетели в это утро к первым открывшимся цветам. А когда день встал во весь рост, журавли засыпали как вкопанные. Самый старый закричал резко и внушительно, и все двенадцать птиц побежали-побежали и с разбегу стали подниматься на воздух.

Много раз поднималось солнце...

Но только двое вернулись обратно. Все остальные — десять серых журавлей — полетели дальше, и везде они раньше всех трубили о приходе величайшего часа солнца — о конце ночи, о радости чистых утренних глаз, о приходе труда во имя веселого продолжения жизни.

И везде они танцевали и трубили свою песню красному солнцу.

1935 г.

Песня охотника

Погоняться нам охотникам за следом?
Полем-юностью домой ли воротиться?
Занесло всю землю выгой, снегом,
В тёплом поле заяц тёплый снится.
Всё забуду. Молодость ли, друга, —
Лавка под боком, да ночь напропалую
Только — жарко распевает выюга,
Серый зверь всё ближе, ближе — чую...
Выпадала ты, пороша, хороша!
Погоняться нам охотникам за следом?
Пусто, тихо в мягком берегу...
От избушки тёмной, еле ведом,
Свет-печаль желтеет на снегу —
Всё белей, туманней за рекою.
— Где ты, радость лёгкая, да ноша,
Ветер в дуле, молодость с тоскою,
Счастье красное, да светлая пороша!..
— Гей, охотники! Вставай, вставай!

1927/XII

На глухаря

У сосен — трех черных сестёр
Легла Глухариная Грива.
Забытый лесной разговор
Костёр начинает лениво.
Пищат в полуслне угольки
Над грудою колкого жара,
Мигают баగрово пеньки
Из тымы, непролазнее вара.
Уж месяц в болоте сгорал.
Мутнели еловые вешки.
И глухо сапог раскидал
Кровавые сны — головешки.
Ни эги, ни просвета, ни слов,
Лишь звёзды мигают, как раньше,
И вдруг — над стеною лесов
Хрипит и проносится вальдшнеп.
Простонет, пробьется бекас —
Нет сумрака глушне у бора,
Тропинка — ведуны сейчас,
И шорох — ясней разговора.
Весенняя серая ночь
Вся в шорохе влажном и росном.
Я звезд не могу превозмочь,

Мигающих в сумрачных сосновах.
Но миг — и от солнечных сил,
Из ночи, из черного ада,
Как грохот от каменных крыл,
Захлопала в сосновах громада.
Качнулась дремучая старь,
Ключеё солнце дымило.
Бормочет, скрежещет глухарь,
Косматая щелкает сила.
Уж ей тишина не дана,
Две песни даны ей на милость
И гранил огонь. Тишина
Вдруг ахнула — и покатилась.
Сквозь хвойные лапы и дым
Катилась и билась в падучей,
А мертвая тяжесть с вершин
Цеплялась за грузные сучья.
Белеют за речкой лога
Заря! — и на кочках краснея,
За ней по следам лесника
Глухарь волочится шея.
На тропке оленьего мха
Дымятся брусличные брызги.
Избушка! О крик петуха!
О жизнь! О собачие взвизги!

1925

Русак

Русак взметнул и покатил на низ,
Но вскинут блеск ружья тяжеловатый...
Удар!
Ещё!
И на снегу повис
Он серебристо-дымный и усатый
И зачернел.
Срываюсь в снег, я лез через овраг.
Скорей!
Скорей!
Вот он —
И задыхаясь
Вижу его:
Вот заяц, так ведь заяц!
Весь сединой обрызганный русак,
Так и сияет бархатный кушак.

1926

На волжских горах

А. Формозову

В сережках золотых осины,
Раскрыло небо синий зонт,
За пущей заросли малиновой
Лиловой, дымный горизонт.
С обрыва — дали парафинные,
И из огромного стекла,
В шелках кленовых и рябиновых,
Река торжественно светла.
За перелесками овражными
Сорочий стрекот по садам,
С ружьем почти что утро каждое
Иду к соломенным буграм.
Мой хрусткий шаг жнитвою колкою
Так осторожен в тишине.
Прорвально вскинется двухстволка
По черной заячьей спине,
И целый день так любо слышать,
Уж видно с этим я рожден,
Как за плечами ветер дышит,
Гудит, звенит моим ружьем,
Я знаю — буду долго, долго,
Мне то грустней, то веселей,
Смотреть, как потянули над Волгой
Табун поднявшихся гусей.
А после, знаю поневоле,
Когда в окне замглится сад,
Стихи о русском мокром поле
Осенним ветром прозвучат.

1923

Пролётный гусь

Виктор АСТАФЬЕВ

Растерзанный усталостью, мокрый до нитки, повесив ружье на плечи и положив на него руки, плелся к городу Данила Солововников. Уйдя еще до рассвета в тайгу, он не сделал ни одного выстрела и даже не видел ни одной птицы, годной в варево. Холодный ветер нанес ворохи серых, в середине черную клубящихся туч и с раннего утра по переменке хлестал по земле то дождем, то липким снегом. Все живое умело попряталось, куда могло, и сидело в теплых лесных крепях под сухими пихтами да елями, под скирдами, в норах, в гнездах, и один, казалось, Данила, один только он, бродил по этому с места сдвинувшемуся, погруженному в морок, в мокреть и тучи миру.

На полустанке Акбары он мог вспрыгнуть в грузовой состав, что делал не раз и не два, возвращаясь с охоты, поскорее вернуться домой, обсушиться, отогреться и уснуть, но он не мог, права не имел, возвращаться домой с пустыми руками.

В маленькой однооконной избушке, по-амбарному крытой тесанным железом, его ждала жена и сынишка Арканя, этакое послевоенное тощенькое создание с доверительно распахнутыми голубенькими глазками, с жилками, синеющими на виске и на горлыше. Ему шел четвертый год, и он по своему возрасту был хорошо развит, говорил почти чисто и забавно, сообразиловка его крепко работала хоть в играх, хоть в запоминании песен, стишков или там всяких пооказулек. Но был Арканя болезненно плаксив, часто болел насморком, у него наперечет выпадали по бокам ребрышки, выглядел он года на два с половиной.

А все от неустройства, от нервности, от слабого питания матери. И где им что было взять? Застряли вот в городишке под названием Чуфырино и бедуют тут, зубарики играют, как говорил с невеселой усмешкой Данила...

Поначалу они жили ладно и даже складно. Строгая хозяйка Виталия Гордеевна порой бывала даже сурова, поскольку сопротивления от квартирантов нигде и ни в чем не встречала, но скоро помягчела нравом.

Перво-наперво она сводила молодоженов на худо засаженный и еще хуже ухоженный огород и показала на сво-

бодный участочек земли, уже начавший зарастать травою:

— Вот, хотела капусту посадить и огуречную гряду соорудить, да куда мне, шов болит, голова кружится, того и гляди, в борозду сунусь. Так что садите здесь картошку, семена есть, ну что, что середина июня, авось вырастет и вам какое-никакое подспорье.

... А жизнь, трудная, тяжкая, все же куда-то — наверно-таки вперед — катилась и катилась себе. В городе Чуфырино наметилось выделение в отдельный завод от эмалево-железного завода крупного и пока единственного в стране предприятия по изготовлению чугунных квартирных ванн — следовательно, и строительство смежного с ним предприятия по изготовлению эмали и красок.

В связи с развертыванием этих, а также и других немаловажных предприятий начало стремительно пополнить население города; вдали, за прудом, на пастбищных холмах, поросших кустарником, как-то безгласно, подпортив, правда, пейзаж, совсем почти незаметно огородились два лагерька строгого режима.

Надо было копать котлованы, строить подъездные пути, подводить канализацию, поднимать в небо трубы,ставить столбы электроопор, и много, много другой тяжелой работы возникало, подходящей только для преступников, искупающих свою черную вину перед народом и государством старательным, иногда и смертельным трудом.

Данила колебнулся было уйти из депо на новостройку, чтобы побольше зарабатывать, но Виталия Гордеевна тормознула его, заявив, что да, на железной дороге падают каменных не наживешь, однако железная дорога — самое стабильное и надежное, что есть в нашей стране, на новостройках же наших, как и всюду, неразбериха, содом и жилья скоро не дождешься. На новостройках лишь посулы скорые и деньги резиновые.

Данила успокоился, Марина же и представить не могла, куда она без Виталии Гордеевнного угла и досмотра, ее советов и помощи. Аркашка и вовсе без нее ни шагу, бабой Итей зовет, за подолом таскается. Но все же без тревоги, без надсад жизни не бы-

вает, очень уж болезненным, плаксивым рос Арканя, и, когда попробовали его определить в железнодорожный детский садик, врач, посмотревший его, резко заключил, чтоб сперва в порядок привели ребенка, потом уж предлагали его в общественное детское заведение.

Одним огородом, пенсией Виталии Гордеевны и заработками молодых родителей семье можно было еще тащиться, но ребенка не укрепить. И тогда Виталия Гордеевна подвела Данилу к кровати, сняла с гвоздя ружье, сунула его в руки квартиранту и сказала:

— Владей пока, добывай мясо, как древний хозяин очага. Я тебя к Пахомке Верещаку прицеплю, он тебя малярко поднатаскает.

Пахомка Верещак, человек без возраста и определенного облика, жил тоже на улице Новопрудной, но за прудом. Улица эта, взяв разгон, перескочила через широченный пруд и там скоро не могла остановиться, рванула еще версты на три и как-то устало, изнеможенно рассеялась на подслеповатые избушонки, засыпные времянки, которые, впрочем, стояли уже десятки лет, время их гнуло, кособочило, насило ущерб, подмывая их, разрывая ветрами, придавливая снегами, но они стояли, упервшись рыльцами в землю, вечерами мигали из заречья нездешними, как бы уж и запредельными огнями. Среди этих скученных, большей частью нумеров не имеющих, нигде не записанных, властями не учтенных жилищ были две-три полуземлянки-полухаты, толсто мазанные дармовой здесь глиной, и вот в одной из них обреталась Пахомка Верещак, человек, возникший из ниоткуда и никуда не устремленный. Он отродясь не занимался никаким общественно полезным трудом, жил как бы в свое удовольствие, как бы в забавах все время. Плел ивовые корзины, под их марку и морды для поимки рыбы, мастерил на нитке прыгающих и физкультуру на нитке делающих человечков, вырезал свистульки, по найму ремонтировал мебель, погре-ба, иной раз и бани.

Главным призванием в жизни Пахомки Верещака была охота, вроде бы не-серьезная, ближняя. Добыл где-то

справку с печатью заречного медпункта о том, что ему, Пахомке Верещаку, круглогодично разрешена охота на здешнем пруду, тут он и шерудил по зарослям камыши и кути, гоняя утиные выводки, а с проснегом лупил уже пролетную утку. Мужики, и позапрудненские, и коренной земли, пробовали было возмущаться, протестовать, но охотник им бумагу с печатью в нос. Кроме того, все припрудные хозяинки считали Пахомку Верещака блаженным и по этому случаю угощали его во все праздники, и советские, и царские, стяпней, где и стопкой, стояли за него горой, в обиду блаженного не давали, снабжали его ношеной одеждой, обувью, за это за все он где посторожит, где покосит, чего поднесет, кого в своем ходком самодельном челе на другой берег переправит.

Пахомка никогда и ничем не болел, с бабами не знался, все припрудные чуфырнцы считали, что так оно и должно быть, человек он Божий и помереть ему суждено тихо, без мучений, скорее всего во время сна. Забегая вперед, можно подтвердить, что так оно все и вышло.

* * *

Вот к Пахомке-то Верещаку, в воспитанники, как он сам называл Данилу, и попал квартирант Виталий Гордеевны. У Пахомки ни детей, ни тем более воспитанников никогда не было, он испытал чувство важности от порученного ему дела, терпеливо натаскивал «прахтиканта» не только по утке на пруду, но и по ближним покосам и полям на тетерю, на рябца, по первотрону и на зайца.

Поскольку Пахомка жил неторопливой, ничем и никем не контролируемой жизнью, он в свое удовольствие исходил и изучил родные угодья, хотя стрелком был не ахти каким по причине экономии боевого припаса.

С Пахомкой-то Верещаком хватил Данила горя и радости. Первый раз в жизни получив под свое начало подчиненного, уж отвел душеньку командир, уж поматерил его — проматерил, можно сказать, до дыр. Не будь Данила смиренным и терпеливым от рождения человеком, бросил бы он всю эту сложную и хитрую науку пригородного промысловика, посыпал бы голову пеплом или еще чем, сам обматерил бы напослед учителя и подался куда глаза глядят. Но он все вытерпел, все превозмог и научился, хоть и не очень хорошо, стрелять, владеть утиными манками, рябчным пищиком, делать чучела, петли на зайцев ставить, избродил все окрестности, познал таинственный смысл жизни русских лесов и вод, получил много радостей, испытал и много горечей. Пахомка Верещак, ссылаясь на больные, ревматизменные ноги, со временем пустил Данилу в вольные походы, приставил самостоятельно владеть угодьями и ружьем.

Охота в пригороде становилась все труднее и малодобычливее. С каждым годом множилось число тех, кто любил

пострелять и попользоваться дичью, дарами природы к почти голодному столу. В пригороде дичь перевелась, надо было или отъезжать по железной дороге, или топать в глубь урема, по дальше от города. А выходной-то один — воскресенье, да и тот частенько заедали на производствах, устраивая стахановские вахты иль повальные, шумные авралы.

Хитрый Пахомка Верещак не часто, но открывал свои секреты и однажды затащил Данилу на ближайшие от города поля подсобного хозяйства завода «Эмальпосуда». Это почти за истоком пруда, почти при впадении в него речки Чуфырки, в честь которой и названо было древнее селение, — название то и прилепилось к городу. За близкими, довольно заболоченными лесочками по излучинам Чуфырки вдруг открывался пашенный, крестьянский, считай что, мир. На пологих холмах, впахиваясь в берег и перемахивая через речку, открывались желтые поля хлебов, овса, загоны с картофелем и даже обширный загон ячменя для производства пива, дальше за оградой, выветренной до черноты, за дорогой, изъезженной до глинистой грязи, виднелись фермы, загоны для скота.

Благодаря этим полям и фермам не издох в войну эмалепосудный завод и его боевой коллектив. Хозяйство давнее, с начала тридцатых годов существующее, с тех пор, как разорили русских крестьян, согнали их с земли и рабочий класс вынужден был переходить на самокормление или сдыхать с голоду, — хозяйство это росло и крепло, потому что вчерашние крестьяне не забыли еще привычную работу, усердию же и строгости в деле их учить не надо было. Вот отучивать потом настойчиво возвратится и шибко преуспевают в этом прогрессивном направлении.

Возле полей подсобного хозяйства, как и возле старых деревень, велась птица: косачишки, реденько глухари и в глухи ельничков зимовали рябчики. Весной над березничками тянули вальдшнепы, над болотами жужжали бекасы, курлыкали журавли и стонали по полям чибысы, а поздней осенью и ранней весной на поля как бы наезжали с небес гагаканьем стаи усталых гусей, иногда усаживались среди полей, но так умело выбирали место, что ни с какой стороны к ним не подбрешишься: скрадов на поле, скирд и суслонов они избегали. Придумал было фокусник Пахомка вкапывать бочку середь поля, поживился одной или трёмя птицами и гордился этим, грудь выгибал, пьянецкий хвастался: «Да я. Да я любу птицу, какой хошь величины и умственности, добуду — и не охну!..» Показав Даниле по секрету заветные места, Пахомка приложил к губам криевой палец с черным ногтем:

— Нишки! Чтоб никому ни слова, ни пол слова. — И всхохотнул презрительно: — Оне ж, верхогляды, вдаль прут, а чё под носом летят, не ведают.

* * *

Разведали! За две осени дичь в округе выхлестали почти подчистую, стрелки-то — на наше горе, не Пахомка с Данилкой, хоть по бутылке, хоть по фуражке палят так, что дребезги и лоскутья летят. Тетеревов они нарочно на крыло поднимали, чтоб одним выстрелом выбить пару иль несколько птиц. Опустело запрудье. В углу дальнего поля были сооружены Данилой два скрада, из них он попользовался птичинкой, иной раз тетери по две, когда и самого косача приносил. Он перестал посещать и подновлять скрады, они истлели, обрушились, нынче вот из последних сил поволокся в свой добчливый угол охотник — вдруг повезет, вдруг тетеря или косач, сохранившиеся в болотных крепях, уловая на непогоду, вылетят на поле зернышек пособирать, забытую былку неосыпавшегося овса клювом потеребить.

Нельзя ему, нельзя пустым домой возвращаться, нельзя ему, нельзя большого мальчишку без мясного бульона оставить. Правда, он и мясной-то плохо ест, с крошками иногда ложку-другую отхлебнет — и все. Рвать его начали. За животишко держится мальчик. Из ушей у него тень начало. По стадоравней интеллигентной привычке

Виталия Гордеевна держала в зале на круглом столе, покрытом темно-синей скатертью с кистями, две вазы — маленькую, наполненную карамельками, большую — яблоками. Мальчишка, когда побочнее был, приставал к хозяйке:

— Баба Итя, хосю люлю и ябоська.

Никогда, в каком бы настроении ни была, но баловню своему не отказывала баба Итя, а ныне вот гладит его по головке и терпеливо толкует:

— Нельзя тебе люлю, малыш, нельзя. Обметало тебя, из ушек течет, а ябоська сейчас мы натрем на терке, сейчас, сейчас, мой хороший, сейчас, мой маленький.

Смуглая, с черненными джигитскими усиками, глазища с ложку, тоже черные, вдруг отчужденной сделалась Виталия Гордеевна и молчаливой. Пытались отгадать Данила с Мариной, в чем дело, хозяйка открылась сама:

— Ружье, Данилушка, на гвоздь, из спальни выселиться ко мне иль в зимовку переселяйтесь, мальчика не распускать. Сын домой возвращается с женю, и боюсь, жизнь наша мирная круто изменится.

...Данила знал, что ружье ему доверили в последний раз, и хоть убейся, но что-нибудь добывать, отошла лафа, отфартило, самому на ружье не с чего капиталов накопить, родиной всей в городе — Виталия Гордеевна, ей едва хватает на скучное житье пенсии.

И хотя промок, устал молодой охотник, до изнеможения дошел, он заставил себя проброситься по окраинам полей подсобного хозяйства. Нигде никто не шевелился, не вылетал, голусу не подавал, все разошлись по домам, как говорил близкий друг Пахомка Вещак. Данила забрел на приречное поле, где прежде Пахомка закапывал бочку, и как во сне невнятное, усталое донеслось до него — га-га-га, га-га-га.

Данила отскочил к кромке ивняка, вырвал патроны с крупной дробью из патронташа, вставил в стволы и приподнялся над опушкой перелеска. От соснового бора, что был за городом, в котором летами располагался пионерлагерь, пока еще едва-едва различимая, в мороке шла и снижалась на ночевку стая гусей. Большая стая гусей. И тогда, движимый какой-то ему неведомой силой, Данила вдруг зашептал:

— Господи, помоги мне, нет, не мне, Аркашке, отроку хворому помоги. Он у нас крещеный.

Клич гусиный яснел и приближался.

И вдруг над самой головой Данила услышал шелест крыл, иные гуси, скользя в полете, уже и лапы выпустили, чтобы коснуться ими земли и, пробежав немногого, остановиться. Данила приотпустил стаю и из обоих столов дуплетом ударил в гущу ее. Не коснувшись земли, стая плавно взмыла вверх, тревожно закричала и, пересекая перелесок, ушла за речку.

Но пока стая набрала высоту и скрылась, Данила увидел, как один гусь, оттопырив крыло, задрожал им, словно бы стряхивая с перьев капли, и косо пошел к земле.

Данила точно отметил место, куда снажился гусь, это было недалеко, но ничего там, куда он пришел, не обнаружил. Тогда он заложил круг-другой и тупо думал, что, если сделал подранка, ему его не найти, да и наполовину сбитую птицу отыскать здесь — непростая задача.

Чуфыринцы, возвращаясь к мирной жизни, возвращали и мирные свои привычки. До войны они любили гульнуть на природе, как узнал от Пахомки молодой охотник, и вот снова по воскресеньям, в День металлурга, в День матери и ребенка, во все праздники и дни, пригодные для пьянки, тянулись они на ближнюю природу, за пруд, и здесь, в загустевших за войну лесочках, по окраинам полей давали звону и шороху, засорив за короткое время так пригородную местность, что ровно не люди тут веселились, а черти или еще какая дикая, нечистая сила правила здесь шабаш.

Бутылки, стекла, консервные банки, жесть, картон, доски и много, много бумаги. Всюду она белеется, принять ее за гуся было нехитрое дело. Однако Данила кружил и кружил по измятым, ломанным, порубленным кустарникам, будто заговоренный лунатик, не веря, не желая верить, что потерял добычу. Если гусь подранен в крыло, он, волоча его, уковыляет на ближнее болото, там его вынюхает лиса либо наткнется на него здешние собаки и схрустят за здоровью живешь. Но почему собаки, почему лиса? Птичина, бульон из нее нужен больному человечку, маленькому Аркаше. И Данила искал, искал, уже заплетающимися ногами колесил по давно ему знакомой местности. По здешним не очень веселым и худородным лесочкам пасся скот, объедал все, что давалось зубам, натоптал тропы, сбив в гребешки грязь копытами. Ходить трудно, скользко. Ближняя тропа в который уже раз вынесла охотника на пустынное, зябко скрючившееся под мокретью поле, где прежде велось много косача. И, остановившись перед этим желто и слабо мерцающим в завеси морока полем со скрипкой-истуканом посередине, глядя на запрудье, где густело невидимое небо и откуда вместе с мороком непогоды наплыval морок вечерний, Данила вдруг рухнул на колени прямо среди растолченной тропы и снова свистящим шепотом вытолкнул мольбу сквозь сведенные холодом губы: «Господи! Помоги еще раз! Помоги! Не мне, отроку малому. Мне уж никого ничем не поможет...»

Он и еще что-то вышлепывал мокрыми губами, стараясь сквозь пелену дождя со снегом увидеть небо и того, кто там, на нем, на небе, обретается и

призван всем помочь. Помогать, помогать, и только, других у него дел и обязанностей нету.

Он еще и не доныл, не допел своей просьбы-мольбы, как вспомнил, что здесь вот близенько, почти на выходе тропы, в поле мимоходно видел он приземистую елочку и под ней скомканную газету. Но гуляки иль культурно на природе отдыхающие трудящиеся газету должны расстелить под задницу или под закусь, под выпивку, под разные дела и потребности.

Газету могло скомкать, ветром в кучу собрать, дождями вымочить, либо сбаки, либо скотина рылом ее смяла...

Но нет, нет, здесь, на самой окраине, на выходе тропы в поле он не искал дичину, не пытался отчего-то искать, лез в глушину чащи, подальше от поля. Он бежал, спотыкался, раза два упал, скосколяясь на гребне грязи, к ночи начавшей застывать, он почти пробежал елочку, остановился, медленно повернул шею, будто она у него болела... гусь смириенно, отвалив головку, откинув крыло, лежал кверху серым пузцом и полупригнутыми к нему лапами с ясно видимой на желтых перепонках грязью.

Гусь все-таки пробовал уйти, скрыться, но сил его достало только сойти с тропы.

Данила схватил гуся обеими руками, зарылся в его крылья, в перо лицом и услышал еле приятное тепло, еще хранившееся в недре птицы. Он так, не отнимая от мокрого лица убитую птицу, вышел на поле, пошел к пруду, заставая от счастья или плача от радости.

К Пахомке не заходил, спустился на переправу и переплыл пруд на дежурной лодке.

— Что так долго-то? — спросила Марина. — Я уж тут беспокоиться начала.

— Вот, — развязавши петлю вещемешка, бережно выложил на столик свою добычу Данила. — Гусь, — пояснил он, — редкая здесь птица, бывает только пролетом.

— Ты ружье верни хозяевам, напоминали опять, — тускло отозвалась Марина и начала умело теребить птицу. Тоже вот научилась вместе с ним — он добывать птицу, она ее обиживать.

Утром, до работы, Данила постучал в новую дверь молодых Мукомоловых — им прорубили отдельный вход, изладив кокетливо вырезанное и покрашенное крылечко.

Интеллигенты Мукомоловы еще неожидались в постели, и, в носках войдя к ним, Данила прислонил к стенке ружье, вычищенное, впрок смазанное, сказал заранее заготовленное:

— Вот, благодарствую. Шибко оно нас выручило.

...Шел одна тысяча девятьсот сорок девятый год.

«Глядишься в зеркало природы, В её лице свое узнав»

«.....во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава»
Арсений ТАРКОВСКИЙ

Вероятно, у большинства читателей «Охоты и охотничьего хозяйства» на слуху имя Андрея Тарковского — талантливейшего кинорежиссера России, ставшего знаковой фигурой нашего кинематографа. К сожалению, широкой публике менее известно имя отца Андрея Тарковского — замечательного русского поэта Арсения Тарковского (1907—1989).

(Хрипловатый голос Тарковского-отца, читающего свои стихи, звучит за кадром кинокартин Тарковского-сына.)

Как писали мемуаристы, Арсений с малых лет читал русских и зарубежных классиков, посещал вечера известных поэтов — И. Северянина, К. Бальмонта, Ф. Сологуба. Сам рано начал писать стихи. Учился в классической гимназии. В начале 20-х годов прошлого века Арсения и его друзей арестовали за стихотворение с нелестной характеристикой Ленина. Арсению удалось бежать; он скиталялся по Украине и Крыму, голодая, временами зарабатывая сапожным ремеслом, работая в рыболовецкой артели.

Во время Великой Отечественной Войны, после многочисленных заявлений Арсения Александровича об отправке его на фронт, он попадает в действующую армию (на фронте — тяжелое ранение, операции; в результате последней операции — ампутации левой ноги — удалось ос-

тановить газовую гангрену). По счастью, предчувствие поэта не сбылось: Немецкий автоматчик подстрелил на дороге, // Осколком ли фугаски перешлибут мне ноги, // В живот ли пулю влепят эсэсовец-мальчишка, // Но все равно мне будет на этом фронте крышка.

Творческий путь Арс. Тарковского начался на рубеже 20—30-х годов XX века, однако основные поэтические сборники («Перед снегом», «Земле — земное», «Вестник») вышли лишь в 60—80-е годы. Александр Егоронун писал: в 1945 году Тарковский готовит книгу стихотворений для издательства «Советский писатель»; одна из рецензий резко отрицательна: «Стихи Тарковского относятся к тому черному пантеону русской поэзии, к которому принадлежат стихи Гумилева, Ахматовой и эмигранта Ходасевича». Книгу Тарковского снимают с производства, типографский набор уничтожают. Только в 1962 году Арсений Александрович смог взять в руки свою первую поэтическую книгу. Анна Ахматова в отзыве на неё писала: «Эти долго ожидавшие своего появления стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облечеными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце. <...> Этот новый голос в русской поэзии будет звучать долго».

Во все времена источником творческих импульсов самых различных

Арсений Тарковский. 1907—1989

поэтов от Британских до Японских островов являлась Природа. В полной мере это относится к поэту Арсению Тарковскому.

Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В её лице своё узнав.

«В ее лице своё узнав»... Как это перекликается с размышлениями богослова, ученого и поэта Павла Флоренского: «Природа — не безразличная среда технического произвола, хотя до времени она и терпит произвол, а живое подобие человека».

Пронзительные, эмоциональные и одновременно интеллектуальные, философские строки Тарковского, посвященные Природе, не могут оставить равнодушными натуралистов, охотников, охотоведов, биологов, составляющих «аудиторию» «Охоты и охотничьего хозяйства».

Чувство духовно-плотского единства с природой — органичная черта поэзии Тарковского, который «учился траве, раскрывая тетрадь, // и трава начинала как флейта звучать», который слышал «круглого яблока круглый язык», слышал «белого облачка белую речь», у которого «Людская плоть в родстве с листвой», который был убежден, что «Все на земле живет порукой круговой:// Созвездье, и земля, и человек, и птица», «Древесные и наши корни живут порукой круговой».

«Как я хочу вдохнуть
в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий
обличье:
Травы неуловимое движенье,
Мгновенное и смутное величье
Деревьев, раздраженный
и крылатый
Сухой песок, щебечущий
по-птичьи...»

У Тарковского «ходит мотылек по ступеням света», шиповник — «июньских бабочек письмовник, // задворков праздничный словарь»; «Кузнец на лугу стрекочет\\ в своей защитной плащ-палатке»; «Бабочки хотят, как безумные»; мотылек — «золотого шелка лоскуток», о распахнутых крыльшках мотылька — «Кничечку чудес\\ На лугу раскрыли».

Спектр образов и понятий в лирике А. Тарковского — от пантеизма античной Греции до космогонического мировосприятия Г. Державина:

И неправда, что Пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Над хрупкой чешуй²
светло-студеных вод
Сторукий бог ручьев свои рога
склоняется.

И одновременно:

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой
рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Поэзия — как и Музыка — непереводима. Можно написать множество слов, пытаясь (безуспешно) «переизложить» какую-либо музыкальную фразу; в равной степени это относится к поэзии: «Выпало лето холодной иголкой\\ из онемелой руки тишины». Попытайтесь «перевести» это на обыденный язык... Как и «оторвать желтой листвы за окном»...

Прекрасный филолог, литературовед Михаил Эпштейн писал: Природа у Тарковского духовно прозрачна, сквозь ее живую ткань проступает Слово; поэт вникает в природу, как в незнакомую прекрасную речь: «Я по каменной книге учу вневременный язык...»; «словарь открыт на всю страницу, // От облаков до глубины земной». Ни один из поэтов не искал с таким постоянством свидетельств таинственного родства своего ремесла с жизнью природы. <...> Тарковский возвращает в поэзию природы то волшебство, без которого она привыкла обходиться в течение десятилетий, чувство тайны, пронизывающее все живое. <...> В целом поэзия Тарковского — это образ царственного достоинства и праздничного великолепия природы, из глубины преображенной Словом.

Александр Зорин подметил: «В поэзии Тарковского сведены крайние ощущения — почвенной тяжести и эфирной невесомости. Материальный мир, пронизанный неведомой энергией, парит, каким бы весом и массой ни обладал».

При этом, следует добавить, Тарковский был отнюдь не «небожитель», «не от мира сего». Этот фронтовик, лишившийся на войне ноги,

имел вполне реалистичный взгляд на окружающую его действительность:

Тянет железом, картофельной
гнилью,
Лагерной пылью и солью камы.
Где твое имечко, где твои крылья?
Вий над Россией топорщит усы.

Рано или поздно всё мутное, насное, заполненное книжные магазины и «средства массовой информации», сойдет на нет и сквозь «бытовуху» («глянцевую» ли, «чернушную») пропустит Бытие, где и пребывают строки Арсения Тарковского, не подверженные тлену. Тарковский классичен.

Упоминавшийся рецензент 1945 года был прав: стихи Тарковского действительно «относятся к тому <...> пантеону русской поэзии, к которо-

му принадлежат стихи Гумилева, Ахматовой и <...> Ходасевича».

Тарковский сказал: «Если бы меня спросили перед смертью — зачем ты жил на этой земле, чего добивался, чего хотел, чего искал и чего жаждал, я бы, не помедлив ни минуты, ответил: «Я мечтал возвратить поэзию к её истокам, вернуть книгу к родящему земному лону, откуда некогда вышло все человечество...»

И стану я книгой младенческих
трав,
К родимому лону припав.

Выберите время, выключите телевизор, снимите с книжной полки томик Арсения Тарковского и в тишине перечитайте. Не пожалеете.

О. ЧУГУНИХИН
Фото автора

Уважаемая редакция! Эти воспоминания я посвящаю замечательному человеку, бывшему охотоведу Назаровского района Красноярского края Большакову Петру Алексеевичу, который умер в 2004 г. после тяжелой продолжительной болезни.

На работу в Ачинский межрайонный комитет по охране природы Красноярского края мы с братом устроились в мае 1994 года. Нас приняли в качестве егерей в заказник «Березовая дубрава» Назаровского района.

Территория заказника в основном покрыта лиственными лесами с вкраплением трудно проходимых болот. Часть площади занимают густые насаждения полувековой сосны. Вся площадь составляет около пяти тысяч гектаров лесов. На границе заказника расположено озеро «Белое», которое в весенний период посещалось нескользкими тысячами гусей и уток при перелете к местам гнездовий и обратно. Сам заказник в то время обладал популяцией лоси в количестве 30—40 голов, зимовало в некоторые годы более 150 голов сибирской косули, не считая лисиц, зайцев, тетеревов и других обитателей местной фауны. Все это изобилие зверей и птиц как магнитом притягивало браконьеров, и в первую очередь, не самых бедных слоев населения. Трудно приходилось противостоять этим жаждущим развлечений и имеющим власть людям. Если бы не постоянная помощь и поддержка районного охотоведа Большакова Петра Алексеевича, еще в то время — около десяти лет назад, мы бы имели нынешние результаты. Как говорится «беда не приходит одна» и после первого года нашей работы на территорию заказника со стороны Хакасии зашла стая волков — двух матерых, двух переярков и троих прибыльных. Одно хорошо, что комитет по охране природы обеспечил нас снегоходом «Буран» и иногда выделял на квартал 1—2 центнера бензина. Контролируя территорию заказника, мы начали постоянно находить останки косуль. В одном месте были обнаружены останки лоси. Нам двоим, не имея хорошего оружия, а зачастую и бензина, никак не удава-

П.А. Большаков,
охотовед до марта
2004 года

нец верёвки, тащился на лыжах наш хороший друг и веселый человек. Имея большой вес и плохое крепление лыж, он на малейших неровностях падал, снова поднимался и весело уговаривал нас бросить его на съедение волкам...

Так мы жили в прошлом веке! Есть что вспомнить и кого помнить.

КАРПОВ В.К.
Красноярский край

Предчувствуя скорый конец нашей любимицы кошки Рыськи, удивительного, почти очаровавшегося существа, я стал искать ей замену. В деревенском доме без кошки сложно. Никакие яды и мышеловки не избавят от осеннего нашествия крыс и мышей. И если вы, подобно мне, на старости лет предпочли сельское уединение суете и тщеславию городских «камер общего содержания», кошка как психотерапевт и спутник по жизни вам просто необходима. При этом важны не ее природные достоинства, а способность с достоинством принимать вашу заботу, отвечать на нее благодарным мурчанием, доверительное топтанье в постели, стремление согреть ваши болячки своим теплом. Короче — духовное общение — без претензий и попыток унизить тебя как личность.

Но к делу. В мае я получил от друзей в подарок прелестного серого в пятнах игривого котенка с узкой мордочкой и ухватистыми передними лапками. Мы решили, что это кошка (я предпочитаю кашек), назвали ее Рыськой-2, и я увез ее к себе в деревню.

Вскоре прибыла на дачу и наша гладкошерстная такса Тоська, переживавшая зимние холода в теплой московской квартире и дружившая со старой Рыськой. Кстати, поговорка «живут как кошка с собакой» глубоко неверна, если каждый из этой пары не претендует на чужую миску. Но и тут бывают исключения — вплоть до совместной миски. Итак, в доме между кошкой и собакой может установиться не только нейтралитет, как об этом пишет К. Лоренц, а зачастую самые дружеские отношения. Более того, когда умерла первая Рыська, а таксу ненадолго пришлось увезти в город, первое, что сделала Тоська по возвращению, проигнорировав встречающую ее любимую хозяйку, забегала в поисках кошки и, не найдя ее, жалобно завыла.

Маленького котенка Тоська приняла сразу, отогнав, впрочем, от своей миски. Но это не повлияло на их отношения, они играли в догонялки, борьбу, нападение из-за угла. Вместе спали, вылизывали друг друга, ходили со мной на прогулки — в лес и на озеро, сохраняя взаимную привязь и там.

Прошел год. Котенок вымахал в матерого кота и получил кличку Рыси. Однажды, сопровождая меня на гиблое болото, он ушел в длительную самоволку. Пришлось вернуться домой и призвать таксу на помощь в его поиске. К тому времени кот прекрасно знал свист, которым я управляю собакой. Обладая отличным чутьем, Тоська сразу привела меня к нужному месту. На свист и призывы кот спокойно вышел из камы-

шей и приветливо направил- ся к собаке. Рысик, большой любитель дальних прогулок, ходил со мной и на озеро проверять мерёжи. За это он, естественно, имел свежую рыбку, причем ухитрялся пройти по такому зыбуну, который и я в ботинках сапогах с трудом преодолевал.

В другой раз, когда накануне грозы я ушел за полкилометра от дома за земляни- кой, из кустов вдруг послышалось мяуканье — кот выпрыгнул на земляничник и устроился на моих ногах сзади (ягоду я собирал, стоя на коленях). Грязнуль ливень и пришлось, не добрав запланированного ведерка, бежать к ближайшему сараю. Хотя кота я нес на руках, мы оба вымокли, и сарай стал нам подходящим укрытием. Здесь можно было выжаться и облизаться. От моего предложенного добрежат до дома для капитальной сушки кот отказался, и заявил позже, когда дождь прекратился окончательно.

Зашедшая Тоську, кот шел в атаку на соседских собак, когда те заигрившись с таким, сбивали ее с ног, хватали поперек тела либо за горло. А ведь он еще не взрослый кот, времени как следу- ет замартереть у него достаточно, прожила же у нас Рыска 22, 5 года!!

В. ЦВЕТКОВ

Здравствуйте, уважаемая редакция! Я хотел бы предложить вам стихотворение о природе, навеянное деревенской жизнью на даче. Я очень люблю деревенский отдых именно потому, что бездельничать там некогда. Все дела по хозяйству там не в тягость, а в радость. Люблю рыбалку и охоту, но «тихую» — грибы собирать, хотя раньше у меня были охотничьи собаки — русские псовые борзые. Это необыкновенно благородные, сильные, красивые и грациозные животные. Выезжал с ними на полевые испытания, хорошо знаю, что такое гон борзых за зайцем. Зрелице незабываемое — как будто собаки не бегут по полю, а плывут над землей. Вот они появились из-за пригорка, едва успевавши проводить взглядом, и уже скрылись вдали.

Хочу немного рассказать о себе. Меня зовут Борис

Станиславович, родился в 1958 г. на Алтае в г. Барнауле. Затем наша семья переехала в украинский город Мариуполь, где я провел детство, неплохо изучил украинский язык и литературу, закончил школу с золотой медалью. Поступил в Москве в Университет Дружбы народов им. П. Лумумбы, который закончил с красным дипломом. Не считите все это за хвастовство, просто мне очень дорого то время.

Сейчас я живу в Москве, занимаюсь экологическим проектированием. Очень люблю природу. Лес, поле, река — вот те места, куда меня всегда тянет, откуда не хочется уезжать ни в какой город. Только там понимаешь, что такое настоящая жизнь. Только в гармонии с природой можно оставаться человеком. Стихи пишу редко, времени не хватает.

*Я хочу много-много снега,
чтобы все завалило белым,
чтобы на лыжах в гору с разбега,
и с горы потом вниз скато.
Я простой деревенский житель,
хоть прописка моя в столице.
Впечатлений лесных накопитель,
Вместо «холл» говорю
«светлица».
Мне в лесу лучше, чем на
асфальте.
Не хочу в дома из бетона.
Надоели клаксонов контролято
и мобильных звонков рингтоны.
По следам на снегу читаю
о зверином житье повесть,
И теперь уже точно знаю:
Жить хочу, как велит совесть.
Я не скоро поеду в город.
Есть еще веселых дней пара,
В этом радость моя и горечь.
Выходных все же слишком мало.*

Б. КРЖЕМЕНЕВСКИЙ
г. Москва

Здравствуйте, уважаемые сотрудники журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Пишу вам по просьбе моего друга Кудайметдинова Асхата Курмантаевича. Он выписывает ваш журнал с 1984 года, ему особенно нравятся публикации о животных. Сам он занимается скотоводством, часто бывает за горами Таргобатай, много встречает разных животных, очень любит за ними наблюдать.

Однажды, когда он возвращался домой на лошади, увидел совсем маленького волчонка, примерно две недели отроду. Выглядел зверек беспомощным и жалким, никуда не убегал. Взрослых волков рядом не было. Асхат принес его домой, накормил молоком и прокрученным мясом. Волчонок с удовольствием все съел, потом стал испуган-

но озираться по сторонам, но убежать не пытался.

У Асхата есть маленький сын, волчонок ему очень понравился, и мальчик стал заботиться о нем. Если можно, напечатайте их фото в журнале.

П. МАЗУК
Казахстан

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишу вам впервые, хотя читаю вас регулярно. Казалось бы, совсем недавно еще мечтал стать взрослым, чтобы вступить в общество охотников, и вот уже стаж почти 40 лет. Много интересного почерпнул я из ваших публикаций, кое-что пригодилось мне на охоте. А написать меня заставил один случай, произошедший на утиной охоте. За 40 лет я ничего подобного не слышал.

Много разных приключений было у нас с другом на охоте, и тонули мы, и горели. Зимой на лыжах в метель наезжал на лежки зайцев и лис, они вылетали как чумные. Но это... Решив передохнуть и подкрепиться, сели мы на неубранную копну соломы, ружья лежали рядом, а когда стали подниматься услышали крик и увидели бегущего зайца прямо от нашей стоянки. Оказалось, что один из нашей компании уселился прямо на зайца, который находился в соломе, а когда вставал, естественно, заяц освободился и дал стрекоча.

Доводилось добывать лису без хвоста, корсака без ноги и слепого, ондатру слепую от рождения, у нее даже глаз-

ниц не было. Однажды попалась совершенно белая лисица, только ушки серенькие.

Однажды в октябре на болоте был валовый пролет уток, в основном шилохвосток. Выпустил я своих подсадных и за пару часов без труда взял много осенней шилки. Откуда ни возьмись юркие чирочки сели буквально в метре от моего складка, и я с интересом стал за ними наблюдать. В это время закричали мои подсадные, смотрю, заходит на посадку дюжина шилохвостов. Дуплет, и одна комом, а другая кувырком — подранок прямо в то место, где сидели чирки. Они стали подниматься, и этот подранок упал прямо на одного чирка. От удара оба скрылись под водой, через секунду из воды вылетает чирок весь взъерошенный и с криком взмывает в воздух. И сколько я мог слышать, он летел и кричал с испугу. Такая вот авария в воздухе.

А. ЛЫСЕНКО
Алтайский кр.

Приветствую всех читателей-охотников нашего журнала! Понимаю, что проблемы нашего охотхозяйства многие испытывают у себя «на малой родине» и в первую очередь это, конечно же, браконьерство. Лезут они со всех сторон, просто не знаешь, как навести порядок в наших лесах.

Прочитал статью Л. Мамонова «Охота и охотнадзор» в № 1 за 2011. Министр Ю.П. Труднев — охотник с большим стажем, может, начнется какое-то улучшение, а то ведь доехали до анекдота. Встречаем в лесу инспектора Охотнадзора, разговорились о собаках, об оружии. Инспектор достал Инструкцию и зачитал, какого зверя можно добывать карабином «Сайга», СКС с патроном 39. Перечень животных начинается с крота, бурундика, кролика и т.п., а вот волка стрелять с этого карабина нельзя. Интересно знать, кто писал эту инструкцию, он, что, издается?

Вспоминаю времена, когда охотились только с ружьем, на лыжах, занимались учетом, посевами, отстреливали волка. Я просто не знаю, что делать для улучшения ситуации в охотугодьях. Может, кто-то откликнется и напишет в журнал о наболевшем.

В. ЛАРИГИН
Пермский кр.

В НОМЕРЕ

СУВОРОВ А. Заповедник «Столбы»: быть или не быть?	1
БЛЮМ А. Консультации охотоведа	5
СЕВАСТЬЯНОВ А. У гнезда ежихи	6
КИРПИЧЕВ С. Дикие выводковые птицы: разведение в естественной среде	8
ТИШКЕВИЧ С. Лоси в Сокольниках	14
ЦЕЛЫХОВА Е. История одного края: Собинка	16
ШВАРЦ С. Популяция — элементарный объект охотничего хозяйства	19
ГУСЕВ О. Становление и содержание охотоведческой науки	20
АЗАРОВ А. Гусиный скрадок и поведение охотника в нём	22
ЯНУШКЕВИЧ О. Русский охотничий спаниель: история и современное состояние	24
БЕДЕЛЬ В. Испытания легавых и перемещенная птица	27
ЕРОХИН В. Коростель	29
АЛЁХИН И. И вновь о наших ружьях: размышления человека с напильником	30
Реклама	33
АСТАФЬЕВ Н. Охотничье оружие: изменения в законодательстве	34
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Николай Николаевич Зарудин	36
ЗАРУДИН Н. Солнечный хор	39
АСТАФЬЕВ В. Пролетный гусь	41
ЧУГУНИХИН О. «Глядишься в зеркало природы, в её лице свое узнав»	44
Письма читателей	46
ШИШКИН В. Гоголи	48

На первой странице обложки:

Вологодская область, Шекснинский район. Потревоженная лесорубами медведица покинула берлогу, оставив медвежонка на произвол судьбы. Теперь его опекает начальник Шекснинского отдела по воспроизводству и охране животного мира М. Потылицын

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Северный олень — род Северные олени, семейство Олени, отряд Парнокопытные. Это крупный зверь, его вес достигает 220 кг

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:

Коростель и его гнездо

Фото В. Ерохина

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висячев,
Т.А. Волжина (ответственный секретарь), Л.А. Гибет,
А.А. Данилкин, И.А. Домский, А.М. Лаврова,
В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов,
А.А. Улитин, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н.М. Видулина

Зав. отделом писем И.И. Полосухина

Художественный редактор М.Л. Кнерцер

Оператор компьютера Н.В. Дервиз

Корректор З.М. Данилова

Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 04.05. 2011 г. Подписано к печати 02.06.2011 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5.04. Тираж 28000 экз. Заказ 1553.

Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101000, Москва,

Потаповский пер., д. 3

Тел.: 8 (495) 641-02-28.

Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов, Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ГОГОЛИ

Обыкновенный гоголь — утка-дуплогнездник. Гоголи заселяют не только естественные дупла, но и охотно занимают искусственные гнездовья (диаметр летка не менее 10 см). При отсутствии пригодных дупел кладку гоголя можно найти в укрытии на земле или на стоге сена, но все же область гнездования этого вида тесно связана с зоной лесов как в России и странах Западной Европы, так и в США, и в Канаде. Отдельные поселения гоголей отмечены в низовьях Волги, Днепра, Южного Буга. Гоголь довольно крупная птица (длина до 0,5 м, вес до 1 кг), окраска самца в брачный период контрастная, нарядная. Шея, брюшная сторона и бока белого цвета. Кроющие бедра буровато-серые. Оперение головы темное с зеленовато-синеватым металлическим отливом. У основания клюва на боковых сторонах округлое белое пятно. Радужина ярко-желтая. Клюв темный. Лапы желтые. Спина темная. Вдоль лопаток зоны белых перьев, как бы надрезанные черными краями опахал. На темном крыле большая белая зона, образованная в основном второстепенными маховыми и их кроющими. Самка менее яркая. Голова коричневато-бурая. Клюв темный с желтоватым пятном на конце. Радужина светло-желтая. Шея спереди и с боков белая. Зоб, бока, спинная сторона серовато-бурые с неясным чешуйчатым рисунком. Брюхо светлое. Белая зона на крыльях меньше, чем у самца, несплошная (две поперечные темные полосы). Лапы желтые. Молодые и линные самцы похожи на самок, но белого в оперении больше. С мест зимовок в районы гнездования гоголи прилетают, как правило, сформированными парами. Своеобразен брачный ритуал («танцы» самцов на воде с закидыванием головы, вытягиванием шеи, свистящими и кряжащими звуками). Высотка конкуренция за подходящие дупла (как лиственных, так и хвойных деревьев). В кладке обычно 5—11 яиц, иногда много больше (за счет подбрасывания яиц другими утками). Насиживает самка 29—30 дней. Самец первое время держится поблизости, потом перемещается в места линных скоплений. Пуховики темно-бурые со светлыми щеками, брюшком, парными светлыми пятнами на пояснице, плечах, краях крыла. На зов самки пуховики благополучно парашютят из дупла, иногда с высоты 10 и более метров, после чего быстро перемещаются к воде. В питании гоголей преобладают водные беспозвоночные, мелкая рыба. Местами гоголь — объект охоты, местами (например, в Белоруссии) — охраняемый вид. В охотхозяйствах численность может быть увеличена за счет развески дуплянок. Гоголей в России, видимо, не менее 100—120 тыс. особей.

Как в западные, так и в восточные районы нашей страны возможны залеты **исландского гоголя**. Он крупнее обыкновенного, с более массивным, коротким клювом. Самец исландского гоголя в брачную пору отличается темной головой с фиолетово-синим отливом, пятно в углах рта полууловой формы. Белая зона вдоль лопаток состоит из строчки отдельных белых пятен. Белая зона на крыльях разделена поперечной темной полосой. Самка исландского гоголя имеет больше желтого цвета на клюве, чем самка обыкновенного гоголя, но меньше белого на крыле.

На Камчатку, Командоры, Курилы залетал из Сев. Америки **малый гоголь** (вес не более 500 г, длина около 35 см). Самец в сезон размножения отличается двухцветной головой: большие белые заглазничные области, сходящиеся на затылке, контрастируют с остальным оперением головы, темным, с зеленовато-фиолетовым металлическим отливом. Радужина бурая. Клюв голубовато-серый. Шея, брюшная сторона, лопаточные зоны белые. Спина темная, надхвостье светлее. Окраска крыла сходна с обыкновенным гоголем. Лапы розоватые. Самка буровато-серая, брюхо и зоб светлые. На бурой голове узкое белое заглазничное пятно. Радужина бурая. Окраской крыла похожа на самку исландского гоголя. Любые сведения об обнаружении малого и исландского гоголя в российских пределах представляют большой научный интерес.

В. ШИШКИН

обыкновенный гоголь

Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.А.Крылова
www.booksite.ru

